

КАВКАЗ В XXI ВЕКЕ

ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА КАВКАЗА

Ереван
Институт Кавказа
2022

УДК 32:316:330:050.8

ББК 66+60+65я5

К 126

Редактор: **Александр Искандарян**

Редакколлегия: **Лиана Аветисян, Нина Искандарян, Рузанна Давтян**

Дизайн обложки: студия «**Matit**» / www.matit.am

Верстка: студия «**Коллаж**» / www.collage.am

К 126 **КАВКАЗ В XXI ВЕКЕ.** Ежегодник Института Кавказа / Ред. А. Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2022. – 236 с.

Восемнадцатый выпуск Ежегодника Института Кавказа посвящен итогам первых двух десятилетий XXI века на Южном Кавказе и шире – итогам и трендам его постсоветского развития. В статьях Ежегодника ученые из стран Южного Кавказа, Великобритании, Турции и России анализируют события и тренды в политике, экономике и общественной жизни региона, а также отношения стран Южного Кавказа друг с другом и основными внешними игроками.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing by **Liana Avetisyan, Nina Iskandaryan, Ruzanna Davtyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Layout by **Collage** / www.collage.am

THE CAUCASUS IN THE 21ST CENTURY. CI Yearbook / Ed. A. Iskandaryan. – Yerevan, Caucasus Institute, 2022. – 236 p.

The 18th Caucasus Yearbook sums up the first two decades of the 21st century in the South Caucasus, and wider, the outcomes and trends of the region's post-Soviet development. Written by scholars from the South Caucasus, UK, Turkey and Russia, the papers included in this volume describe the main political, economic and social trends prevalent in the region and the interactions between South Caucasus countries and leading external actors.

УДК 32.316: 330: 050. 8

ББК 66+60+65я5

ISBN 978-9939-1-1552-8

© Институт Кавказа, 2022 г.

© 2022 by Caucasus Institute

Мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения Института Кавказа или каких-либо иных организаций, в том числе организаций, в которых работают или с которыми сотрудничают авторы. В статьях сохранено авторское написание имен и названий.

Any opinions expressed in this volume are those of the authors and do not necessarily reflect the views of the Caucasus Institute or any other organization, including organizations with which the authors are affiliated. All personal and geographical names used in this volume are spelled the way they were spelled by the authors.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 7..... От редактора
- 9..... *Ариф Юнусов*
Унесенные властью и нефтью: двадцать лет Азербайджана
- 46..... *Сергей Маркедонов*
Армения: пути трансформации национального проекта
- 72..... *Марина Мухелишвили*
Популистская Грузия
- 92..... *Александр Искандарян*
Геополитизация непризнанных: смена парадигм в
траекториях развития постсоветских де-факто государств
- 102..... *Лоренс Броерс*
Перекресток наносит ответный удар: Южный Кавказ и
Запад в XXI веке
- 127..... *Николай Силаев*
Не быть империей: Россия на Южном Кавказе после
распада СССР
- 150..... *Мустафа Айдын*
Политика Турции на Кавказе с 2000 по 2022 год
- 169..... *Леонид Нерсисян*
Южный Кавказ в 2000-2020 годах: от холодных войн к
горячим
- 190..... *Грант Микаелян*
Отставание экономик Южного Кавказа: институты,
практики управления и модели развития
- 227..... Об авторах
- 228..... Издания Института Кавказа

ОТ РЕДАКТОРА

Восемнадцатый выпуск Ежегодника Института Кавказа – вновь особенный. В 2021 году в Ереване, пусть и не весной, как было заведено, а осенью, но все же наконец состоялась Кавказская конференция, полтора года откладывавшаяся из-за пандемии коронавируса.

К тому времени на фоне потрясений и вызовов – Второй карабахской войны, эскалации напряженности между Россией и Западом, всплесков популизма и политических кризисов, усиленных волнами пандемии, – уже было ясно, что на пространстве бывшего СССР намечаются серьезные перемены, и статус-кво, сложившийся там тридцать лет назад, начинает трансформироваться. Пространство становится гораздо более дисперсным, в него все больше и больше проникают внешние акторы, противоречия между странами принимают новые формы. Инерция распада бывшего СССР перестает быть определяющей на этом огромном пространстве. Начинает складываться новый статус-кво, отличный от того, который сложился в начале 90-х.

Поэтому темой очередного ежегодника стали итоги не только предыдущего, 2020 года, но и шире – первых двух десятилетий XXI века (и третьего тысячелетия). Новый выпуск ежегодника называется «Кавказ в XXI веке». В какой-то степени он подводит итоги всего постсоветского периода на Южном Кавказе.

[8]

Соответственно, авторы нового ежегодника – ведущие специалисты из стран Южного Кавказа, Запада и России. Мы рады, что они смогли приехать на нашу конференцию в Ереван и написать для ежегодника глубокие аналитические материалы.

Мы благодарим наших авторов и всех, кто работал над ежегодником, в том числе студию «Collage».

Александр Искандарян
Ереван, 2022

УНЕСЕННЫЕ ВЛАСТЬЮ И НЕФТЬЮ: 20 ЛЕТ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ариф Юнусов

НЕФТЯНЫЕ НАДЕЖДЫ И ГРЕЗЫ

Еще в советское время Азербайджан традиционно ассоциировался с нефтью. Именно нефть стала символом надежды населения на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия, в период падения СССР и первых лет независимости в условиях ужасающего социально-экономического хаоса, гиперинфляции и нищеты, а также унижительного поражения в войне за Карабах. Несмотря на столь тяжелое начало своей независимости, азербайджанское общество верило, что энергоресурсы помогут ему решить карабахский конфликт и одновременно резко улучшить жизнь в стране. Именно эти надежды и грезы азербайджанцев во многом помогли Гейдару Алиеву прийти к власти. Сразу по приходе к власти в 1993 году он сформулировал идею о том, что в обмен на уступки при заключении нефтяных контрактов западные нефтяные компании окажут политическую поддержку Азербайджану в карабахском вопросе. Кроме того, Гейдар Алиев пообещал своим согражданам превратить Азербайджан «во второй Кувейт»¹.

В той ситуации азербайджанцы жаждали чуда, поэтому поверили в светлое будущее. Более того, общество прощало Гейдару Алиеву многое и охотно верило в мифы, создававшиеся правительственными пропагандистами. В частности, был растиражирован и по сей день внушается миф о том, что возвращение к власти

¹ Алек Расизаде, «Десятилетие "развития капитализма" в Азербайджане: обещание "второго Кувейта", печальные итоги, мрачные перспективы», *Центральная Азия и Кавказ*, No 3 (27) (2003): 120.

Гейдара Алиева спасло страну от хаоса и распада. А главное, именно Гейдар Алиев заключил знаменитый «Контракт века» и тем самым привлек в Азербайджан мировых игроков, а значит – создал перспективу для реализации надежд и чаяний азербайджанцев. В страну потекли инвестиции: в общей сложности с 1994 по 2000 годы Азербайджан заработал 33 миллиарда долларов². С точки зрения общества средства не столь значительные, но это ведь было что-то вроде аванса. А вот когда нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан вступит в строй и пойдет основной поток, вот тогда, как полагали многие в Азербайджане, потекут и ожидаемые страной гигантские прибыли, и после этого, как было обещано, Азербайджан превратится в «Кувейт». Кроме того, у людей были надежды с помощью этих нефтедолларов и заинтересованности ведущих стран мира решить карабахский конфликт в пользу Азербайджана. 29 декабря 1999 года, в ожидании будущих нефтедолларов, указом Гейдара Алиева был создан специальный Государственный нефтяной фонд Азербайджанской Республики (ГНФАР), начавший свою деятельность с июля 2001 года.

При этом в обществе закрывали глаза на то, что Гейдар Алиев с самого начала взял курс на сосредоточение всей полноты власти в своих руках и создание авторитарного режима. В обществе тогда преобладало мнение о необходимости сильной личности («сильной руки») как гарантии стабильности и порядка. А такой воспринималась именно личность Гейдара Алиева.

Закрыли глаза в обществе и на огромные масштабы коррупции в стране, особенно в нефтегазовой сфере. Это воспринималось как неизбежное зло в переходный период до превращения страны во второй Кувейт и возвращения Карабаха.

Многие в обществе закрыли глаза и на передачу власти от Гейдара Алиева к его сыну Ильхаму Алиеву в 2003 году. Ведь, по

² «Азербайджан продлил "Контракт века" еще на 25 лет», *BBC News*, 14 сентября 2017г. <https://bbc.in/3bnY2o8>

всем прогнозам экспертов, именно тогда ожидался огромный приток инвестиций от продажи энергоресурсов, за чем должна была последовать реализация надежд на создание «второго Кувейта» и решение карабахского конфликта³.

Эти надежды подпитывались и многими зарубежными политиками и экспертами. В российских СМИ в начале 2000-х писали, что Ильхам Алиев уже в последние годы правления Гейдара Алиева якобы создал и возглавлял «группу молодых реформаторов», однако столкнулся с сопротивлением консерваторов из окружения своего отца⁴. Но после прихода к власти Ильхам Алиев приступил к проведению ожидаемых реформ⁵.

Однако особенно активный пиар в отношении Ильхама Алиева проводили американские политики и эксперты, уверявшие, что у него совершенно иной бэкграунд, чем у его отца, бывшего генерала КГБ и члена Политбюро КПСС. Ильхам Алиев молод, хорошо образован, жаждет перемен, осознает значимость и необходимость реформ, а также готов быстро решить карабахскую проблему мирным путем. Многие американские эксперты именовали Ильхама Алиева «молодым реформатором»

³ Расизаде, «Десятилетие "развития капитализма" в Азербайджане»: 116-128.

⁴ Мовсун Ё-Мамедов, «Сын президента Алиева проиграл Баку. Но может получить пост премьера», *Коммерсантъ*, 1 февраля 2001г. <https://www.kommersant.ru/doc/137771>

⁵ Рауф Миркадыров, «Ильхам Алиев стал реформатором», *Независимая газета*, 14 июля 2004г.

Азербайджана⁶. И обращали внимание на то, что, кроме необходимого бэкграунда, у Ильхама Алиева есть также и соответствующая подушка безопасности в виде доходов от продажи энергоресурсов, что позволит безболезненно для общества осуществить необходимые реформы в политической и социально-экономической сферах.

И действительно, размеры подушки безопасности были впечатляющими. По последним официальным данным, суммарные поступления в ГНФАР от продажи нефти с главного месторождения Азери-Чираг-Гюнешли (АЧГ) за период с 2001 года по 1 сентября 2021 года составили \$152.893 млрд долларов, а от продажи прибыльного газа и конденсата с месторождения Шахдениз за период с 2007 года по 1 августа 2021 года – \$3.738 млрд долларов⁷. То есть, в общей сложности за 20 последних лет Азербайджан на продаже энергоресурсов заработал почти 157 млрд долларов.

А ведь это официальные статистические данные, которым верить, конечно, нельзя, особенно если речь идет о прибыли

⁶ Adalet Bargarar, “Nakhichevan: Disappointment and Secrecy,” Institute for War & Peace Reporting, 19 May 2004. <https://iwpr.net/global-voices/nakhichevan-disappointment-and-secrecy>;

Thomas Goltz, “The Question of Succession in Azerbaijan: Is the Aliyev Era (Almost) Over?” Harvard Kennedy School Belfer Center for Science and International Affairs. <https://bit.ly/3EuCSBA>;

Международная Кризисная группа, *Азербайджан: преобразования ли?* Доклад № 156 Европа (13 мая 2004г.), 33. <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/156-azerbaijan-turning-over-a-new-leaf-russian.pdf>;

“Factbox: Key Facts About Azerbaijan Leader Aliyev,” *Reuters*, 15 October 2008. <https://reut.rs/3bnYZNf>

⁷ Н. Аббасова, «Доходы ГНФАР от продажи прибыльной нефти с АЧГ и конденсата с Шах-Дениз в январе-июле увеличились на 10%», Национальная ассоциация нефтегазового сервиса, 6 августа 2021г. <https://bit.ly/3bgQ9Ri>;

Акшин Рафикоглу, «ГНФАР увеличил доходы от АЧГ на 31%», *Report*, 6 сентября 2021г. <https://report.az/ru/energetika/gnfar-uvelichil-dohody-ot-achg-na-31/>

от продажи энергоресурсов. В Азербайджане еще со времен Гейдара Алиева в 1990-е годы в статистических данных указывали не весь объем добываемых нефти и газа. Часть добытых углеводородов не учитывалась, а прибыль от ее продажи шла в карман семьи Алиевых, что, конечно, не являлось большим секретом для многих в Азербайджане. Эта система утаивания части добываемых энергоресурсов и прибылей при сыне, Ильхаме Алиеве, не только сохранилась, но и получила еще больший размах. И потому независимые эксперты в области экономики приводили в СМИ разные цифры прибыли от продажи энергоресурсов Азербайджана за эти 20 лет – от минимальных 180-190 до максимальных 240-250 млрд долларов. Но даже если иметь в виду лишь официальные данные, то и они впечатляют. Ведь речь идет об Азербайджане, где официально по статистике проживает всего 10 млн человек⁸. И подушка безопасности в виде 157 млрд долларов для 10-миллионной страны более чем достаточна. Таких доходов хватило бы и на щедрую помощь соседним Грузии и Армении.

То есть, в отличие от отца, Ильхам Алиев изначально имел все необходимое, чтобы исполнить мечты многих азербайджанцев и при этом действительно стать реформатором, как его в начале правления авансом нарекли российские и особенно американские политики.

Как же он воспользовался этой подушкой безопасности? На что ушли эти деньги? Какие перемены происходили в политической жизни Азербайджана за 18 лет правления Ильхама Алиева?

⁸ Ариф Юнусов, «Сбор статистических данных по миграции в Азербайджане», Пояснительная записка 13/146, *КАРИМ Восток*. <https://bit.ly/3Bn1z0B>; Ариф Юнусов, *Миграционные процессы в Азербайджане* (Баку: 2009), 53-59; «10-миллионный Азербайджан?», Политическая география Южного Кавказа (блог), *Кавказский узел*, 17 марта 2019г. <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/36964>

Как изменилась жизнь простых азербайджанцев в период получения этих колоссальных прибылей от продажи энергоресурсов? Удалось ли построить в стране «второй Кувейт»? И наконец, главное – удалось ли Ильхаму Алиеву решить карабахский вопрос?

Рассмотрим все это более конкретно.

ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

К концу своего правления Гейдар Алиев на основе старой советской командно-административной системы создал авторитарный режим, в котором все рычаги управления были в его руках, а правящая партия «Новый Азербайджан» («Ени Азербайджан» – азербайджанский вариант бывшей местной Компартии) была опорой его личной власти. А чтобы поддержка была более надежной, Гейдар Алиев позволял и активистам, и особенно руководству правящей партии получать немалые средства из бюджета – попросту говоря, без опасения наказания воровать бюджетные средства.

Вместе с тем, будучи опытным политиком, да еще старой советской школы, Гейдар Алиев понимал, что для демократического имиджа в глазах Запада ему необходимо наличие оппозиции. При этом она не должна представлять реальной опасности для его личной власти, не иметь доступа к бюджету и прибыли. В результате авторитарный Гейдар Алиев крепко держал власть в своих руках, но при этом в стране существовали многочисленные партии и создавалось во многом неконтролируемое властями гражданское общество⁹.

После прихода к власти Ильхама Алиева в 2003 году в партийной системе Азербайджана наметились иные тенденции. Новый президент не считал нужным особо скрывать своего неприятия оппозиционных сил в обществе. Это касалось всех – прозападных,

⁹ Ариф Юнусов, *Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы* (Баку: 2007г.), 170-193.

пророссийских и происламистских сил. Но поскольку основную роль с первых дней независимости в азербайджанском обществе играли прозападные силы, главный удар Ильхам Алиев нанес по ним. Массовые аресты и репрессии активистов этих партий стали нормой. Одновременно, под различными надуманными предлогами, началась кампания по выдавливанию офисов этих партий из центра столицы на периферию. В 2003 году «Мусават», а в 2006 году – НФА лишились своих штаб-квартир в центре Баку. В результате, отныне могли беспрепятственно функционировать лишь правящая партия и ее сторонники. Также были запрещены митинги, демонстрации и даже пикеты в центре столицы и других городах республики. Многие рядовые активисты оппозиционных партий были уволены из бюджетных организаций и предприятий. При этом власть негласно распорядилась не обеспечивать их какой-либо работой в государственных структурах. Особенно сильному давлению и репрессиям активисты оппозиционных партий подверглись в провинциях. Немало граждан из-за своих оппозиционных взглядов были вынуждены эмигрировать из страны.

В результате прозападные демократические партии, на протяжении 15 лет (1991-2006 годы) игравшие заметную роль в жизни азербайджанского общества, к началу 2007 года в результате многочисленных репрессий резко утратили свои позиции и не могли уже оказывать серьезного воздействия на ситуацию в стране. Примечательно, что Ильхам Алиев в течение 2006 и начале 2007 года неоднократно радостно делал заявления о том, что на политической арене Азербайджана оппозиции как таковой больше не существует.

С того времени активность прозападных партий и сил и их влияние на азербайджанское общество только сокращались, и сегодня они скорее представляют собой неправительственные организации, чем реальные партии, способные прийти к власти.

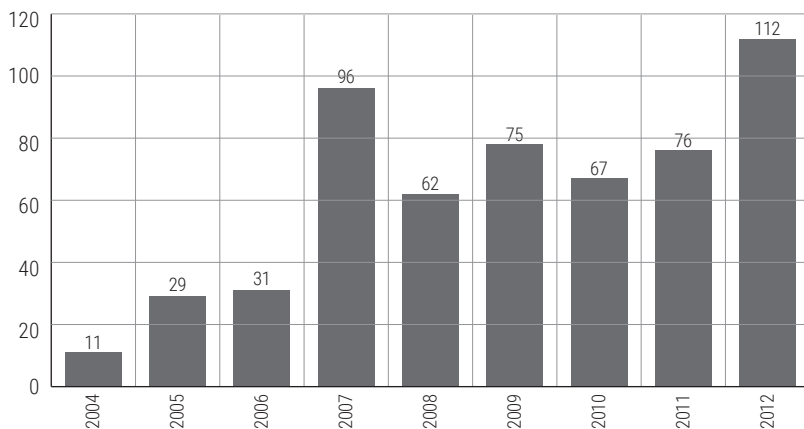
После этого в центре внимания правящего режима оказались происламские силы, подвергавшиеся репрессиям еще в период правления Гейдара Алиева (1993-2003 годы). Но тогда репрессии против верующих носили кратковременный характер и не были масштабными. В период с 2000 по 2003 годы в Азербайджане было арестовано и осуждено около 80 верующих, в подавляющем большинстве салафитов – представителей нового для страны суннитского религиозного направления, больше известных в обществе под названием «ваххабиты»¹⁰. После прихода к власти Ильхама Алиева в 2003 году религиозная политика заметно изменилась – преследования и репрессии резко усилились и привели к заметному росту численности арестованных и осужденных верующих.

Здесь следует отметить, что в силу многих объективных и субъективных причин в Азербайджане очень сложно получить информацию об арестах и преследованиях верующих, особенно в провинции. Далеко не все аресты и приговоры верующим в провинциях освещаются в СМИ или становятся известными. Поэтому можно говорить только о тех арестах и судебных решениях, которые получили огласку в СМИ и обществе.

Динамику репрессий в отношении верующих в 2004-2012 годы показывает следующая таблица:

¹⁰ Ариф Юнусов, *Исламский фактор в Азербайджане* (Баку: 2013г.), 170.

Таблица 1. Динамика арестов верующих-мусульман в Азербайджане, 2004-2012 годы

Источник: данные МНБ и СМИ Азербайджана

Как видно из таблицы, в первые три года правления Ильхама Алиева (2004-2006 годы) численность арестованных верующих (71 чел.), по сути, соответствует тому уровню, который был в предшествующие три года. Однако с 2007 года начинается явный рост числа арестованных верующих. Пик пришелся на 2011-2012 годы, когда было арестовано все руководство Исламской партии Азербайджана. Они были осуждены к длительным срокам заключения по сфабрикованным обвинениям в подготовке терактов и свержения светского строя. В общей сложности, в 2004-2012 годы было арестовано и осуждено к длительным срокам заключения 562 верующих¹¹.

Политика репрессий против верующих продолжилась и в последующие годы. Репрессиям подвергались и продолжают подвергаться по сей день как сунниты, так и шииты, как религиозные исламские политические партии и общественные организации,

¹¹ Юнусов, *Исламский фактор в Азербайджане*, 170-171.

так и отдельные верующие. Иначе говоря, для властей нет разницы, в отношении кого осуществлять эту политику преследований и репрессий. Определяющим является фактор независимости тех или иных групп верующих от официального духовенства и властей. В итоге многие происламские религиозные активисты и их сторонники ушли в подполье.

О масштабах репрессий, в том числе против верующих, говорят следующие факты и цифры: при общей вместимости мест пенитенциарных учреждений в Азербайджане в 25 501 чел., к моменту прихода к власти Ильхама Алиева количество осужденных в местах заключения все время сокращалось и к началу 2004 года составляло 17 845 чел. Однако затем начались масштабные репрессии и, по данным на конец 2020 года, в местах заключения в Азербайджане находится 21 253 заключенных¹², включая как минимум до 3 тыс. салафитов¹³. С учетом верующих других религиозных направлений, общее число заключенных-верующих колеблется в пределах 5-6 тысяч человек, т.е. примерно 25-28 процентов.

Разгромив полностью политических оппонентов в стане оппозиционных сил, Ильхам Алиев взялся за гражданское общество. К 2013 году в Азербайджане функционировало около 3500 неправительственных организаций (НПО), где работали 4600 человек. В большинстве своем они были независимы от властей, особенно правозащитные НПО, что сильно раздражало власти. К этому вскоре добавился страх Ильхама Алиева, что дальнейшее бесконтрольное развитие независимого гражданского общества – это опасный путь к революции по сценарию украинского Майдана, о чем он сам же откровенно заявил в октябре 2015 года

¹² Prison Studies, “World Prison Brief data. Azerbaijan.” <https://www.prisonstudies.org/country/azerbaijan>

¹³ Юнусов, *Исламский фактор в Азербайджане*, 119.

в ходе встречи с главой организации «Инициатива прозрачности в добывающей промышленности» (EITI) Клер Шорт¹⁴.

Так после разгрома политической светской и религиозной оппозиции наступило время разгрома непокорных НПО и взятия под полный контроль всего сегмента гражданского общества. В 2014-2015 годы было арестовано и осуждено около 20 наиболее активных правозащитников и руководителей НПО. Позже под давлением международных правозащитных и общественных организаций они были выпущены на свободу, часть из них была вынуждена покинуть страну, но большинству выезд из страны был запрещен.

С другой стороны, власти использовали и иные формы давления на НПО. До 2015 года независимое гражданское общество в Азербайджане функционировало в значительной степени благодаря поддержке иностранных доноров. И вот теперь в 2014-2015 годы были приняты поправки к «Закону о грантах», согласно которым доноры должны были получать официальную аккредитацию, и каждый отдельный грант также должен был быть зарегистрирован и одобрен правительством, прежде чем НПО сможет его потратить. Одновременно новые поправки ужесточили регистрацию и финансовую деятельность НПО.

В результате паралича гражданского общества начался массовый исход международных организаций из Азербайджана. С 2015 года большинство влиятельных иностранных НПО и донорских учреждений были вынуждены покинуть Азербайджан – всего более 50 международных организаций закрыли свои офисы. Были заведены уголовные дела против более чем 20 местных НПО. Также к НПО применялись высокие налоговые санкции, а их банковские счета были заморожены.

¹⁴ «Беседа с Ильхамом Алиевым по поводу давления на гражданское общество», *Азербайджанская служба ВВС*, 13 октября 2015г. (на азерб.)

<https://bbc.in/2XJq9uO>

В итоге, в докладе Агентства США по международному развитию (USAID) об устойчивости развития гражданского общества за 2017 год в разделе по Азербайджану указывалось, что местные НПО действуют в «строго ограниченном гражданском пространстве», в результате чего «лишь несколько независимых НПО, большинство из которых представлены своими лидерами, остались активными в Азербайджане к концу года»¹⁵.

После политики «кнута» власти, выдавив из страны все международные донорские организации и наказав самые активные НПО и их лидеров, перешли к тактике «пряника» в отношении остальных и стали сами оказывать финансовую поддержку местным НПО, но только тем, кто готов работать под их контролем. В итоге, в стране сегодня практически не осталось независимых представителей гражданского общества, все находится под жестким контролем властей, а существующие в республике НПО трансформировались в ГОНГО, т.е. проправительственные НПО¹⁶.

В итоге, сегодня среди оппозиционных сил и представителей гражданского общества царит атмосфера страха перед властью и ее репрессивной машиной. Ведь список политзаключенных в стране не спускается ниже отметки «100». В настоящее время, по данным на 1 сентября 2021 года, в Азербайджане в списке политзаключенных 122 человека, из них 7 журналистов и блогеров,

¹⁵ USAID, Bureau for Democracy, Conflict and Humanitarian Assistance Center of Excellence on Democracy, Human Rights and Governance, “2017 Civil Society Organization Sustainability INDEX” (September 2018): 29. <https://bit.ly/3EfkJr9>

¹⁶ Аббревиатура происходит от GONGO, т.е. «Организованные государством негосударственные организации» (англ. Government-Organized Non-Governmental Organization), и служит для обозначения формально неправительственных общественных объединений, созданных по инициативе или участии властей и работающих на интересы правящего режима.

7 активистов оппозиционных партий, 20 верующих, а также осужденные по другим политическим делам граждане страны¹⁷.

При этом репрессии против оппозиционных сил и инакомыслящих в стране не ограничивались арестами. Одновременно подконтрольный властям парламент все время принимал дополнения в законодательство, еще более ухудшавшие положение дел для оппозиции, верующих и представителей гражданского общества. В их числе следует отметить принятый в 2016 году закон, устанавливающий уголовную ответственность (лишение свободы сроком до трех лет) за оскорбление чести и достоинства президента в публичном выступлении, изданном произведении или в СМИ.

В то же время власти широко использовали нефтедоллары для подкупа последних независимых представителей в стане оппозиции и гражданского общества, а также СМИ.

Все эти процессы сопровождалось ухудшением ситуации в сфере свободы слова и других демократических прав. Международные организации (Amnesty International, Freedom House, Reporters Without Borders и др.) регулярно отмечали тотальное нарушение прав человека в Азербайджане. В свою очередь это сказалось на месте Азербайджана в «Индексе демократии стран мира» (*Democracy Index*) международного исследовательского центра *Economist Intelligence Unit* – ежегодном (с 2006 года) рейтинге стран мира по показателю уровня демократии. В этом Индексе при составлении рейтинга учитываются 60 разных показателей, сгруппированных по 5 категориям: выборы и плюрализм, гражданские свободы, деятельность правительства, политическая ангажированность населения и политическая культура. После чего составляется итоговый рейтинг за год, где все государства по типу режима власти подразделяются

¹⁷ «Список политзаключенных в Азербайджане на 1 сентября 2021г.», Институт мира и демократии. <https://www.ipd-az.org/ru/political-prisoners-for-1-sept-2021/>

на четыре категории: полная демократия, недостаточная демократия (т.е. имеются отдельные проблемы), гибридный режим (в ходе выборов имеют место определенные нарушения, несамостоятельные судебные органы, давление на СМИ и т.д.) и в конце – авторитарный режим, т.е. страны, где политический плюрализм исчез или крайне ограничен. Такие страны часто являются абсолютными монархиями или диктатурами, могут иметь некоторые традиционные демократические институты, но носящие имитационный характер; судебная власть полностью зависима от исполнительной и существует вездесущая цензура и подавление правительственной критики¹⁸.

Согласно этим исследованиям, в период правления Ильхама Алиева Азербайджан стабильно находился в числе авторитарных стран. Но даже среди этой группы государств в Азербайджане ситуация резко стала ухудшаться с 2014 года, периода тотального наступления на гражданское общество и резкого ужесточения ситуации в области прав человека и демократии. После 2014 года ситуация в Азербайджане имела тенденцию только к ухудшению, и в итоге, по данным на 2020 год, Азербайджан по уровню демократии расположился на 146 месте среди 165 стран, уступая таким странам, как Куба (140 место), Того (141 место), Камерун (142 место), Венесуэла (143 место), Джибути (144 месте) и ОАЭ (145 место). После Азербайджана идут такие страны, как Гвинея-Бисау, Судан, Бахрейн, Китай и т.д.

Среди стран СНГ Азербайджан сильно уступает по уровню демократии своим соседям на Южном Кавказе – Армении (89 место) и Грузии (91 место), входящим в число стран с гибридным режимом. В отчете указано, что авторитарные режимы также различаются между собой. Например, режимы в России (124 место) и Казахстане (128 место) более плюралистичные, чем

¹⁸ «Рейтинг стран мира по уровню демократии», Гуманитарный портал. <https://bit.ly/3BqHC99>

в Азербайджане. Однако режим Ильхама Алиева оказался чуть лучше режима Лукашенко в Беларуси (148 место), а также опередил Таджикистан (159 место) и Туркменистан (162 место)¹⁹.

Но Ильхам Алиев не ограничился борьбой с оппозицией и гражданским обществом. Он жаждал абсолютной власти и не нуждался в имитационной политической системе. Он также не нуждался в поддержке своей власти со стороны созданной в свое время его отцом правящей партии «Ени Азербайджан», хотя в ней официально на сегодня числится свыше 760 тыс. человек. И в первую очередь, Ильхаму Алиеву не нужно было руководство правящей партии, или «старая гвардия» Гейдара Алиева. Ведь к моменту смерти Гейдара Алиева в 2003 году они успели стать олигархами, имеющими огромные финансы, а значит, и возможности. И главное – созданная Гейдаром Алиевым команда относилась негативно к Мехрибан Алиевой и ее семье, считая их чужаками и опасными конкурентами.

Все это было опасно, особенно учитывая новые прибыли, поступающие от продажи энергоресурсов. Да и не хотел Ильхам Алиев делиться властью и средствами с кем-то еще.

Поэтому для начала в 2004 году Ильхам Алиев создал Фонд имени Гейдара Алиева, во главе которого поставил свою супругу Мехрибан Алиеву. Со временем роль и влияние этой формально некоммерческой общественной организации все время возрастали, именно она стала кузницей кадров команды Ильхама Алиева и его супруги, или т. н. «клана Пашаевых», как по девичьей фамилии супруги в Азербайджане часто негласно называют правящую семью. И в итоге этот фонд превратился в неофициальное мега-министерство с колоссальными финансами от нефтедолларов, размеры которых, однако, даже приблизительно определить

¹⁹ Economist Intelligence Unit, “Democracy Index 2020: In Sickness and in Health?” <https://bit.ly/2XVDMRv>

сложно ввиду непрозрачности этой т.н. «некоммерческой неправительственной организации».

После этого началась борьба Ильхама Алиева с командой его отца. При этом, учитывая, что «старая гвардия» Гейдара Алиева не была единой, Ильхам Алиев использовал древнюю тактику – «разделяй и властвуй». Вначале в 2005 году был нанесен удар по группировке во власти, состоящей из выходцев из Армении, во главе с министром здравоохранения Али Инсановым. Сам Инсанов был арестован и осужден на 11 лет, а все его сторонники изгнаны из властных структур. Кроме того, почти весь бизнес этой группировки перешел под контроль «клана Пашаевых».

Далее начались атаки против т.н. «курдской группировки», и в 2006 году был нанесен удар по их лидеру, главе Таможенного комитета Камаладдину Гейдарову. Тот сумел остаться на свободе, но от его бывшего могущества не осталось и следа.

Затем последовала атака клана Пашаевых против группировки во главе с руководителем администрации президента Рамизом Мехтиевым. Первый удар пришелся на Джалала Алиева – дядю Ильхама Алиева, и с конца 2006 года вплоть до самой своей смерти в 2016 году он был под домашним арестом. Всю недвижимость Джалала Алиева клан Пашаевых также прибрал к рукам.

Оставался т.н. «нахчиванский» клан во главе с самим Рамизом Мехтиевым. У них в руках были и серьезная власть внутри страны (именно Мехтиев назначал многих глав исполнительной власти, а также депутатов в парламент, в муниципалитеты), и немалые средства. Ведь он был главой президентской администрации и Совета безопасности.

Свою силу Рамиз Мехтиев показал, когда в 2013 году Ильхам Алиев и Мехрибан Алиева решили повторить опыт Путина с Медведевым с рокировкой власти, чтобы по окончании второго срока президентства Ильхама Алиева Мехрибан Алиева пошла на выборы и пришла бы к власти, а затем супруг сменил ее снова.

Ради этого еще в 2008 году под Мехрибан Алиеву стали даже создавать партию «Демократический мир Азербайджана». Дальше события приняли почти детективный характер: 7 июня 2013 года правящая партия «Новый Азербайджан» ожидаемо выдвинула для участия в президентских выборах Ильхама Алиева. Через неделю партия Мехрибан Алиевой приняла решение о ее выдвижении, о чем официально было сообщено 21 июня²⁰. Это решение вызвало взрыв в республике, ибо против основного кандидата от властей в лице действующего президента выдвигалась ... его супруга! Команда Рамиза Мехтиева мгновенно пришла в движение, и уже 24 июня последовало новое заявление пресс-службы партии «Демократический мир Азербайджана», в котором они поспешно опровергли свое же сообщение!²¹ Было ясно, что команда Рамиза Мехтиева отбила атаку клана Пашаевых.

После этого начался этап накапливания сил сторонами, и в 2017 году произошла еще одна схватка между двумя группировками во власти: в феврале последовал указ Ильхама Алиева о назначении супруги первым вице-президентом. Вслед за этим в апреле последовал указ Ильхама Алиева об отставке прежней команды аппарата президента и формировании новой из числа кадров супруги. Но Рамиз Мехтиев и в этот раз оказался сильнее и отказался уходить в отставку. В итоге возникла абсурдная с правовой точки зрения ситуация: старая администрация формально на бумаге была ликвидирована, но де-факто по-прежнему работала! А новая под руководством Мехрибан Алиевой также работала, но не в аппарате президента, а в Фонде Гейдара Алиева! Более того, подконтрольный Мехтиеву парламент тогда же в апреле

²⁰ «Мехрибан Алиева выдвинута кандидатом в президенты Азербайджана», *Кавказский узел*, 23 июня 2013г. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/226082/>

²¹ Фаик Меджид, «Алиева: партия "емократический мир Азербайджана" не выдвигала Мехрибан Алиеву кандидатом в президенты», *Кавказский узел*, 24 июня 2013г. <https://bit.ly/3nuLM1b>

2017 года принял закон «О государственной службе», который фактически отменил указ президента!

Беспрецедентный для времен власти Алиевых случай! Это была победа Мехтиева. Но временная. Весь 2018 год шла подготовка правящих супругов Алиевых к реваншу. В июне 2019 года последовал указ Ильхама Алиева о смещении Мехтиева с поста главы Совета безопасности, а в октябре того же 2019 года Рамиз Мехтиев был отправлен на пенсию. Так закончилась борьба Пашаевых с «гвардией» Гейдара Алиева.

После этого началась зачистка высших органов исполнительной власти от представителей группировки Рамиза Мехтиева. Затем было решено распустить парламент, чтобы он не мешал, как это уже было в 2017 году.

В 2020 году состоялись внеочередные парламентские выборы, и правящая семья провела своих кандидатов в парламент. Оставалось решить вопрос с правящей партией, и решение было найдено – 5 марта 2021 года состоялся внеочередной 7-ой съезд «Нового Азербайджана», где все представители старой команды отца Ильхама Алиева были выведены из руководства партии, а их места заняло новое руководство партии из числа команды супруги. Тем самым была поставлена последняя точка в сражении правящей семьи Алиевых со старой командой Гейдара Алиева.

Таким образом, после 18 лет правления Ильхама Алиева все политическое поле Азербайджана было полностью зачищено от всех, кто мог быть оппонентом и из-за кого он или члены его семьи могли потерять свою власть. Это касалось абсолютно всех – как светских, так и религиозных оппозиционных сил, независимых представителей гражданского общества и годами выпестованной Гейдаром Алиевым команды в правящей партии. Ильхаму Алиеву не нужна конкуренция, только абсолютная власть в стране и безо всякой демократической или иной имитации.

Здесь уместно обратить внимание на то, как менялись взгляды американских политиков и экспертов, перед приходом к власти Ильхама Алиева рекламировавших его как будущего реформатора. Очень скоро их взгляды стали меняться, что отразилось в опубликованных сайтом WikiLeaks депешах послов США в Азербайджане²². И, как реквием по американским надеждам относительно Ильхама Алиева, в завершение самая скандальная секретная депеша (№ 09BAKU749 от 18 сентября 2009 года) в истории не только американской дипломатии. В депеше отмечается, что из-за семейных уз, агрессивного подавления оппозиции и системы «крышевания» политическая система Азербайджана сильно напоминает мафиозную структуру, в которой Ильхам Алиев – глава мафии. Указав, что «Алиев совмещает внешнюю прозападную ориентацию с авторитарной внутренней политикой, с нетерпимостью к иным политическим взглядам», американский дипломат для убедительности далее провел параллель с известным американским фильмом о мафии «Крестный отец» и указал, что Ильхам Алиев сочетает в себе свойства двух Корлеоне: во внешней политике и при встречах с американцами и европейцами он ведет себя как уважаемый Майкл, а во внутренней политике со своими гражданами он полная копия вспыльчивого и склонного к беспределу старшего киношного брата Сонни²³.

²² “Drl A/S Kramer, President Aliyev Debate PACE of Political Reform,” Public Library of US Diplomacy, WikiLeaks. https://wikileaks.org/plusd/cables/08BAKU1136_a.html;

“The Global Intelligence Files. Re: Aliyev,” WikiLeaks, Released on 11 March 2013. <https://bit.ly/2ZunnKv>

²³ “President Iham Aliyev – Michael (Corleone) on the Outside, Sonny on the Inside,” Public Library of US Diplomacy, WikiLeaks, 18 September 2009. https://wikileaks.org/plusd/cables/09BAKU749_a.html

Эта скандальная оценка стиля правления Ильхама Алиева получила широкую огласку и распространение²⁴, в том числе и в Азербайджане²⁵. Настолько, что в американских СМИ отныне за ним утвердилось это сравнение с мафией²⁶.

СИТУАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Но, может быть, захватив полностью политическую власть в стране и создав диктаторский режим, вместе с тем Ильхам Алиев улучшил жизнь рядовых граждан в Азербайджане?

Еще раз хотелось бы указать, что для экономических и социальных преобразований у Азербайджана было достаточно средств в виде заработанных от продажи энергоресурсов как минимум 157 млрд долларов. А ведь кроме доходов от основного месторождения Азери-Чираг-Гюнешли у Азербайджана были доходы от других месторождений, плюс – доходы от других отраслей экономики (золото, хлопок и др.).

²⁴ Tomas de Waal, "Mafiosi in the Caucasus," *Carnegie Europe*, 22 December 2010. <https://bit.ly/2ZA39j4>;

«Каспийский клан Корлеоне», *Хартия* 97%, 11 июня 2014г. <https://bit.ly/3ErqnXM>;

Shahin Abbasov, "Azerbaijan: WikiLeaks Cable Compares Ilham Aliyev to Movie Mafia Bosses," *Eurasianet*, 2 December 2010. <https://bit.ly/3EiHL0h>

²⁵ Abbasov, "Azerbaijan: WikiLeaks Cable Compares Ilham Aliyev to Movie Mafia Bosses";

«Ильхам Алиев и братья Корлеоне». <https://www.radioazadlyg.org/a/2237197.html>;

«Ильхам Алиев: "Это Азербайджан, это не Европа" – новая утечка "Викиликс"». <https://bit.ly/3vWUm6c>

²⁶ Michael Weiss, "How Azerbaijan Is Like 'The Godfather'," *The Atlantic*, 11 July 2013. <https://bit.ly/2Zn4nxs>;

Michael Weiss, "The Corleones of the Caspian," *Foreign Policy*, 10 June 2014. <https://bit.ly/3Gu18p4>

Как следует из официальных отчетов, за прошедшие 20 лет из заработанных от продажи нефти и газа средств власти потратили больше 100 млрд долларов²⁷. На что пошли эти 100 миллиардов?

Лоббисты Ильхама Алиева часто уверяют, что Азербайджан взял в качестве примера Сингапур, где у населения не было никаких политических прав в период правления премьера Ли Куан Ю, но зато были осуществлены масштабные экономические реформы, что стало основой для так называемого «сингапурского экономического чуда» и улучшения жизни рядовых жителей²⁸. И в качестве доказательства приводят многочисленные указы и специальные программы по развитию экономики, которые Ильхам Алиев стал принимать, едва придя к власти. Среди них можно отметить «Государственную Программу по снижению бедности и экономическому развитию в Азербайджанской Республике (2003-2005 годы)», «Государственную Программу по социально-экономическому развитию регионов Азербайджанской Республики (2004-2008 годы)», «Стратегию занятости Азербайджанской Республики (2006-2015 годы)», «Государственную программу социально-экономического развития регионов Азербайджана на 2014-2018 годы» и т.д. Согласно официальным данным, в стране за эти годы жизнь населения резко улучшилась: в период с 2001 по 2019 годы, согласно данным правительства, было создано почти 1.5 миллиона новых

²⁷ «Государственный нефтяной фонд Азербайджана тратит миллиарды, население страдает от нищеты», *Crude Accountability*, 5 марта 2019г. <https://ru.crudeaccountability.org/gnfar-millions-spent/>

²⁸ Елена Малахова, «Экономическое чудо, или как за короткий срок повторить успех Сингапура», *Каспий онлайн*, 15 сентября 2016г. <https://kaspiy.az/news.php?id=46407#YW1G6V5R3IU;>

Эльнур Эйбатов, «Экономическое чудо Азербайджана или как про нас узнал весь мир», *Navigator.az*, 3 декабря 2017г. <https://bit.ly/3jCEoJR;>

«Ильхам Алиев – портрет лидера-реформатора» (на азерб.яз.). <https://bit.ly/3BfG2Hk>

рабочих мест (более 70 процентов из которых являются постоянными), официальный уровень бедности снизился с 49% до 5.5%. Одновременно резко вырос ВВП и как следствие в 4 раза выросли доходы населения, постоянно росли среднемесячная зарплата и пенсия²⁹ и т.д. и т.п.

Кроме того, с самого начала власти Азербайджана и лично Ильхам Алиев регулярно указывали, что они знают о традиционной для нефтедобывающих стран проблеме, и заверяли, что будет сделано все необходимое, чтобы Азербайджан избежал «голландской болезни»³⁰. И действительно, за прошедшие 18 лет правления Ильхама Алиева было издано немало указов по диверсификации экономики и даже принята «Долгосрочная стратегия управления нефтяными и газовыми доходами (2005-2025 годы)».

Но все это имело место лишь в официальных статистических данных, реальность же была иной. Тройной рост ВВП в период

²⁹ «Как изменился Азербайджан при Ильхаме Алиеве», *Sputnik-Азербайджан*, 23 декабря 2020г. <https://az.sputniknews.ru/20201223/azerbajjan-aliyev-denrojdeniya-425790105.html>;

Рауф Насиров, «Говорят цифры и факты: как Президент Ильхам Алиев менял Азербайджан», *News*, 15 октября 2018г. <https://bit.ly/3bbZWbu>;

Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики, «При Президенте Ильхаме Алиеве прошло совещание, связанное с социально-экономической сферой». <https://ru.president.az/articles/33941>;

Кямал Мамедлы, «Безработица в Азербайджане значительно сократилась», *Trend*, 13 сентября 2019г. <https://www.trend.az/business/economy/3117980.html>;

Сеймур Казимов, «В Азербайджане растёт армия безработных», *OC Media*, 5 сентября 2017г. <https://oc-media.org/ru/statyi/v-azerbayodzhane-rastet-armiya-bezrabotnykh/>

³⁰ Голландская болезнь (Dutch Disease) – снижение эффективности экономики страны из-за увеличения экспорта сырьевых ресурсов (нефти и газа). Симптомами голландской болезни являются рост цены на сырьё, рост экспорта сырья, приток капитала в страну, сокращение несырьевого сектора экономики, препятствие демократическому развитию страны и приостановка роста человеческого капитала.

с 2006 по 2013 годы был связан с ростом добычи энергоресурсов и резко возросшими ценами на нефть. Пик доходов от нефти и газа были достигнуты в 2011-2015 годах. При этом в 2011 году было израсходовано 61.4% доходов, в 2012 году этот показатель составлял 78%, в 2013 году – 90.4%, в 2014 году – 79.4%³¹.

Эти доходы позволили правящему режиму лавировать как на внешне-, так и на внутривластной арене. Колоссальные прибыли от экспорта углеводородов в период высоких цен на нефть способствовали пресловутой стабильности в стране и позволяли власти пускать пыль в глаза с помощью того, что называется *White elephant projects*, т.е. международные спортивные, музыкальные и прочие мероприятия, колоссальные проекты по строительству небоскребов с привлечением дорогостоящих модных зарубежных архитекторов и так далее. Эти проекты бросались в глаза, особенно иностранным гражданам, служили инструментом пропаганды властей и показателем экономического бума и улучшения жизни населения. Вместе с тем эти проекты становились частью коррупционных денег и теневой экономики. При этом власти прекрасно знают о ее существовании, но официально в стране нет ни одного миллионера, занимающего государственную должность.

Однако факты говорят о другом: например, специально к Европейским играм 2015 года в Баку был построен Олимпийский стадион, на строительство которого официально было израсходовано более 600 млн долларов. Однако в госбюджете такое ассигнование не предусматривалось, т.е. стадион был построен на неизвестно чьи деньги, в происхождение которых государство предпочло не углубляться³². Или другой пример: официальные

³¹ Губад Ибадоглу, «Азербайджан – страна-рантье», *Crude Accountability*, 29 апреля 2019г. <https://ru.crudeaccountability.org/azerbaijan-sofaz/>

³² Rayhan Demytrie, “Azerbaijan’s Price For Hosting First European Games,” *BBC*, 4 June 2015. <https://bbc.in/3vT2uox>

расходы Азербайджана на проведение международного песенного конкурса «Евровидение-2012» в Баку составили 64 млн долларов. Однако с учетом расходов на строительство концертного зала Baku Crystal Hall, благоустройство прилегающей территории и дорог, всего на Евровидение в Баку в 2012 году было потрачено в пределах от 721 до 802 млн долларов, и в результате этот музыкальный конкурс стал самым дорогим в истории³³. Не говоря уже о том, что ради проведения конкурса власти пошли на тотальный слом домов и иной недвижимости граждан на месте концертного зала и дорог к нему.

Такой же фантастической была разница между официально декларируемыми и реальными расходами на проведение в Баку Гран-при Европы в 2016 году (восьмой этап мирового чемпионата «Формулы-1»). Кроме того, деньги от продажи энергоресурсов тратились и по-прежнему тратятся на строительство многочисленных парков и музеев им. Гейдара Алиева и на памятники родителям Ильхама Алиева почти в каждом крупном населенном пункте страны.

Гигантская прибыль от экспорта нефти и газа сделала нерентабельной сохранение и модернизацию местной индустрии, продукция которой не востребована на рынке, как мировом, так и местном. Ведь все необходимое, причем лучшего качества, дешевле импортировать за вырученные от экспорта сырья нефтедоллары. Это привело к демонтажу почти всей тяжелой, легкой и большей части пищевой промышленности, имевшейся в стране до начала нефтебума. На месте снесенных заводов и фабрик были возведены роскошные отели, торгово-развлекательные центры и

³³ Юлия Котова, «"Евровидение-2012" стало самым дорогим в истории», *Ведомости*, 27 мая 2012г. <https://bit.ly/3VncDuG>;

Ханум Джавадов, «Политические итоги "Евровидения" в Азербайджане», *Русская служба ВВС*, 12 июня 2012г. https://www.bbc.com/russian/international/2012/06/120601_eurovision_aftermath

помпезные офисные здания, которые не имеют никакой производственной ценности. Более того, ввиду дешевизны импортируемых продуктов питания, стало нерентабельным и местное сельскохозяйственное производство, а оставшиеся не у дел жители сельских районов устремились в большие города, где можно как-то прокормиться. В результате население городов Азербайджана заметно выросло со всеми сопутствующими этому проблемами.

Таким образом, страна практически лишилась своей индустриальной базы и появилась огромная армия безработных, значительная часть которых выезжает на заработки за ее пределы, в основном в Россию, а также и Турцию. Сегодня в России работает более одного миллиона граждан Азербайджана. Их переводы от бизнеса в России, которые только по официальным данным World Bank в 2014 году составили почти 1.2 млрд долларов, или 2.4% от ВВП Азербайджана, подпитывали экономику Азербайджана, особенно в сельских районах, внося немалый вклад в поддержание экономической и социально-политической стабильности внутри страны³⁴.

С другой стороны, нефтяной бум привел к появлению местной плутократии (чиновничества, имеющего доступ к поступающим в казну нефтедолларам) и резкому обогащению семьи Алиевых и близких к ним олигархов, прокручивающих те же нефтедоллары через свои банки, торговые сети, строительство и госзаказы. Значительная часть текущих в страну нефтедолларов банально расхищалась через коррупционные схемы и выводилась на офшорные счета их участников.

Поскольку в Азербайджане контроль над прибылью от продажи энергоресурсов находится в руках правящей семьи, закономерно, что именно она постоянно упоминается во всех коррупционных международных скандалах. В 2012 году *Проект по*

³⁴ Фархад Алиев, «Азербайджан в эпоху дешевой нефти», *Московский центр Карнеги*, 20 ноября 2015г. <https://carnegie.ru/commentary/62040>

освещению организованной преступности (Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP)) назвал Алиева коррупционером года. И это не случайно. Можно здесь вспомнить самые известные скандалы и в их числе самый громкий – так называемый «Азербайджанский ландромат» или «Азербайджанская прачечная», когда в течение двух лет, с 2012 по 2014 год через европейские компании и банки было переведено около 2.9 млрд долларов, использованных для подкупа европейских политиков, в основном депутатов в ПАСЕ³⁵. В 2017 году ПАСЕ провела собственное расследование, по результатам которого были наказаны все европейские политики, получавшие деньги из Азербайджана³⁶. А ведь это была лишь часть айсберга международного коррупционного скандала Алиевых, которая стала известной во многом случайно.

Коррупционные скандалы, в которых замешана семья Алиевых, продолжают по сей день, и буквально на днях стало известно о новом скандале в связи с т.н. «файлом Пандоры», согласно которому семья Ильхама Алиева через 84 офшорные компании владеет в Лондоне недвижимостью на 700 млн долларов. В офшорную империю Алиевых вовлечены и дети президента: свои первые компании они «учредили», еще учась в школе и в университете³⁷.

В итоге в стране усилилось классовое расслоение общества со всеми вытекающими последствиями социальной напряженности. С одной стороны, маленькая группа миллиардеров и

³⁵ «Азербайджанский ландромат», OCCRP, 4 сентября 2017г. <https://bit.ly/3mjJHj7>

³⁶ Parliamentary Assembly, “Follow-up to the Azerbaijani Laundromat Investigation,” *Motion for a Resolution*, Doc. 14653, Council of Europe, 16 October 2018. <https://bit.ly/3Eh95vZ>

³⁷ Миранда Патрусич и другие, «Члены семьи азербайджанского президента и их окружение владеют элитной недвижимостью в Лондоне почти на 700 миллионов долларов», OCCRP, 3 октября 2021г. <https://bit.ly/3Grn1Fl>

миллионеров и связанных с ними близких и приближенных. В ежегодных отчетах крупнейшей в мире по вопросам недвижимости международной консалтинговой компании *Knight Frank* есть информация по числу миллионеров и миллиардеров в Азербайджане. Согласно отчету от 2017 года, в 2006 году в Азербайджане насчитывалось 2875 миллионеров. Через десять лет в 2016 году их число возросло до 6371 человека. По прогнозам компании, к 2026 году число миллионеров в Азербайджане превысит отметку в 10 тыс. человек³⁸.

Однако азербайджанские экономисты полагают, что реально в стране число миллионеров и миллиардеров больше. Но последние не декларируют свои доходы и ведут свою деятельность настолько непрозрачно, что не попадают в списки журнала *Forbes*. Вообще официально в Азербайджане нет миллионеров и тем более миллиардеров. Однако по данным руководителя азербайджанского Центра экономического и социального развития Вугара Байрамова, на самом деле уже в 2014 году в Азербайджане было около 8 тыс. миллионеров и миллиардеров³⁹.

С другой стороны, в период правления Ильхама Алиева и колоссальных прибылей от продажи углеводородов все время усиливался рост числа быстро беднеющего населения. При этом, вследствие массового сноса и застройки центра Баку и других городов недоступными по цене престижными новостройками происходит выдавливание городского населения на окраины городов, особенно в столице.

Показательно, что в годы нефтяного бума львиная доля доходов от экспорта в Азербайджане инвестировалась в физический

³⁸ Knight Frank Research, *The Wealth Report (2017)*. <https://bit.ly/3Cl2GiM>

³⁹ Э. Рустамова, «Миллионеров в Азербайджане становится все больше», *Эхо*, 6 марта 2017г. <https://bit.ly/2ZJFQ6a>;

«Сколько в Азербайджане миллионеров?», *Охи.az*, 21 июня 2014г. <https://ru.oxi.az/economy/29697>

капитал, в то время как инвестиции в человеческий капитал, т.е. проекты, связанные с повышением образовательного и культурного уровня населения, были мизерными. К примеру, в течение 2008–2012 годов расходы на образование составляли 2.8% ВВП. Для сравнения: в этот же период подобные расходы в значительно менее ресурсно обеспеченных Армении и Грузии составляли 3.1% и 2.7% соответственно, а в соседних – таких же нефте- и газодобывающих – России и Казахстане – 4.1% и 3.1%⁴⁰.

Однако в 2014-2015 годах произошло почти тройное падение цен на нефть, и это больно отразилось на азербайджанской экономике. Произошел резкий обвал национальной валюты (*манат*), что заметно сказалось на доходах населения. Впоследствии цены на нефть несколько возросли, и это позволило властям относительно стабилизировать экономическую ситуацию, но вернуться к прежнему ошеломительному уровню уже не удавалось. Более того, выяснилось, что страна все-таки заболела «голландской болезнью». Оказалось, что опять-таки официально более 60% бюджета на сегодня приходится на нефтяные доходы. Неофициально – около 90 процентов. Из них только 4.2% направляется на здравоохранение, а на охрану окружающей среды – лишь 0.06%. По данным Всемирного банка, расходы на социальные нужды ныне составляют всего лишь 1% ВВП Азербайджана, что является одним из самых низких показателей среди стран Европы и Центральной Азии⁴¹.

Хотя власти не раз декларировали стремление к диверсификации экономики, нефтегазовый сектор экономики слаб: доля обрабатывающей промышленности в общем промышленном производстве в 2014 году составила 11%, а если исключить

⁴⁰ Алиев, «Азербайджан в эпоху дешевой нефти».

⁴¹ Губад Ибадоглу, «Государственный нефтяной фонд Азербайджана трагит миллиарды, население страдает от нищеты», *Crude Accountability*, 5 марта 2019г. <https://bit.ly/3jD1ujy>

нефтеперерабатывающую промышленность, то меньше 10%, доля машиностроения – 3%, легкой промышленности – 0.6%, пищевой – 2.4%⁴².

2018 год был последним годом, когда Азербайджан лидировал по экономическим показателям среди стран Южного Кавказа. Затем начался спад, и в 2020 году, согласно докладу МВФ, доля ВВП на душу населения в Азербайджане составила \$4.72 тыс., тогда как в Армении данный показатель составил \$ 4.76 тыс., а в Грузии – \$ 4.63 тыс.⁴³.

Все вышеизложенное безусловно отразилось на жизненном уровне населения богатого нефтью и газом Азербайджана. Рассмотрим статистические данные. На конец 2001 года число официально признанных безработных составило 48400 человек, или 1.2% от общего числа экономически активного населения⁴⁴. По официальным данным Госкомстата Азербайджана на 1 января 2020 года, численность безработных в Азербайджане составляла 251.6 тыс. человек, или примерно 4.84 процента от числа экономически активного населения⁴⁵.

Однако расчеты независимых азербайджанских экономистов показывают, что официальная статистика по безработице явно не соответствует действительности, ибо учитывает далеко не всех безработных и при этом завышает количество экономически

⁴² Александр Зотин, «Азербайджан: восточная сказка длиной в 30 лет», *Московский центр Карнеги*, 24 марта 2017г. <https://carnegie.ru/2017/03/24/ru-pub-68386>

⁴³ «Армения стала региональным лидером по доле ВВП на душу населения – МВФ», *EurAsia Daily*, 6 января 2020г. <https://bit.ly/3jHV017>

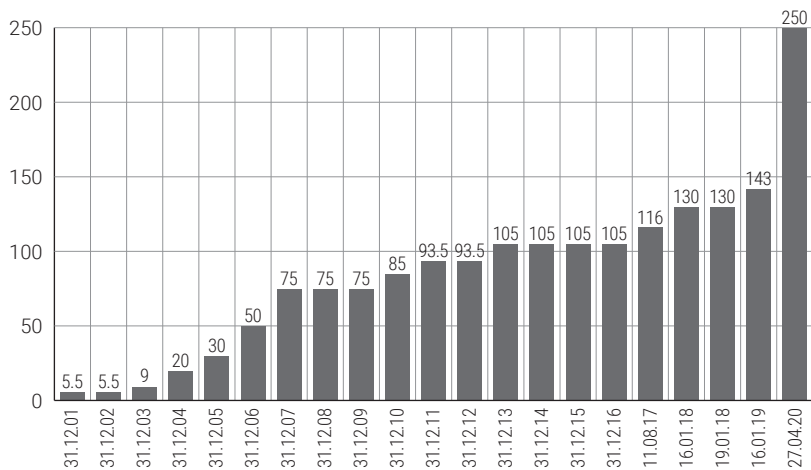
⁴⁴ Доклад Азербайджана об экономических, социальных и культурных правах на сессии Экономического и Социального Совета ООН, 1 декабря 2003г. <https://bit.ly/3VhagcP>

⁴⁵ Государственный комитет по статистике Азербайджанской Республики, «*Рынок труда*», 1 января 2020г. (на азерб.яз.). <https://www.stat.gov.az/source/labour/>

активного населения республики. Анализ показал, что реально в Азербайджане почти 900 тыс. безработных, или примерно 17 процентов от числа экономически активного населения. По данным Министерства труда и социального обеспечения, за получением временного пособия по безработице на начало 2020 года обратилось 1.2 млн граждан Азербайджана. Иначе говоря, столько людей посчитали себя безработными. Но только половина из них (почти 600 тыс. чел.) получила пособие, остальным было отказано⁴⁶.

По сравнению с 2001 годом к началу 2020 года минимальная зарплата выросла от 5.5 до 250 манат (чуть больше 147 долларов) (Таблица 2):

Таблица 2. Минимальная заработная плата в Азербайджане (манат в месяц)

Источник: Государственный комитет по статистике Азербайджана

⁴⁶ Тогул Машаллы, «Безработица в Азербайджане: официальная статистика и реальность», *Jam News*, 18 января 2021г. https://jam-news.net/ru/безработица_в_азербайджане/

То есть, рост более чем в 45 раз!⁴⁷ Аналогично за это же время выросла и средняя зарплата – с 260 манат (около 56 долларов) до 707 манат (около 416 долларов). Выросли формально и пенсии. Между тем курс маната по отношению к доллару за это время упал почти в два раза, заметно выросли цены на продукты питания и первой необходимости, что свело все повышение на нет.

Но если сравнить эти показатели с аналогичными в соседних Грузии и Армении, то увидим, что уровень жизни во всех трех государствах примерно равный. Но ведь в отличие от Азербайджана эти кавказские страны лишены энергоресурсов и не имели колоссальных прибылей. А если проводить сравнение экономических показателей по уровню жизни населения с имеющими нефть и газ Россией и Казахстаном, тогда четко видно, что Азербайджан уступает по этим показателям.

Таким образом, ситуация в Азербайджане самая плачевная среди стран Кавказа не только с точки зрения свободы и демократии, но и по экономическим показателям. Иначе говоря, надежды многих обывателей Азербайджана на «второй Кувейт» благодаря колоссальным доходам от продажи энергоресурсов рассеялись как мираж в пустыне.

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Остается рассмотреть еще одну надежду азербайджанцев – решить в свою пользу Карабахский конфликт, используя прибыли от нефти и газа. Формально здесь у властей Азербайджана есть успехи, причем очень большие.

Приток нефтедолларов позволил Азербайджану увеличить военные расходы после 2000 года. Об их масштабах говорят

⁴⁷ «Минимальная и средняя зарплата в Азербайджане», *Take-Profit.org*. <https://bit.ly/2XSc1zE>

статистические данные Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI) (Таблица 3)⁴⁸:

Таблица 3. Военные расходы стран Южного Кавказа, в млн долларов США, 2000-2020 годы

Год	Азербайджан	Армения	Грузия
2000	141	152	32
2001	159	147	41
2002	171	146	58
2003	213	168	71
2004	259	185	99
2005	303	227	263
2006	622	268	447
2007	972	314	885
2008	1.308	364	840
2009	1.155	380	512
2010	1.094	397	384
2011	2.081	364	345
2012	2.159	372	358
2013	2.184	419	326
2014	2.192	426	316
2015	2.330	461	281
2016	1.554	453	302
2017	1.631	464	307
2018	1.716	523	315
2019	1.854	652	311
2020	2.173	635	304
ИТОГО:	26.271	7.517	6.797

Источник: SIPRI

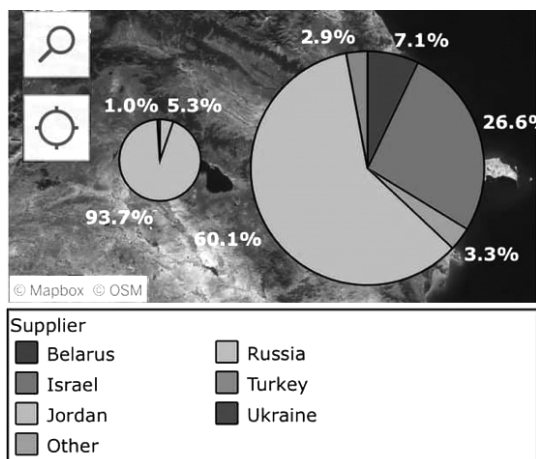
Таким образом, по данным SIPRI, в общей сложности в период с 2000 по 2020 годы военные расходы Азербайджана составили более 26 млрд долларов, что почти вдвое больше военных расходов соседей по Южному Кавказу и в 3.5 раза больше основного противника в регионе Армении!

⁴⁸ SIPRI, "Military Expenditure by Country, in Constant (2019) US\$ m., 1988-2020." <https://bit.ly/3Ef77fs>

Львиная доля расходов ушла на покупку современного вооружения. При этом первоначально расходы не были эффективными по двум причинам: основным поставщиком вооружения как для Азербайджана, так и для Армении была и по-прежнему остается Россия. Однако Армения закупала у России вооружение по внутренним ценам, а Азербайджан – по международным. К тому же, у Азербайджана был значительный коррупционный компонент (на порядки больше, чем в Армении) и плюс играла свою роль бессистемная закупка оружия, часто плохо совместимого. Однако затем за дело взялись турки и израильтяне и ситуация в приобретении вооружения стала меняться в пользу Азербайджана.

На сегодня картина закупок вооружения Азербайджана и Армении по данным SIPRI такова (Таблица 4)⁴⁹:

Таблица 4. Поставки вооружения в Азербайджан и Армению в 2011-2020 годах

Источник: SIPRI

⁴⁹ Pieter D. Wezeman, Alexandra Kuimova, and Jordan Smith, “Arms Transfers to Conflict Zones: The Case of Nagorno-Karabakh,” *SIPRI*, 30 April 2021. <https://bit.ly/3ElQ5xm>

Безусловно, таблица не отражает всю картину, ибо, согласно Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), для стран-членов ОБСЕ определены квоты как по количеству вооружения и военной техники, так и по численности вооруженных сил. В результате как Азербайджан, так и Армения дают не всегда достоверные сведения о закупаемом вооружении, что особенно бросается в глаза при сравнении данных о поставках поставщиков и импортеров оружия.

Но однозначно можно сказать, что основными поставщиками вооружения для Азербайджана являются Россия и Израиль, а также Беларусь и Турция.

Такая же запутанная и неточная картина и относительно численности вооруженных сил. Согласно квотам ДОВСЕ, предельная численность вооруженных сил Азербайджана определена в 70 тыс., а Армении – в 60 тыс. человек. Поэтому официальные данные обеих стран определены этими квотами: по данным на 2020 год, численность вооруженных сил Азербайджана официально составляла 66 950 человек, из них в сухопутных войсках – 56 850, в военно-морских – 2200 и в военно-воздушных силах – 7900 человек. А официальная численность вооруженных сил Армении составляла 44 800 человек, из них в сухопутных войсках – 41 850 человек⁵⁰.

Однако, по данным независимых военных экспертов, реальная численность вооруженных сил Азербайджана на 2020 год колеблется в пределах 130-150 тыс. человек. А с учетом ведомственных частей, президентской гвардии и различных военизированных формирований общая численность людей под ружьем в Азербайджане составляет не менее 250 тыс. человек, что как

⁵⁰ IISS, *The Military Balance 2021* (London: Routledge, 2021), 181-182.

минимум в два раза больше общей численности вооруженных сил Армении и Нагорного Карабаха⁵¹.

Безусловно, немалая часть выделяемых из бюджета средств не дошла до армии и осела в карманах семьи Алиева, а также чиновников Министерства обороны. Но многие в Азербайджане оправдывают это воровство успехами армии в прошлом году, когда в ходе 44-дневных боев армянская армия была полностью разгромлена и Азербайджан вернул все семь районов вокруг Нагорного Карабаха, а также Шушу – главный для азербайджанцев город в Карабахе. Все это преподносится как огромный успех Ильхама Алиева и его политики в отношении армии. Население во многом верит пропаганде, что армяне капитулировали и карабахский вопрос решен раз и навсегда, он закрыт для переговоров.

Между тем и здесь реальная ситуация сильно отличается от декларируемой. Да, во многом благодаря Турции была создана практически новая азербайджанская армия, которая полностью отказалась от традиций советской военной школы и доктрины и перешла на стандарты НАТО. Еще со второй половины 90-х годов в период Гейдара Алиева практиковалась регулярная отправка на учебу в Турцию в военные школы азербайджанских офицеров, которые потом определенное время стажировались в турецкой армии. В итоге, к 2020 году в азербайджанской армии высшее офицерство от майоров до генералов было в массе своей выпускниками турецкой военной школы, и армия представляла копию турецкой армии. При этом были широко использованы

⁵¹ «Азербайджан вооружился до превосходства», РБК, 24 марта 2018г. <https://bit.ly/3EhA2j6>;

Илья Топчий, «Карабах-2020. Военно-аналитический разбор», *Эксперт*, 23 ноября 2020г. <https://expert.ru/expert/2020/48/karabakh-2020-voenno-analiticheskij-razbor/>

«Армии Азербайджана и Армении: бюджет, численность, вооружение», *Русская служба Би-Би-Си*, 5 апреля 2016г. https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160404_karabakh_armies

новейшие достижения военной технологии, в первую очередь дроны. Прошлогодняя операция в Карабахе была во многом калькой с операции турецких вооруженных сил в Сирии.

Однако в карабахском вопросе аналогичная ситуация уже была в 1994 году, когда такую же оглушительную победу одержали армяне, и у них была военная эйфория. И тут уместно вспомнить знаменитую статью «Война или мир?» первого президента Армении Левона Тер-Петросяна⁵², указавшего на то, что армяне выиграли не войну, а лишь сражение. В конце 2020 года стороны поменялись местами и сейчас то же самое можно сказать и азербайджанцам – выиграна не война, а лишь сражение. По сути, после прошлогодних 44-дневных боев стороны вернулись к периоду 1989-1991 годов, когда бывшая НКАО не подчинялась официально Баку, но Шуша и семь районов вокруг НКАО были под властью Азербайджана. И значительную роль играла Москва в лице Комитета особого управления и советского командования. Аналогия, конечно, не совсем корректная, но, по сути, верная. Ибо, вопреки заявлениям Ильхама Алиева, Нагорный Карабах, где есть и свой президент, и парламент, и органы исполнительной власти, и армия, по-прежнему не подчиняется Азербайджану, и по-прежнему впереди новые многолетние переговоры по статусу Карабаха под эгидой Минской группы.

Но, кроме этого, есть еще один неприятный для Азербайджана итог прошлогодних боев. В Азербайджане практически с самого начала весьма негативно воспринимали роль России в карабахском конфликте. И сделали все, чтобы на территории страны не было российских войск, это удалось сделать в 1993 году. Даже Гейдар Алиев, пришедший к власти первоначально как ставленник Москвы и получивший немалую помощь от России, в том числе и военную в 1993-1994 годах, тем не менее сделал все, чтобы не

⁵² Левон Тер-Петросян, «Война или мир? Время призадуматься», *Республика Армения*, 1 ноября 1997г.

допустить возвращения российских войск в страну. И вот сейчас, через четверть века после ухода из Азербайджана, российские войска вновь вернулись в Азербайджан, пусть в статусе миротворцев и формально на 5 лет, до 2025 года. Но ведь руководство России откровенно считает постсоветское пространство сферой своих интересов. И оно не раз, но особенно в Грузии в 2008 году, доказывало, что российские миротворцы легко могут изменить свой статус, и это сыграет негативную роль для любой страны СНГ. И останутся ли российские войска в Нагорном Карабахе только на 5 лет – это весьма и весьма сомнительно.

Безусловно, рано или поздно в Азербайджане зададутся вопросом – во имя чего были такие колоссальные жертвы? Чтобы реализовать так называемый «план Лаврова», наказать Пашиняна и главное – ввести российские войска на территорию Азербайджана? И главное, где обещанное возвращение Карабаха, в котором армянское население по-прежнему отказывается быть в составе Азербайджана, только теперь находясь под защитой российских миротворцев?

ИЛЬХАМ АЛИЕВ: «ГОСУДАРСТВО – ЭТО Я!»,
ИЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в завершение следует указать, что если в первое десятилетие независимости, особенно после прихода к власти в 1993 году Гейдара Алиева, в Азербайджане было создано авторитарное государство с элементами имитационной демократии, то в нулевые после прихода к власти в 2003 году Ильхама Алиева страна была полностью преобразована под его единоличное правление, и суть этого правления и созданной им системы можно определить крылатой фразой, приписываемой французскому королю 17 века Людовику XIV: «Государство – это я!».

АРМЕНИЯ В 1991-2021 ГОДАХ: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Сергей Маркедонов

НОЯБРЬ-2020: НОВАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ АРМЕНИИ?

10 ноября 2020 года президенты России, Азербайджана и премьер-министр Армении подписали совместное заявление. Этот документ подвел черту под второй карабахской войной¹. В исследованиях и аналитических материалах, посвященных этому событию, конвенциональной мудростью стала констатация его катастрофических последствий для Армении². Статус-кво, существовавший на протяжении двадцати шести лет, был сломан. Был развенчан миф о непобедимости армянской армии и представление о ней как о лучшей военной организации кавказского региона.

На протяжении всего этого периода представители официального Еревана обсуждали территориальные уступки. И вне зависимости от фамилии конкретного руководителя Армении, необходимость таковых и готовность к их осуществлению признавалась в ходе переговорного процесса. Но даже «Обновленные Мадридские (Базовые) принципы» мирного урегулирования, требовавшие от Еревана возвращения Азербайджану ранее взятых под контроль

¹ «Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации», Официальный сайт Президента РФ, 10 ноября 2020г. <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>

² «Мадридские принципы», *Кавказский узел*, 7 апреля 2016г. // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/160309>

земель, не были столь жесткими³. Как минимум, они предполагали растянутую по времени поэтапность. При этом «Принципы» не содержали специальных пунктов о передаче под контроль Баку Шуши, второго по величине города на территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР), а также сел Гадрутского, Мардакертского и Мартунинского районов.

В «Принципах» четко фиксировались две «корзины» – вопросы, касающиеся собственно бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (статус, временный порядок управления и юридически обязывающий референдум), и проблемы районов, которые на момент распада Советского Союза в состав НКАО не входили, но были заняты армянскими силами в ходе первой карабахской войны 1991-1994 годов. К началу 2021 года общий размер территорий НКР и подконтрольных ей смежных семи районов уменьшился в 4 раза!⁴ При этом в заявлении от 10 ноября 2020 года (и последующих двух аналогичных документах от 11 января и 26 ноября 2021 года) нет упоминаний о статусе Карабаха и его определении посредством референдума. Азербайджанская сторона на официальном уровне заявила о неактуальности данного вопроса в переговорном меню. И в настоящее время Еревану намного труднее вернуться к этому вопросу. Дискуссия вокруг него будет, скорее

³ Вали Каледжи, Сергей Маркедонов, Керим Хас, *Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе*, Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020г.: 35;

Руслан Пухов, ред., *Буря на Кавказе* (Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2021г.), 128;

Paul Stronski, “The Shifting Geography of the South Caucasus,” Carnegie Endowment for International Peace, 23 June 2021. <https://carnegieendowment.org/2021/06/23/shifting-geography-of-south-caucasus-pub-84814>

⁴ Александр Искандарян, «Ментальная география карабахских войн», *Буря на Кавказе*, под ред. Руслана Пухова (Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2021г.), 106.

всего, определяться внешними интересантами по обстоятельствам, косвенно связанным с армянскими национальными интересами.

С потерей «пояса безопасности» гарантом выживания редуцированной НКР, возвращения в нее беженцев, покинувших карабахскую землю в результате военных действий, и поддержания жизни армянской общины, пускай и уменьшившейся численно, стали российские миротворцы. Передача Лачинского и Кельбаджарского районов под контроль Баку актуализировала вопрос о демаркации и делимитации армяно-азербайджанской границы, а южные регионы Армении (Сюник и Гехаркуник) оказались под прессингом вооруженных сил Азербайджана. Новое размежевание, не отвечающее интересам Еревана, – реальность сегодняшнего дня. И, как и в случае с обеспечением безопасности редуцированной НКР, у армянской стороны здесь явный дефицит собственных ресурсов и возможностей. Многое на этом направлении зависит от России и динамики ее отношений с Азербайджаном и Турцией, и в меньшей степени от позиции США и Франции, двух стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ.

Однако, военно-дипломатическая катастрофа ноября 2020 года не сводима к территориальной реконфигурации и резкому уменьшению веса Армении в региональных и международных процессах. Данное событие необходимо рассматривать как поворотный пункт в процессе трансформации армянского постсоветского национального проекта.

В этом контексте важно отметить два принципиальных момента. Во-первых, униженные условия нового мира (который можно сравнить с Александропольским договором от 2 декабря 1920 года) были официально приняты армянской властью. Эффект не сравнимый с дискуссиями вокруг цены возможных уступок и компромиссов, как в публичном пространстве, так и за закрытыми дверями в ходе переговорного процесса! Фактически официальный Ереван признал невозможность поддерживать тот национальный

проект, который был предложен армянскому обществу еще на закате Советского Союза. Во-вторых, власть, пошедшая на односторонние уступки, не была сметена возмущенным народом в результате массовых протестов. Против решений по Карабаху единым фронтом не выступили армия и другие силовые структуры. Более того, оппозиция, чьи лидеры были исторически связаны с борьбой за Карабах и долгие годы рассматривались как символы армянского национального триумфа (сначала Вазген Манукян, а затем Роберт Кочарян), не смогла переиграть Никола Пашиняна, ставшего олицетворением поражения. Глава правительства, ответственного за военную катастрофу, не только усидел на своем кресле, но и смог перехватить инициативу, провести досрочные парламентские выборы по своим правилам и выиграть их. Его партия «Гражданский договор» получила такое большинство в Национальном собрании, которое позволило ей сформировать кабинет министров без образования коалиций с другими политическими силами. Более того, карабахская повестка в ходе выборов 2021 года не была определяющей. Ключевой темой стала борьба против реваншистских устремлений «бывших», т.е. деятелей, оказавшихся на обочине армянской политики в результате Бархатной революции. При этом события апреля-мая 2018 года только частью оппозиции рассматривались как триггер упадка государственности и последующего военного поражения.

И через год после принятия условий совместного заявления лидеров России, Азербайджана и Армении официальный Ереван продолжает вести переговоры и искать мирное решение застарелого конфликта с Баку в новых политико-дипломатических условиях, то есть по факту соглашаясь на все уступки. Но самое главное, пожалуй, в том, что и оппозиция курсу Пашиняна не смогла предложить действенные альтернативы. Даже Роберт Кочарян, самый последовательный критик премьер-министра Армении, не предлагает силой вернуть утраченные позиции, перейти к тотальной

мобилизации страны и пойти на полную блокировку переговоров⁵. Налицо формирование новой пост-карабахской повестки дня, хотя публично признать такой разворот армянские политики сегодня не готовы.

В контексте произошедших и происходящих на наших глазах перемен крайне важно ответить на следующие вопросы. Почему Карабах перестал быть цементирующим элементом постсоветской армянской идентичности? Какие факторы способствовали трансформации национально-государственного проекта Республики Армения? В конечном итоге, почему и общество, и политики оказались в определенной степени готовы к шоку ноября 2020 года? Под готовностью в данном случае мы понимаем, конечно, не позитивное восприятие поражения, а возможность, пускай и с определенными оговорками, принять новые геополитические реалии и приспособиться к ним. В поиске ответов на обозначенные вопросы мы опираемся в самом общем виде на неореалистские подходы Кеннета Нила Уолтца, выделявшего три категории (уровня) анализа (индивидуальный, государственный, международный)⁶. Многоуровневый анализ позволит вывести рассмотрение фактора Карабаха за рамки исключительно внутриармянской дискуссии и рефлексии, показать влияние внешнего фактора на траектории развития национально-государственного проекта постсоветской Армении в 1991-2021 годах. Он также поможет установить прямую связь между военным триумфом 1994 и разгромом 2021 годов, и избежать упрощенческой оценки, в соответствии с которой согласие на уступки является эксклюзивной ответственностью правительства Никола Пашиняна и лично армянского премьер-министра.

⁵ Владимир Соловьев, Кирилл Кривошеев, Аршалуйс Мгдесян, «Ведь это наши двое, они помогут нам», *Коммерсант*, 7 апреля 2021 г. <https://www.kommersant.ru/doc/4762475>

⁶ Kenneth Waltz, *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis* (N.Y.: Columbia University Press, 1959), 263.

АРМЯНСКАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ:
ОТ «МИАЦУМА» К «БЕЛОВЕЖСКОЙ» ЛОГИКЕ

Распад единого союзного государства был общей рамкой для национального самоопределения составляющих его республик и автономий. Но каждый конкретный кейс отличался уникальностью. Если республики Прибалтики, Грузия выстраивали свое позиционирование через борьбу с коммунистическим государством и восстановление утраченной независимости, то руководство Азербайджана, как минимум, до августа 1991 года, пыталось под просоветскую риторику ситуативно использовать военнополитический и полицейский потенциал СССР для сохранения территориальной целостности своей республики. По словам Бабкена Арутюняна и Александра Искандаряна, путь Армении к независимости «был в значительной степени инициирован не борьбой против коммунизма или империи, а формально внешним по отношению к стране (но не к социуму) карабахским конфликтом. Если и присутствовало противостояние Москве, то лишь в том, что касалось национально-территориального устройства Советского Союза...»⁷ Побудительным мотивом массовых протестов и забастовок в Армении были не претензии к Кремлю, а требования карабахских армян и Совета Нагорно-Карабахской Автономной Области о пересмотре статуса автономии в составе Азербайджанской ССР. Многотысячные собрания в Ереване обращали свой критический пафос руководству и обществу соседней республики.

Но неготовность и нежелание союзного руководства пересматривать конституционный консенсус 1977-1978 годов и идти

⁷ Александр Искандарян, Бабкен Арутюнян, «Армения: "карабахизация" национальной истории», *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*, под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова (Изд. 2-е, испр, и дополн. - Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003г.), 145.

навстречу карабахским требованиям изменили общественные унастроения в Армении. Более того, антиармянские погромы (наиболее известными из них стали трагические события в Сумгаите в 1988 и в Баку в 1990 годах) и обмен населением между двумя республиками советского Закавказья изрядно радикализировали обстановку в АрмССР. Дополнительные импульсы получили антисоветские и антикоммунистические взгляды. В итоге Армения в марте 1991 года оказалась среди шести республик (наряду с Грузией, Молдавией и тремя образованиями Прибалтики), не принявших участие в референдуме о поддержке «обновленного союзного государства». В 1989-1991 годах идея «миацума», то есть объединения с Нагорным Карабахом в одно государство, превалировала. Борьба за выход Армении из состава СССР оказалась спаренной с борьбой НКАО за выход из состава Азербайджана. При этом она подавалась в более широком историческом и гуманитарном контексте. С одной стороны, как определенный реванш за геноцид в Османской империи и этнические чистки в Азербайджанской Демократической Республике (1918-1920), воспринимаемых в обществе как единый травматический нарратив. С другой стороны, самоопределение армян Карабаха вместе с Арменией виделось как борьба за физическое выживание соотечественников, их права и свободы. Армения была единственной из республик СССР, провозгласившей в собственной Декларации о независимости самоопределение вместе с одной из бывших автономий⁸. То есть с субъектом, который формально в ее состав не входил, но воспринимался как особая часть армянского мира, нуждающаяся в защите. Таким образом, Карабах оказался центральным элементом национального проекта Армении, совершавшей трансформацию из советской республики в независимое государство.

⁸ Верховный Совет Республики Армения, «Декларация о независимости Армении», 23 августа 1990г. <https://www.gov.am/ru/independence/>

Однако уже в скором времени стало ясно, что объединение усилий Еревана и Степанакерта и формирование общей повестки содержит в эксплицитном виде серьезные обременения. Совместное армяно-карабахское самоопределение оказывалось зарифмованным с территориальным конфликтом с Азербайджаном. Де-факто это противоборство было вмонтировано в фундамент новой государственности Армении. Впоследствии оно будет значительным фактором не только внешней политики Еревана, но и армянских внутривнутриполитических процессов. В ходе противостояния двух закавказских республик Ереван из-за своей «ревизионистской линии» не мог рассчитывать на благосклонность и поддержку Москвы. Напротив, население Армении, НКАО и даже ряда районов Азербайджана за пределами автономии подвергалось жесткому прессингу со стороны союзного центра (операция «Кольцо» весной 1991 года).

По мере приближения Советского Союза к окончательному коллапсу данная проблема перестала быть актуальной. Но на первый план выходил вопрос о международной легитимации новой Армении и ее территориальной конфигурации как государства-члена ООН. Присоединение спорной автономии могло стать препонной на пути к международному признанию постсоветского армянского государства. Как минимум, затянуть его на неопределенное время. Поэтому руководство республики выбрало путь поддержки самоопределения армян Нагорного Карабаха без каких-либо юридически обязывающих процедур в его отношении. Данная линия выдерживалась на протяжении всего существования постсоветской Армении, какие бы лидеры ее ни возглавляли. Провозгласившая свою независимость Нагорно-Карабахская Республика не получила за тридцать лет своего существования ни одного признания⁹. Де-юре субъектность Нагорного Карабаха не поддержал и Ереван.

⁹ Независимость НКР была провозглашена 2 сентября 1991 года, за девятнадцать дней до проведения в Армении референдума о государственной независимости.

Однако системы безопасности Армении и НКР были объединены в единое целое. В июне 2021 года второй армянский президент Роберт Кочарян (в декабре 1994-марте 1997 годов он также возглавлял и НКР) назвал отношения Еревана и Степанакерта «асимметричной конфедерацией»¹⁰. В академической литературе такие отношения государства-члена ООН и поддерживаемой им непризнанной республики определяют как патронно-клиентские¹¹. Армения в течение 1991-2020 годов выступала в роли государства-патрона для Нагорно-Карабахской Республики, гарантируя ее безопасность, обеспечивая социально-экономическое развитие и реализацию гуманитарных проектов, но не признавая ее юридически и не пытаясь инкорпорировать в свой состав.

Такой выбор имел фундаментальные последствия для армянского национально-государственного проекта. Во-первых, Армения приняла «беловежскую логику», то есть, по сути, признала границы между бывшими союзными республиками, сформированными в советские времена¹². Тем самым, ее руководство делало первое изъятие из Декларации независимости от 23 августа 1990 года. Выход из СССР и вступление в международное сообщество де-юре было произведено без Нагорного Карабаха. Следовательно, существование Карабаха в рамках армянского национально-государственного проекта самой политической элитой Армении было поставлено под вопрос и в прямую зависимость от конечного урегулирования конфликта с Азербайджаном. О его статусе руководители этой страны вели переговоры на

¹⁰ «Роберт Кочарян: С Нагорным Карабахом была построена асимметричная конфедерация», *News.am*, 7 июня 2021г. <https://news.am/rus/news/647513.html>

¹¹ Aleksei Tokarev, Adlan Margoev, Aleksei Prikhodchenko, "The Statehood of Eurasia's De Facto States: An Empirical Model of Engagement by Great Powers and Patrons," *Caucasus Survey* Vol. 9., no. 2 (2021): 93-119.

¹² Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991г. N 2014-I г. Москва «О ратификации Соглашения о создании Содружества независимых государств» // 19 декабря 1991г.

протяжении двадцати шести лет. То есть для них принадлежность Карабаха новому армянскому государству являлась предметом для дискуссии, даже если этот тезис внятно не проговаривался в публичном пространстве. За столом международных переговоров такое положение было более, чем очевидным. Во-вторых, выстраивание связки Ереван-Степанакерт велось без какой-либо внятной стратегии. Расчет делался на то, что международное сообщество (и, возможно, Баку) свыкнется с реальностью, и армянский контроль над территорией бывшей НКАО и примыкающими к ней семью районами рано или поздно будет признан.

Следовательно, исходная заявочная позиция армянского национального движения, определяемая как «миацум» (единство Армении и Нагорного Карабаха), была подвергнута ревизии уже на начальной стадии постсоветской армянской государственности. И в дальнейшем кардинального пересмотра этой линии не было. Вернуться к истокам постсоветского армянского национального проекта, как минимум, риторически попытался премьер-министр Никол Пашинян. Выступая в августе 2019 года на митинге в Степанакерте, приуроченном к открытию Седьмых Панармянских летних игр, он заявил: «Арцах – это Армения, и точка!»¹³ Практически сразу после «бархатной революции» Пашинян озвучил требование о включении НКР в переговорный процесс в качестве самостоятельного игрока¹⁴.

Однако такое возвращение не имело продолжения в виде выработки стратегии или серии тактических мероприятий, будь то признание независимости как шаг к инкорпорированию НКР. По факту Пашинян пытался укрепить свой имидж патриота, защитника арцахских интересов и Карабаха как форпоста армянского

¹³ Ирина Джорбенадзе, «Пашинян: Арцах – это Армения, и все!», *Росбалт*, 8 августа 2019г. <https://www.rosbalt.ru/world/2019/08/08/1796164.html>

¹⁴ Сергей Стромкань, Кирилл Кривошеев, Айк Халатян, «Карабах попросили вернуться», *Коммерсант*, 28 марта 2019г. <https://www.kommersant.ru/doc/3924881>

мира. На практике же такая позиция, будучи оторванной от внешне- и внутривнутриполитической линии государства, сработала лишь на радикализацию позиций Баку, укрепила азербайджанскую сторону в решимости пойти на силовой реванш.

ПОБЕДА С ОБРЕМЕНЕНИЕМ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДЛЯ АРМЯНСКОГО ПРОЕКТА

Анализ военно-политической и переговорной динамики Армении вокруг Нагорного Карабаха на протяжении тридцати постсоветских лет не входит в число приоритетов нашего анализа. Зафиксируем здесь вещи, имеющие важность в контексте трансформации армянского национально-государственного проекта. По словам Оганеса Саркисяна и Норайра Дунамаляна, победа в первой карабахской войне в 1994 году, «воспринимаясь в контексте борьбы армянского народа за существование и будучи "мотором" формирования независимой республики, стала частью армянской "политической" идентичности»¹⁵. Миф о победе стал вытеснять в массовом сознании миф о страшной катастрофе начала XX столетия. Однако военно-политический успех армянских сил сопровождался получением дополнительных обременений, которые также будут иметь значение для национально-государственного проекта постсоветской Армении. Еще на начальном этапе конфликта стало ясно, что армяно-азербайджанское противоборство шире, чем конфликт центральной власти и сепаратистской автономии. В отличие от конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Чечне противостояние вокруг самоопределения Карабаха затрагивало сопредельные районы, не входившие в состав НКАО. Независимость НКР провозглашали представители

¹⁵ Ованнес Саркисян и Норайр Дунамалян, «Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты», *Политические исследования*, № 2 (2020г.): 57.

не только бывшей автономной области, но и не входившего в ее состав Шаумяновского района¹⁶. И юридические аргументы создателей Нагорно-Карабахской Республики были не безупречны. Лидеры армянской общины Нагорного Карабаха апеллировали к положениям закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», позволявшим автономиям, в случае сецессии союзной республики, решать вопрос о своем государственно-правовом статусе. Статьи упомянутого закона позволяли НКАО осуществлять свое этнополитическое самоопределение. Но они не распространялись на Шаумяновский район, который в административном плане не был частью нагорнокарабахской автономии (а потому его статус статьями закона не регулировался)¹⁷.

10 декабря 1991 года, через два дня после подписания Беловежских соглашений, в Нагорном Карабахе состоялся референдум о независимости республики, с вопросом «Согласны ли Вы, чтобы провозглашенная Нагорно-Карабахская Республика была независимым государством, самостоятельно определяющим формы сотрудничества с другими государствами и сообществами?»¹⁸. В референдуме не принимали участие жители азербайджанских населенных пунктов, что придавало процедуре выборов неполную легитимность. По словам британского кавказоведа Лоренса Броерса, «с этим был закрыт потенциальный канал озвучивания гражданского, а не

¹⁶ «Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики от 2 сентября 1991г.», Официальный сайт Президента НКР. www.president.nkr.am/ru/nkr/nkr1

¹⁷ Сергей Маркедонов, *Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства* (Ереван: Институт Кавказа, 2012г.), 118-120.

¹⁸ К урнам вышло 82.2% от числа зарегистрированных избирателей, и 99.89% из них высказались за независимость НКР от Азербайджана.

этнического характера новой государственности»¹⁹. Забегая вперед, скажем, что в этой точке возник один из ключевых вопросов будущего переговорного меню о возвращении беженцев. Посредники в процессе мирного урегулирования были не готовы признать и поддержать нагорно-карабахский проект как эксклюзивный и этноцентричный. В ходе военных действий контроль армянской стороны над Шаумяновским районом был утрачен, но зато установлен над семью районами, смежными с бывшей НКАО (Агдамским, Джебраильским, Зангеланским, Кельбаджарским, Кубатлинским, Лачинским, Физулинским). В итоге сложилась во многом уникальная ситуация. Площадь собственно Нагорного Карабаха, самоопределявшегося в ходе распада Советского Союза, составляла 4.4 тыс. кв. км, тогда как смежных территорий (называемых в Азербайджане оккупированными, а в Армении – «поясом безопасности») – 7.4 тыс. кв. км²⁰.

Последствия такой военно-политической конфигурации, сложившейся к маю 1994 года и просуществовавшей с незначительными изменениями (из-за эскалации в апреле 2016 года)²¹ в течение двадцати шести лет, для армянского национально-государственного проекта были также велики. Вопрос о самоопределении армян Нагорного Карабаха в переговорной повестке был если не вытеснен, то дополнен и разбавлен проблемой оккупации. Наряду с вопросом о вытеснении этнических азербайджанцев с оккупированных территорий, он образовал группу пунктов, которые создавали для армянской стороны дополнительные сложности. Если

¹⁹ Лоуренс Броерс, *Политика непризнания и демократизация. Пределы возможностей лидеров элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе* (London: Conciliation Resources, 2005), 71.

²⁰ Кимитака Мацузато, «Непризнанные государства: Нагорно-Карабахская Республика (1988-2005 гг.)», *Вестник Тамбовского университета*, Вып.1, № 45 (Тамбов: 2007г.): 31.

²¹ Sara Khojoyan, and Anthony Halpin, "War May Resume at Any Moment, Armenian President Warns," *Bloomberg*, 24 April 2016. <https://bloom.bg/3SIN4OE>

в дискуссии о самоопределении армян Карабаха Ереван мог использовать гуманитарные аргументы в свою пользу, то оккупация и беженцы снижали эффективность всего того, что могла высказать Армения. Если к началу 1991 года после Сумгаита, Баку, депортаций армянских сел в ходе операции «Кольцо» у Еревана было определенное моральное преимущество, то к маю 1994 года оно было в значительной степени растрчено.

Обременения в виде оккупации и беженцев заставляли руководство Армении переходить во время переговоров к оборонительным действиям. Между тем, во всех проектах, предложенных конфликтующим сторонам, будь то «пакетный», «поэтапный» планы, проект «общего государства», «обновленные Мадридские принципы» (в более детализованной форме – т.н. «Казанская формула» или «план Лаврова»), предполагалось решение проблем с семью районами не в пользу Еревана. И статус Карабаха из-за этого не становился несущей конструкцией мирного урегулирования. Жириайр Липаритян (в 1994-1997 годах главный советник президента Левона Тер-Петросяна по карабахскому урегулированию) уже после завершения второй карабахской войны констатировал: «С момента перемирия международное сообщество говорило нам, что не признает независимость Карабаха. Теоретически они могли бы это сделать, если бы Азербайджан пошел на это. Но в целом Россия, Турция, Иран, США и Франция предлагали варианты, основанные на территориальной целостности Азербайджана. Это было ясно. Они говорили это нам последние тридцать лет. Вторая часть – никто в мире не ожидал, что мы будем удерживать эти семь районов. Они всегда ожидали их возвращения, под теми или иными условиями»²². Продвигать идею «Армения + НКР + районы» на международном уровне означало невозможность уподобления

²² Григор Атанесян, «"Многие думали, что война – это забава": Жириайр Липаритян о поражении Армении и будущем Карабаха», ВВС, 30 ноября 2020г. <https://www.bbc.com/russian/features-55132269>

карабахского кейса косовскому. В отличие от кейсов Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии, воспринимаемых на Западе как просоветская фронда, у Армении и НКР гипотетически были шансы и на применение к ним подхода, известного как "remedial secession". В определенных политических кругах США и некоторых стран ЕС (прежде всего, во Франции) борьба армян за Карабах воспринималась как сопротивление советско-сталинской национальной политике и исправление исторической несправедливости. Но оккупация и азербайджанские беженцы заморозили движение в этом направлении.

Таким образом, возникал известный зазор между политической публичностью, делавшей акцент на армянском национальном триумфе, и реальным положением дел за столом переговоров, не слишком благоприятным для Еревана. Первым, кто нарушил табу на эту тему, стал Левон Тер-Петросян, заявивший в ноябре 1997 года, что следование максималистским установкам (попытка выстраивать армянскую государственность через де-факто интеграцию Армении, Карабаха и семи смежных районов) может поставить армянский национально-государственный проект на грань катастрофы²³. Однако это его предупреждение не стало предметом серьезной рефлексии и среди элит, и в обществе Армении. Запрос на максимализм определял действия властей. Впрочем, здесь следует особо оговориться. Несмотря на публичную критику первого президента Армении и констатацию его «пораженческих настроений», преемники Тер-Петросяна в целом сохранили преемственность с подходами официального Еревана 1990-х годов. И Роберт Кочарян, и Серж Саргсян обсуждали различные варианты уступок и компромиссов. В данном контексте показательны оценки третьего президента Армении, прозвучавшие в июне 2021 года, в канун

²³ «Левон Тер-Петросян: "Война, или мир? Пора стать серьезнее"», *NewsArmRu*, 20 января 2022г. https://newsarmru.com/news/levon_ter_petrosjan_vojna_ili_mir_pora_stat_sereznee/2022-01-20-4148

досрочных парламентских выборов. «Мы обвиняем капитулянта [речь идет о Пашиняне – С.М.] не в том, что он подписал трехсторонний документ, когда азербайджанцы уже завоевали Шуши и действительно находились очень близко от Степанакерта, а в ситуации, которую он создал», – резюмировал Саргсян. Более того, он сам признал, что «готов был носить клеймо предателя, но решить» вопрос о мире с Азербайджаном²⁴. Вопрос, таким образом, был не в уступках как таковых (в том же 2011 году Саргсян был готов согласиться с «казанской формулой», блокировка которой в значительной мере – ответственность азербайджанской стороны), а в обстоятельствах их принятия и объемах. Логика «поэтапного плана», сохраненная и в разных модификациях «обновленных Мадридских принципов», предполагала передачу оккупированных районов под контроль Баку. Но в отличие от условий ноябрьского трехстороннего заявления, предполагалось сделать это в два этапа, а не одномоментно.

Не менее интересная аргументация содержится и в заявлениях и комментариях второго президента Армении, самого «карабахского» среди армянских руководителей постсоветского периода. Размышляя вокруг вопроса, почему официальный Ереван в его президентскую каденцию не признал НКР, Кочарян заявил, что такой шаг не был совершен «во избежание войны»²⁵. Таким образом, он по факту признает, что армянское руководство и при нем, и при других руководителях в значительной степени делегировало вопрос о статусе НКР международным посредникам (сопредседателям Минской группы ОБСЕ). Ведь одностороннее признание Нагорного Карабаха Ереваном, по сути, блокировало мирный

²⁴ Григор Атанесян, «"Я готов был носить клеймо предателя, но решить вопрос": экс-президент Армении Серж Саргсян о Карабахе и Пашиняне», *ВВС*, 24 июня 2021г. // <https://www.bbc.com/russian/features-57598041>

²⁵ «Кочарян рассказал, почему в годы его власти Армения не признала независимость Карабаха», *Спутник-Армения*, 7 июня 2021г. <https://bit.ly/3zRJ133>

процесс, настраивало ведущих мировых игроков против Армении. Провал мирных переговоров неминуемо приводил к новой военной эскалации или полномасштабной войне. Собственно, стагнация переговорного процесса в 2019-2020 годах и повлекла за собой реванш со стороны Азербайджана. И ответственность за дипломатические провалы не в меньшей степени, чем за поражение, и Кочарян, и Саргсян возлагают на Пашиняна.

Особый сюжет, связанный с обременениями к победе в первой карабахской войне, – это отношения Армении и Турции. С образованием независимого Азербайджана Анкара сделала ставку в Закавказье именно на эту страну и выстраивание с ней стратегического альянса. По словам известного турецкого исследователя профессора Мустафы Айдына, «большой сегмент турецкого общества воспринял появление независимого Азербайджана как провозглашение суверенитета "второго турецкого государства"»²⁶. И хотя эта идея, популярная в начале 1990-х и в самой Турции, и у лидеров Народного фронта Азербайджана, не была воплощена на практике, концепт «одна нация – два государства» удалось наполнить содержанием. Турция в 1993 году закрыла сухопутные границы с Арменией, а впоследствии поддерживала Азербайджан по карабахской повестке на всех международных площадках (включая и Минскую группу ОБСЕ, членом которой она была), не говоря уже о выстраивании военно-технической кооперации.

Все это делало армянский проект максимально зависимым от внешних союзников. Из четырех границ две (со стороны Азербайджана и Турции) оказались закрытыми. При этом ресурсы стратегического союзника Еревана Москвы не могли быть задействованы в полном объеме для реализации армянских максималистских планок. Отсутствие прямой границы с Арменией делало

²⁶ Mustafa Aydin, "Changing Dynamics of Turkish Foreign and Security Policies in the Caucasus," in *Reassessing Security in the South Caucasus Regional Conflicts and Transformation*, ed. by Annie Jafalian (Ashgate Publishing Company, 2011), 117-120.

российско-армянские отношения уязвимыми и зависимыми от всей динамики отношений Москвы и Тбилиси, а с начала 2000-х годов – России и Запада. Общая сухопутная и морская (по Каспию) граница РФ с Азербайджаном также заставляла Кремль искать с Баку прагматичных и выгодных отношений, избегать конфронтации. То же самое можно сказать и об отношениях России и Турции, в особенности после того, как Москва стала активнее проникать в регионы за пределами постсоветского пространства, прежде всего на Ближний Восток, территорию особых геополитических интересов Анкары.

Следовательно, на международном уровне в 1991-2000 годах Армения имела весьма ограниченные возможности для того, чтобы отстоять те завоевания, которые она достигла в ходе первой карабахской войны. Использовать удачный момент для того, чтобы конвертировать уступки по районам в отложенный на неопределенный период статус Нагорного Карабаха (с высокими шансами на его последующее успешное самоопределение) и мирогарантийную операцию под эгидой России без катастрофического поражения не получилось. Но необходимость уступок была очевидна для армянского истеблишмента, который не решился на широкий диалог на эту тему с обществом. Как следствие, завышенные массовые ожидания и снижение порога восприятия внешних рисков и угроз. «Карабахизация» армянского национально-государственного проекта, как она виделась в мае 1994 года, к осени 2020 года становилась все более сомнительной. И этот тренд развивался задолго до принятия Николом Пашиняном унижительных условий нового перемирия в ноябре 2020 года.

МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И НАЦИОНАЛИЗМОМ:
ВНУТРЕННИЙ КАРАБАХ ДЛЯ АРМЕНИИ

Известный американский кавказовед Кори Велт, размышляя о траекториях армянской внутренней политики в первые два десятилетия после обретения независимости, использовал интересную метафору «ускользающая демократия»²⁷. С одной стороны, армянское движение за самоопределение и «миацум» было пропитано демократической риторикой не в меньшей, если не в большей степени, чем националистической. Армения была единственной из республик бывшего СССР, осуществившей выход из его состава в соответствии с советской же законодательной процедурой, то есть посредством референдума, подготовленного за полгода. За тридцать постсоветских лет в Армении сменились четыре президента и ни один из них не превысил положенных Конституцией сроков властных полномочий. Было реализовано две конституционные реформы (2005 и 2015 годы), страна осуществила два перехода от президентской к президентско-парламентской, а затем парламентской модели. В будущем нельзя исключать возвращения к президентской республике. Попытки отдельных политиков установить персоналистский режим по аналогии с Россией или Белоруссией не увенчались успехом. По мнению Георгия Дерлугьяна и Рубена Ованнисяна, такие попытки предпринимались сначала Вазгеном Саркисяном (занимавшим в течение июня-октября 1999 года пост премьер-министра), а затем вторым президентом Армении Робертом Кочаряном (руководил республикой в 2000-2008 годах). Но консолидации

²⁷ «Путь к сближению лежит через обеспечение безопасности – Кори Велт», *Caucasus Times*, 14 октября 2010г. <https://caucasustimes.com/ru/put-k-sblizheniju-lezhit-cherez-obespeche/>

властной системы вокруг одного человека никому из них достичь не удалось²⁸.

Следовательно, сменяемость власти, многопартийность, при которой различные партии, побывав у власти, впоследствии покидали политический Олимп и маргинализировались (как было с Армянским общенациональным движением/АОД и Республиканской партией), были отличительными чертами внутривнутриполитической жизни постсоветской Армении. Республика, пережившая две войны и блокаду со стороны Азербайджана и Турции, тем не менее, не скатилась к диктатуре силовиков. Более того, попытки военизированных структур вроде союза добровольцев «Еркрапа» влиять на общественно-политическую жизнь существенного воздействия на эволюцию армянской государственности не оказали. Несогласие части высшего офицерского корпуса республики с политикой премьера Никола Пашиняна в феврале 2021 года, квалифицированное им как «военный путч»²⁹, в действительности не было консолидированной позицией армянских военных и спецслужб (свидетельством чему солидарность министерства обороны с главой правительства и готовность ряда высших офицеров заместить вакантные должности после отставки начальника Генерального штаба). За тридцать лет ни один профессиональный военный не достиг позиции главы государства. И Вазген Саркисян, и Роберт Кочарян, и Серж Саргсян, тесно связанные с вооруженными силами и добровольческими организациями республики, были не профессиональными военными, а скорее организаторами системы национальной безопасности из числа гражданских политиков.

²⁸ Georgi Derlugian, and Ruben Hovhannisyán, “The Armenian Anomaly: Toward an Interdisciplinary Interpretation,” *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization* Vol. 26, no. 4 (2018): 455-457.

²⁹ «Премьер-министр Армении заявил о попытке военного путча», DW, 25 февраля 2021г. <https://www.dw.com/ru/premier-ministr-armenii-zajavil-opyutke-voennogo-putcha/a-56684328>

С другой стороны, после сентября 1991 года в Армении практически не было выборов, которые обходились бы без гражданского противостояния, массовых протестных акций, оспаривания их итогов в судебных инстанциях, обвинений в фальсификациях и даже введения режима ЧП. В 1996 и в 2008 годах несогласные с итогами голосования даже предприняли попытки силового давления на власть, но получили жесткий отпор с ее стороны. В 2018 году правительство не устояло и ушло вследствие массовых протестов, получивших впоследствии определение «бархатной революции», в которой парадоксальным образом сочеталась политическая целесообразность и легалистские способы транзита. Таким образом, начиная с 1996 года, любая армянская власть сталкивалась с дефицитом легитимности. На массовом уроне она отторгалась некоторой и порой значительной частью общества, даже если с формальной точки зрения соблюдала имеющееся законодательство (как это было в случае с пересаживанием Сержа Саргсяна из кресла президента в кресло премьер-министра в 2018 году).

«Ускользанию демократии» способствовали и возродившиеся на новом витке практики политического насилия³⁰, что может быть связано как с этнополитическим конфликтом в Нагорном Карабахе, так и попытками переноса на постсоветскую армянскую почву некоторых специфических традиций «спорка» /диаспоры (героизация дореволюционного дашнакского террора, а также опыта «Армянской секретной армии освобождения Армении»/ASALA). К наиболее знаковым проявлениям политического насилия в постсоветской Армении можно отнести убийство экс-председателя КГБ Мариуса Юзбашяна (июль 1993 года), расстрел в парламенте, где были убиты его спикер и экс-первый секретарь ЦК КП АрмССР Карен Демирчян и премьер-министр Вазген Саркисян (октябрь

³⁰ Иван Фомин и Николай Силаев, «Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о "Сасна Црер"», *Политические исследования*, № 3 (2018г.): 78-92.

1999 года), захват полка Службы государственной охраны (июль 2016 года).

На протяжении тридцати постсоветских лет внутри Армении боролись и взаимно дополняли друг друга демократический и националистический дискурсы. На этапе борьбы за «миацум» они были единым целым. Однако впоследствии происходила их поочередная и одновременная дискредитация. Первый президент Армении Левон Тер-Петросян, будучи одним из «отцов-основателей» Комитета «Карабах» и всенародно избранным (в отличие от коммунистических предшественников) главой республики, впоследствии сам сработал против своего имиджа как демократа и националиста, сначала применив силу против оппонентов по итогам выборов 1996 года (повторных для него) и жестко разойдясь со своими соратниками по Комитету «Карабах» (Вазгеном Манукяном), а затем высказавшись о допустимости односторонних уступок Азербайджану в процессе мирного урегулирования этнополитического конфликта.

По словам Оганеса Саркисяна и Норайра Дунамаляна, «в процессе развития армянского государства понятия "национальный" и "демократический" по ряду причин сформировали оппозицию друг другу, но и стали "жертвами" внутривполитических конфликтов. Так, "национальная" составляющая была дискредитирована в начале 1990-х годов в результате борьбы президента Л. Тер-Петросяна с АРФ "Дашнакцутюн" и последующего запрета деятельности последней, что резко ухудшило отношения между властями Армении и диаспорой, большое влияние на которую оказывала запрещенная партия»³¹.

Дальнейшей дискредитации националистический дискурс был подвергнут в период правления Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна. В отличие от своего предшественника, Кочарян

³¹ Саркисян и Дунамалян: 58.

позиционировал себя, прежде всего, как национальный лидер, но не как демократ. Войдя на армянский политический Олимп сначала как премьер-министр и затем избравшись президентом, он пришел как своеобразный делегат Карабаха в Ереване. Кочарян, однако, не пошел ни по пути признания НКР, ни по пути ее инкорпорирования, удовлетворившись «миацумом» де-факто. При этом второй президент Армении сделал опору на выходцев из Карабаха в силу отсутствия у него мощной аппаратной поддержки в Ереване. По мере укрепления в столице Армении властная конфигурация менялась, и на первое место выдвигался принцип лояльности, а не происхождения. К 2008 году популярное в медиа понятие «карабахский клан» не было более релевантным. Уже в окружении Сержа Саргсяна карабахцы не играли главные роли. Неким их форпостом оставалось министерство обороны.

Тем не менее, несколько лет кадровой «карабахизации» в массовом сознании стали восприниматься как синоним nepотизма, коррупции, а негативные социальные тренды (самый главный из которых – массовый выезд из страны) стали формировать представление о Карабахе как источнике внутренних проблем для самой Армении³². Эту негативную картинку укрепили события 2003-2004 и 2008 годов, когда две президентские кампании подряд прошли на фоне громких заявлений о масштабных нарушениях и фальсификациях, а затем имели место столкновения сил правопорядка и протестующих. Во время противостояния между властями и оппозицией первые воспринимались как «карабахские». Весьма показательной историей в этой связи является возвращение в большую политику первого президента Армении Левона Тер-Петросяна. Имея «обременение» в виде призывов к уступкам Баку и десятилетний перерыв в общественной деятельности, он сумел не просто выдвинуть свою кандидатуру на выборах, но и показать второй результат с

³² *Армения: в преддверие политической нестабильности*, Доклад МГПК № 158 Европа (Ереван/Брюссель, 2004г.): 4.

21.5% голосов³³. Таким образом, Карабах как главный критерий успешности постепенно переставал работать. События «четырёхдневной войны» в апреле 2016 года, показавшие существенные изъяны в снабжении, обучении и подготовке армянской национальной армии, также способствовали дискредитации власти, воспринимаемой в Армении как «карабахской».

Не способствовала популяризации карабахской идеи, отождествляемой с патриотизмом, и инструментализация этнополитического конфликта ради внутренней борьбы. В ходе выборов 2008 года и после них, Серж Саргсян как преемник Роберта Кочаряна и Левон Тер-Петросян как экс-президент, пытавшийся вернуться в кресло главы государства, использовали друг против друга «патриотическое» карабахское оружие. Странники первого лидера Армении говорили о готовности Тер-Петросяна к «сдаче Арцаха», а их оппоненты апеллировали к тому, что сам Кочарян в 1999 году был близок к тому, чтобы принять план «обмена территориями» (передачу Мегринского района Армении Азербайджану в обмен на Карабах)³⁴. Странники Тер-Петросяна также упрекали Кочаряна и Саргсяна в том, что они потеряли отдельное представительство НКР на переговорах. В 2018 году этот же аргумент пытался использовать для нейтрализации «бывших» Никол Пашинян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, за постсоветское тридцатилетие карабахская идея, единожды всколыхнувшая и мобилизовавшая Армению,

³³ Сергей Маркедонов, Евгений Минченко, Кирилл Петров, «Оценка политических рисков в регионе Закавказья (Южного Кавказа)», Минченко-Консалтинг, 2015г.: 29.

³⁴ Лилит Ованисян, «Тер-Петросян: в 1999 году власти Армении готовили передачу Азербайджану Мегринского района в обмен на Карабах», *Кавказский узел*, 9 февраля 2008г. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/131908/>

значительно потеряла свою изначальную сакральность. Будучи уникальным соединением демократического и националистического начала, она на протяжении многих лет подвергалась инфляции как со стороны демократов, так и националистов. Итогом стало размывание этой повестки, а также выход на первые планы других тем (бедность, всевластие местных и региональных руководителей, эффективность экономики). На Карабах слишком многое списывали, начиная от изоляции страны и заканчивая коррупцией и nepотизмом. От такой объяснительной модели просто устали. При этом на внешнем периметре уступки для Еревана были неизбежны, вопрос лишь в их объемах и очередности. Отказ от их реализации радикализировал реваншистские настроения в Баку и в Анкаре, и укреплял страны-сопредседатели Минской группы во мнении согласиться с ускоренной развязкой запутанного узла.

В итоге в 2021 году лидер, согласившийся на беспрецедентные для Армении уступки, не просто смог принять участие в конкурентных выборах, но и выиграл их. Заметное продвижение по сравнению с Левоном Тер-Петросяном, который только предлагал обсудить компромиссы, вследствие чего ушел в отставку, но через десять лет смог вернуться в большую политику. Пашинян уступил намного больше того, что формулировал Тер-Петросян, но парламентскую кампанию выиграл со значительным перевесом. Более того, кампании предшествовали несколько месяцев массовых протестов и попыток объединения оппозиции по схеме «все минус Никол». Но митинги не стали вторым изданием акций 1988 года, а харизматический создатель комитета «Карабах» и первый премьер-министр постсоветской Армении Вазген Манукян провалил миссию интегратора оппозиционных сил еще до дня голосования. Георгий Дерлугьян назвал итоги

выборов-2021 «классовыми»³⁵. Действительно, роль сельских избирателей и жителей малых городов в победе старого-нового премьера велика. Скорее всего, многие из них болезненно переживают потерю Шуши, унижение от итогов второй карабахской войны и не одобряют готовность разблокировать коммуникации с Азербайджаном и Турцией. Но волнует их, в первую очередь, не большая геополитика и не амбициозные национальные проекты, а возможность освободиться от постсоветских «неофеодалов» и их клиентелы. То, что Пашинян представил в качестве главного достижения своего правления. Без готовности к смене общественных приоритетов, формируемой не один год, невозможно объяснить себе ту быстроту, с которой армянские власти не просто пошли на беспрецедентные территориальные уступки, но и убедили в правильности избранной линии большинство избирателей.

³⁵ «Революция не рухнула: Георгий Дерлугьян о победе Пашиняна на выборах», *CivilNet*, 21 июня 2021г. <https://www.youtube.com/watch?v=MDSrrnboSNQ>

ПОПУЛИСТСКАЯ ГРУЗИЯ

Марина Мухелишвили

ВВЕДЕНИЕ

Тема сборника – это последние 20 лет развития региона; так что, естественно, сразу вспоминается то, что произошло 20 лет назад – 9/11, трагедия, изменившая мир и повлиявшая на всех, включая Грузию. Хотя влияние этого события и несопоставимо с тем, что началось в Грузии более 30 лет назад с распадом Советского Союза и началом процесса демократизации, выделять период после 2001 года имеет смысл. Вне зависимости от того, связаны или нет последние 20 лет Грузии с изменением геополитического контекста после 9/11, этот период отличается от предыдущих лет демократизации и имеет связность единого цикла преобразований.

Когда я вспоминаю, какие события произошли 20 лет назад, мне лично больше вспоминается не 2001, а 2002 год, когда я приехала в Колумбийский университет с полным осознанием и ощущением того, что демократизация дальше не может продолжаться в том же духе и надо что-то менять. Я надеялась понять, как надо продолжать, но никаких новых концепций в то время не увидела. Кроме того, в том году была опубликована статья Томаса Карутерса о конце парадигмы транзиции¹. Суммируя опыт прошедших лет, автор статьи перечислил ряд ожиданий, составлявших суть этой парадигмы и оказавшихся необоснованными. Несмотря на отсутствие новой парадигмы, Грузия, тем не менее, продолжала развиваться в том же направлении и с теми же убеждениями, что и прежде. Чем дальше, тем больше расходились между собой дорожная карта демократизации

¹ Thomas Carothers, "The End of the Transition Paradigm," *Journal of Democracy* 13, No. 1 (January 2002): 5-21.

и эмпирические реалии. На сегодняшний день можно подвести итог. **Тезисом данной статьи будет то, что последние 20 лет преобразований послужили не столько развитию представительской демократии и политического равенства, сколько формированию популизма как системы политической власти, имеющей устойчивый набор взаимосвязанных формальных и неформальных институтов.**

Какие главные события произошли в этот период в Грузии?

Почти все эти 20 лет Грузия провела под влиянием Михаила Саакашвили – был он у власти или в оппозиции, в Грузии или на Украине. Во всех случаях он был либо в центре событий, либо маячил на горизонте как потенциальная угроза, определяя политический дискурс, повестку дня и направление действий политических акторов. Так, 2003 год – это «Революция роз», при которой Саакашвили приходит к власти; 2007 год – это массовые выступления оппозиции, после которых режим становится явно более недемократичным; 2008 год – это «августовская война» и военное поражение; 2012 год – смена власти и победа на выборах коалиционной «Грузинской Мечты», ведомой главным лозунгом – сместить Саакашвили; 2021 год – это новое обострение, которое происходит на момент написания статьи: нелегальный въезд Саакашвили в Грузию и его арест. Весь этот почти 20-летний период основные медиа ресурсы, определяющие повестку дня и формирование общественного мнения, находились либо под влиянием Саакашвили, либо под его контролем, постепенно трансформируясь в основных политических акторов публичной политики. Поэтому с уверенностью можно сказать, что, даже потеряв грузинское гражданство и став украинским политиком, Саакашвили не исчезал из грузинской политики. На сегодняшний день именно его фактор является основой глубокой поляризации грузинского общества, граничащей с дестабилизацией и рисками дальнейшего углубления острого политического противостояния.

Подчеркивая такую значительную роль одного политического лидера в жизни страны, можно ли утверждать, что без него события развивались бы в другом направлении и что историю формируют отдельные личности, а не более общие тенденции? Легко просматриваемая логика событий в других странах региона и мира свидетельствует скорее об обратном. Можно утверждать, что неолиберальная глобализация сама выводит на поверхность таких лидеров. Популизм, пришедший на смену демократии – это, скорее, следствие, а не причина того, как развивается мир и наши постсоветские страны.

Что имеется в виду, когда популизм противопоставляется демократии?

Популизм – очень популярный на сегодняшний день термин в политических науках. Количество ежегодно публикуемых академических статей, посвященных этой теме, с 2001 года возросло в 5-6 раз. Популизм имеет много определений и интерпретаций, а география его распространения в 21 веке давно уже перешагнула границы Латинской Америки и перешла в Европу и США.

Не вдаваясь глубоко в теорию популизма и его детальный анализ², для целей данной статьи достаточно отметить основные характеристики, определяющие политический климат не только в Грузии, но и в других странах. Для популизма характерно отсутствие плюрализма. Как и любая политическая стратегия, он конструирует водоразделы между врагами и друзьями, но при этом радикализирует различия до степени полного неприятия. «Враги» популиста, выступающего от имени «народа» – это не

² Ernesto Laclau, *On Populist Reason* (Verso, 2005);

Yves Mény, and Yves Surel, eds, *Democracies and the Populist Challenge* (Palgrave Macmillan, 2002);

Jan-Werner Müller, *What Is Populism?* (University of Pennsylvania Press, 2016);

Nadia Urbinati, *Me The People: How Populism Transforms Democracy* (Harvard University Press, 2019).

«народ» (коррупцированные элиты или иноземные мигранты): они отличаются от «народа» не только взглядами или интересами, но и аморальностью, нормативной неправомерностью находиться с «народом» на равных. Тем самым, популисты не станут с ними сотрудничать, договариваться или идти на компромиссы. Политика популизма — это стремление иметь полный контроль без необходимости ограничений. Популизм хорошо сочетается с национализмом: в такой интерпретации политические оппоненты — это агенты вражеского государства. Для Саакашвили в Грузии это агенты Кремля, путинисты, «русский олигарх Иванишвили» и т.д. Они не являются легитимными оппонентами, с которыми надо мириться, с которыми надо вести диалог, с которыми надо уживаться в границах одного политического пространства. Популист не признает результатов проигранных выборов, по мере возможности превышает власть и меняет конституцию и законы в свою пользу.

Когда в политике доминирует популизм, основой конфликта является не идеологически оформленная разница во взглядах и интересах, а отсутствие доверия между акторами. Учитывая несимметричность популистского дискурса, демократия приобретает вертикальный характер, и каждая смена власти происходит на волне протестов. В ходе протестов народ, в лице лидера, который конструирует образ замечательного и единого народа, стоящего за его спиной, выступает против исчерпавшей доверие власти. И хотя не во всех постсоветских странах имеется достаточно свободы для смены власти, конструирование образа врага необходимо для устойчивости режима и там, где нет свободы — кем бы он ни был — например, для режима Путина таким врагом является Америка. Негативное конструирование образа врага, в любом случае — это политика, оправдывающая удержание власти или борьбу за власть. То есть это не демократия как выборы, а это демократия как революция, это демократия от имени народа, позволяющая после прихода к власти

проводить определенные репрессии относительно своих политических оппонентов.

Вот в таком виде, без каких-либо усилий найти общий язык со своими оппонентами, найти общее благо с ними, править страной в интересах избирателей, то есть развивать позитивную программу развития, функционирует логика популизма. В этом процессе доминирует негативная программа свержения власти, для чего создаются так называемые «невозможные коалиции» – объединения правых, левых, консерваторов, либералов, коммунистов, социалистов под одним лозунгом – хуже, чем сейчас, не будет.

В чем причина того, что подобное положение сохранялось в Грузии последние 20 лет, поляризуя общество и пользуясь его же поддержкой?

Следует отметить несколько факторов, которые представляются существенными для понимания ситуации. В первую очередь, отсутствие традиции плюрализма можно искать в историческом наследии страны. Это наследие сталинизма и ментальная склонность постсоветских граждан двигаться в одном направлении к светлому будущему, игнорируя всех, кто предлагает порассуждать об альтернативных путях развития, и тех, кто способен с уважением относиться к политическим оппонентам, вместо того чтобы дискриминировать и отвергать их участие в политике. Такое объяснение традиционно, но неубедительно. Так, Германия прошла через фашизм и, тем не менее, сумела построить демократию.

Вторая, существенная причина популистской болезни демократии – это неолиберальная глобализация, создающая двойственность интерпретации. Наряду с населением страны, интерпретирующим политику через призму социальной структуры, культурных норм и подтекстов, формальные институты демократии оцениваются и внешними наблюдателями, глобальным сообществом, «третьей стороной», мнение которой имеет значительное влияние на внутренние процессы. Ввиду того что разницу между популизмом

и демократией невозможно уловить, не учитывая неформальную интерпретацию, имеющуюся внутри общества, внешние наблюдатели могут не видеть всю картину. Создается разрыв между внутренней и внешней оценками. Этим могут успешно пользоваться политические лидеры, формируя дискурс, направленный скорее «на экспорт», а не на внутреннего потребителя. В создаваемой ими виртуальной реальности доминируют глобальные стереотипы, а не локальные факты.

Здесь важно отметить либертарианскую ценностную ориентацию глобализации, позволяющую понять этот феномен. В отличие от классического либерализма, основывающего свободу слова на превалировании натурального права над писаными законами, и, тем самым, признающего неформальные институты общества, постсоветское либертарианство направлено на разрушение общественных норм как создающих ограничения для индивидуальной свободы. Тем самым оно позволяет действовать вне каких-либо принципов, не дает формироваться таким общественным институтам как репутация, доверие, взаимность; не запрещает, в том числе, врать и манипулировать. Политические лидеры, исповедующие либертарианство, обретают свободу формировать виртуальную реальность далекую от действительности и подавлять рациональную аргументацию.

Наконец, наиболее существенной причиной представляется экономический неолиберализм («вашингтонский консенсус», в частности), доминировавший в политике если не все последние 30 лет, то, по крайней мере, большую их часть. Неолиберальные реформы по своей природе таковы, что они создают конфликт между краткосрочными и долгосрочными ожиданиями избирателей. Проще говоря, даже веря в то, что в будущем эти реформы должны принести результаты, большинство населения не ожидает от них никаких непосредственных выгод, понимая, что в краткосрочной перспективе они только увеличивают неравенство в обществе и приводят

к успеху меньшинства на фоне очень малых или отсутствующих выгод для большинства. Поэтому всем политическим акторам, участвующим в политическом процессе и борющимся за голоса избирателей, приходится как-то манипулировать и заглушевать этот аспект, для чего популизм подходит лучше всего. Им приходится обещать, например, понижение налогов и одновременный существенный рост пенсий; говорить о благе всего народа, а не каких-то социальных групп, не создавая при этом здорового горизонтального деления на правых и левых, богатых и бедных, оставаясь в том же неолиберальном экономическом дискурсе, не предлагая никаких экономических программ. В Грузии, где последние 30 лет безработица и бедность являются основными проблемами населения, для решения которых основные политические акторы ничего не предпринимают, доминирование неолиберальной идеологии придает экономическому неравенству политически латентный характер, лишая тем самым политику рациональности.

В отличие от представительской демократии, популистская демократия Грузии характеризуется следующими институциональными чертами: вероятность смены режима посредством выборов, но при условии предшествующего революционного протестного движения и уличной политики; крайняя поляризация общественного мнения; слабое доверие к государственным институтам, в первую очередь, судебной системе; неприятие результатов выборов после поражения; политизация СМИ. Следует отметить, что, в отличие от развитых демократий, где популизм идеологически противопоставляется либерализму, местная версия популизма может именоваться либеральным популизмом – комбинация, свидетельствующая о странной трансформации ценностей либерализма в процессе демократизации страны.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ. ГОД 2003 – «РЕВОЛЮЦИЯ РОЗ»

Осенью 2003 года должны были пройти парламентские выборы, которые имели особое значение для Грузии. Срок президентства Эдуарда Шеварднадзе подходил к концу, и все более актуальным становился вопрос о том, кто займет его место.

К этому времени частично изменился международный подход к демократизации. Можно сказать, что Запад потерял терпение и стал проявлять большую готовность к активным действиям. В Сербии при поддержке Запада был свергнут Милошевич; грузинские оппозиционные лидеры ездили в эту страну перенимать опыт у сербов. В отличие от авторитарного лидера Милошевича, положение либерала Шеварднадзе было крайне шатко. Пустой бюджет, практически за бесплатно работающие государственные служащие и, соответственно, повальное взяточничество, бедность, безработица и, на фоне всего этого, сильный оппозиционный канал «Рустави-2», формирующий призыв к смене власти. В оппозиции – молодое поколение и неправительственный сектор, накопивший немалый реформистский потенциал, рвущийся к власти для ускорения тормозившихся реформ.

Как и предполагалось задолго до выборов, их результаты оказались неудовлетворительными и привели к протестным выступлениям. Под лидерством Саакашвили толпа протестующих ворвалась сперва в здание парламента, а затем заняла и Государственную канцелярию. Уступая напору молодых политиков Жвания и Саакашвили, Шеварднадзе предпочел уйти в отставку и полностью отдалиться от политики. События вновь вернулись в правовое русло внеочередными президентскими выборами 2004 года и частичным переизбранием парламента. К власти пришел триумvirат Саакашвили-Жвания-Бурджанадзе, практически сразу, еще до трагической гибели Жвания в 2005 году и ухода Бурджанадзе в

оппозицию, превратившийся по сути в единоличный режим правления Саакашвили.

Саакашвили действовал быстро, наскоком, часто вне правовых и этических норм. В своей риторике и действиях он постоянно создавал и поддерживал миф о том, что история грузинского государства начинается с «Революции роз». В том числе, в начале 2004 года были срочно изменены конституция страны, ее флаг и гимн. «Революция роз», которая и так совершилась от имени народа («Рустави 2» – «народное телевидение», после революции – «телевидение победившего народа»), подразумевала единство, против которого могут выступать только реакционеры³. В этом плане дискурс революции был почерпнут из советской мифологии об Октябрьской революции. Как ни странно, со стороны прозападных сторонников Саакашвили протеста это не вызвало.

Однако, помимо символики и риторики, были проведены радикальные реформы по укреплению власти. Главным переломным моментом следует считать значительные целевые донорские вливания в бюджет, позволившие радикально увеличить зарплаты государственных служащих. После сокращения и обновления кадров (в первую очередь, в полиции) оставшимся сотрудникам уже не было нужды брать взятки – небывало высокие по грузинским меркам зарплаты обеспечивали лояльность и дисциплину государственного аппарата. В подобных условиях бюджет наконец наполнился налогами и государство заработало по-новому.

Другим важным преобразованием, принесенным «Революцией роз», было перераспределение собственности и доходов. Слабо сформировавшаяся и не вполне легитимная новая буржуазия подверглась атаке молодых и голодных революционеров.

³ «Это попытка контрреволюции и соответственно против контрреволюционеров государство применит те меры, которые они заслуживают»: Ванო Мерабишვილი противникам утверждения знамени с пятью крестами как государственного флага на заседании парламента от 14 января 2004 года.

В определенных случаях пафосом этой атаки служили обвинения в коррупции и незаконных путях накопления капитала. Однако основная тенденция состояла не в возвращении собственности государству, а в передаче его новым, лояльным властям владельцам. Этим и другими путями многие пришедшие к власти сторонники Единого национального движения оказались несравненно богаче через девять лет, к концу их пребывания у власти.

Если добавить к этим преобразованиям силовые и часто внеправовые методы установления власти и порядка в стране, избивание и убийства руками силовиков, резко выросшую безработицу и неравенство наряду с резкой, конфронтационной и поляризующей риторикой президента, неудивительно что очень скоро недовольство оппонентов из глухого и боязливого роптания переросло в уличные акции.

2007 ГОД – ПРОТЕСТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ОППОЗИЦИИ

Типичная форма возникновения политического противостояния на постсоветском пространстве – это раскол внутри власти. Так было при Шеварднадзе, когда Жвания и Саакашвили покинули Союз граждан Грузии. Так было и при Саакашвили, когда бизнесмен Бадри Патаркацишвили, прежде поддерживавший Саакашвили, решил от него дистанцироваться. Главное в этом было то, что Патаркацишвили владел телевизионным каналом «Имеди», постепенно ставшим самым рейтинговым и, в то же время, самым оппозиционным режиму, создавая и популяризируя критикующих его политиков. В грузинской медиакратии создалось двоевластие – два полюса, «Рустави 2» и «Имеди», трактовали текущие события в совершенно разном ключе.

Гнев оппонентов был стимулирован многими предшествующими событиями, в том числе жестокой расправой над Сандро Гиргвлиани и телевизионными откровениями бывшего соратника

Саакашвили, бывшего министра обороны Иракли Окруашвили. Однако формальные требования в основном касались выборов. Оппозиция протестовала против решения парламента провести парламентские выборы осенью 2008 года, когда должны были состояться и президентские выборы. Совмещение по времени парламентских и президентских выборов давало властям не только экономию в средствах, но и значительное преимущество перед оппозицией. Требования оппозиции состояли из четырех пунктов, в том числе проведения парламентских выборов весной, проведения их по более пропорциональной системе и с политически сбалансированной администрацией, освобождения политических заключённых.

Надо сказать, что эти формальные требования мало что говорили рядовым оппонентам режима. Они так же мало верили в способность лидеров оппозиции решить их проблемы после выборов, как и в сам режим. В ноябре 2007 года, когда оппозиция призвала сторонников на митинг, энтузиазм многочисленной толпы быстро иссяк, когда люди убедились в том, что новой революции не будет и что оппозиция «не даст упасть и листику». Через несколько дней после начала протестов, к 7 ноября, на проспекте Руставели митинговало значительно меньше людей, однако к этому времени нервы сдали у власти. Жестоко разогнав митингующих с помощью газа, резиновых пуль, водометов и дубинок, власти ворвались в «Имеди» и разгромили его. После этого им ничего не оставалось, кроме как объявить чрезвычайное положение. Не откладывая на будущий год, Саакашвили объявил внеочередные президентские выборы, которые и выиграл в январе 2008 года. Оставшаяся без телевидения, оппозиция постепенно сошла на нет, проиграв последующие парламентские выборы в апреле и отказавшись входить в парламент. Массовые протесты продолжались в 2009 году и позже, однако до появления в политике Иванишвили оппозиция оставалась слабой и маловлиятельной.

Хотя протесты и не принесли ничего оппозиции, они имели существенное влияние на политический климат. Вся последующая популистская риторика Саакашвили и всего Единого национального движения в адрес оппозиции (той или любой иной) сформировалась именно тогда и впоследствии не менялась. Подразумевается апеллирование к России и Путину как истинной стороне конфликта. Все противники Саакашвили тогда и позже представлялись как агенты Кремля, марионетки Путина, противники прозападного развития Грузии и т.д. Усилению этого дискурса и подаче оппозиции как агента внешнего врага способствует то, что в 2008 году, после выборов, Саакашвили ввязывается в войну с Россией, которая для Грузии заканчивается плачевно.

ГОД 2008: АВГУСТОВСКАЯ ВОЙНА

Об Августовской войне 2008 года написано достаточно много, так что трудно добавить что-то новое. Разделение мнений по ее поводу в основном касается вопроса о том, кто начал войну. Ввиду того что непосредственное начало военных действий для всех очевидно – вечером 7 августа телевидение «Рустави 2» в прямом эфире показало обстрел Цхинвали грузинской артиллерией, – дебаты сосредоточены вокруг интерпретации терминов «начало» и «война». Можно ли называть войной действия Грузии на своей территории, каковой является Цхинвали? Можно ли говорить о начале в 2008 году, в то время как противостояние Грузии с Россией началось значительно раньше? Сторонники Саакашвили болезненно воспринимают обвинения в его адрес, отождествляя их с оправданием оккупации грузинской территории Россией. Противники часто умалчивают свои соображения, не желая опять-таки играть на руку оккупанту.

Здесь уместнее, не вдаваясь в подробности перипетий Августовской войны, остановиться на ее связи с популизмом.

Изначально, в 80-х и 90-х годах, связанные с территориальными конфликтами Грузии дискурсы, националистический и либеральный, шли раздельно и противопоставлялись друг другу. Грузины, настаивая на независимости и целостности страны, выступали с позиции национализма, в то время как либеральные движения, сильные в то время в России, защищали права абхазов и осетин на свободу от тирании грузинского большинства. Официальная Россия позиционировала себя в качестве миротворца и незаинтересованной стороны. Грузия, в свою очередь, настаивала, что именно Россия, а не абхазы и осетины, представляет собой препятствие на пути к сохранению целостности Грузии.

Сознавая роль России, Шеварднадзе, тем не менее, видел решение вопроса в постепенном сближении с населением отделившихся регионов, без политизации и давления. Ставка делалась именно на население и на их добровольную, а не принудительную заинтересованность в восстановлении большей интегрированности с остальной Грузией. Исходя из этой позиции, как официальные круги, так и неправительственные организации, и бизнес прокладывали формальные и неформальные пути коммуникации с местным населением.

Придя к власти, Единое национальное движение придало конфликтам новую интерпретацию. Ввиду того, что построение доверия и развитие коммуникации – длительный процесс, не поддающийся ускорению, а власти во всех областях политики действовали быстрыми кампанийными методами, не имевшими долгосрочной цели, прежняя терпеливая стратегия была отменена. Интерпретация конфликтов перешла в русло либерального популизма, культивируемого Саакашвили, в котором национализм и либерализм являлись уже союзниками, а не оппонентами.

В новой антироссийской риторике Саакашвили, закрепившейся с тех пор и до нынешнего дня, водораздел прошел между режимом Путина с одной стороны, и прозападным курсом развития Грузии – с другой. Это было приемлемое объединение для либеральных

западников и патриотичных националистов, даже если оно частично искажало прежде существовавшие интерпретации. Новая интерпретация была в то же время двусторонне выгодна: Путин, со своей стороны, тоже формировал свой популистский дискурс единого правления, в котором врагом выступал Запад. Грузия в этой интерпретации оказывалась агентом Запада, от которого надо было спасать как население России, так и абхазов, и осетин.

Смещением интерпретации конфликта из межэтнического в межгосударственный абхазы и осетины были изгнаны из политического процесса как его субъекты⁴. Восстановление территориальной целостности больше не предполагало предварительной гражданской интеграции, а только вывод этих регионов, и Грузии в целом, из-под влияния Путина. Игнорирование оппонентов как полноправных рациональных субъектов и представление их марионетками вражеских сил всегда составляли и составляют суть закрепившегося в Грузии популизма.

Последствия войны оказали драматическое влияние на режим. В отличие от Шеварднадзе, Абашидзе, Кокойты, Путин не являлся тем противником, которого легко победить. Таким образом победы закончились, а проблемы остались. В сочетании с экономическим кризисом 2008 года война окончательно подорвала бы грузинскую экономику, если бы не огромная материальная помощь Запада. Но безработица и бедность продолжали расти. Надо было что-то делать с экономикой, и тут либертарианские подходы оказались ловушкой для режима.

Война не смогла перекрыть социально-экономические проблемы, накопившиеся за годы реформ. Рост экономики предыдущих лет сопровождался не уменьшением, а увеличением безработицы и неравенства. В 2008 году только две из пяти семей имели члена семьи, получающего зарплату. Наиболее бедные

⁴ Паата Закареишвили пишет об этом в своей книге *Vision. Conflicts in Georgia 2012-2016* (Tbilisi, 2021).

слои населения были беднее, чем 20 лет назад, при советской власти. Не развивался мелкий и средний бизнес, фермерство. Вслед за государственными служащими, выставленными на улицу при сокращении штатов министерств и оптимизации приватизированных объектов, крестьянство также начало терять связь с землей, дававшей им если не доход, то хотя бы ощущение стабильности. Пытаясь интенсифицировать сельское хозяйство уже испытанными либертарианскими методами, власти начали продавать земли онлайн с аукционов, зачастую иностранцам или местным инвесторам, игнорируя неформальные права собственности и землепользования, сложившиеся в обществе. Краткосрочные потребности индивидов все более резко контрастировали с неолиберальной политикой властей.

СМЕНА ПОВЕСТКИ ДНЯ И СМЕНА ВЛАСТИ: 2012 ГОД

С точки зрения институционального строительства, последние 30 лет Грузии делятся не на два, а на три периода. В 90-е годы повесткой дня являлось становление системы государственного управления и демократии. Был также заложен фундамент капитализма в духе Вашингтонского консенсуса. Однако в полной мере капитализм стал главным вектором развития только при Саакашвили, когда Грузия полностью открылась для иностранных инвестиций. На фоне силового и авторитарного внедрения капитализма, к концу периода его правления на первый план вышли социальные вопросы – проблемы бедности, неравенства и несправедливости. Настало время позаботиться об институционализации социальной ответственности государства. Эта смена настроений и привела к власти Бидзину Иванишвили – человека из бедной семьи и, в то же время, миллиардера, филантропа, бывшего спонсора Саакашвили, разочаровавшегося в своих ожиданиях.

Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение и подорванный авторитет, Единое национальное движение, контролировавшее основные государственные, материальные и медийные ресурсы страны, могло продержаться у власти еще долгое время, так как оппозиция не имела доступа к национальным телеканалам, не опиралась на харизматичных лидеров и в целом была неубедительна. Заявление Иванишвили о намерении лично участвовать в политике (октябрь 2011 года) резко изменило ситуацию.

Примечательно, что сам Иванишвили не мотивировал свое решение социальными проблемами общества. Он полагал, что приходит в политику временно, чтобы вернуть Грузию на путь демократии: устранить Саакашвили, который монополизировал власть и изменил конституцию для ее сохранения, управляя страной насилием и ложью; освободить телевидение от тотального контроля и создать правдивые СМИ; усилить гражданское общество, которое сможет контролировать власть. Лозунгом созданной им «Грузинской мечты» стало восстановление справедливости. Тем самым Иванишвили продолжил дискурс неолиберальной демократизации, хотя предвыборные лозунги 2012 года и содержали много социальных обещаний, сыгравших немалую роль в его победе на парламентских выборах 2012 года.

Смена власти, тем самым, не являлась разрывом с предыдущим неолиберальным курсом развития, а представляла собой попытку вернуть Грузию на него – в правильной, неискаженной форме. Иванишвили мало интересовался сутью политических решений и основное внимание уделял пиару и публичному дискурсу. В отличие от Саакашвили, он не стремился к власти лидера, принимающего решения – ему гораздо ближе был контроль над властью и ее ограничение, осуществляемое от имени народа⁵.

⁵ Марина Мухелишвили, «Грузия-2017: политика в эпоху взаимной ненависти», в Ежегоднике Института Кавказа *КАВКАЗ-2017*, под ред. Александра Исхандаряна (Ереван: Институт Кавказа, 2018г.), 39-51.

Выполнив в первые пару лет правления несколько предвыборных обещаний (приведших в эти годы к заметному снижению бедности), Иванишвили ушел с избираемой должности и до 2021 года контролировал власть полуофициально, с поста лидера партии. Последующие назначенные им премьер-министры мало чем отличались от тех, которых назначил бы Саакашвили. Полностью сохранился и усилился курс на евроинтеграцию и сближение с Западом.

Наиболее примечательной характеристикой правления «Грузинской мечты» при Иванишвили и после него является отсутствие лидерства. Оставаясь верным своему видению демократии – острому недоверию по отношению к сильным лидерам, Иванишвили периодически перетряхивал кадры партии как в парламенте, так и в правительстве. К 2021 году, когда он объявил об окончательном уходе из политики и оставил пост лидера партии, «Грузинская мечта» состояла уже из совсем других лиц, чем в начале. К власти в основном пришло молодое поколение технократов, не имевших опыта публичной политики и не подготовленных ни к лидерству, ни к инновации. В противостоянии с китами публичной пропаганды, возглавляющими оппозицию, они не только выглядели, но и действовали слабо, постепенно скатываясь в застой и тратя всю свою энергию на оборонительный и обличительный запал против Саакашвили.

Тем временем, под «оппозицией» стали подразумеваться все те политические партии, которые объединились в очередную «невозможную коалицию», имеющую целью свержение Иванишвили. К оппозиции также можно причислить ведущие политические телеканалы, переставшие скрывать свою политическую заинтересованность и открыто называвшие своей целью смену режима. Многие общественные организации также отказались от мнимой нейтральности; поляризация публичного пространства обрела организационную основу.

Дуополия противостояния правящей партии и оппозиции полностью подчинила себе политический рынок, маргинализируя все «неприсоединившиеся силы» и противореча объявленной стратегии формирования в Грузии многопартийной парламентской республики европейского (континентального) типа. Грузинская демократия стала походить на песочные часы, которые можно перевернуть, но в которых нельзя достичь стабильности.

Сохранение стабильности, тем временем, стало тем неназванным приоритетом общества, который обеспечивает власти большинство голосов на выборах. В то время, как оппозиция раз за разом пытается разыграть карту пост-электоральной революции по кальке 2003 года, большая часть общества не желает новых потрясений и, в частности, возврата Саакашвили. Тем не менее растущая усталость от неэффективности власти и желание обновления элит работают на оппозицию. Рейтинги противостоящих сил близко подошли друг к другу, что, по-видимому, и толкнуло Саакашвили предпринять очередной рискованный поступок – вернуться в Грузию после долгих лет участия в украинской политике в роли гражданина Украины. Рискованность этого возвращения была обусловлена тем, что в Грузии в отношении него было вынесено несколько обвинительных приговоров и ему грозила тюрьма.

ВОЗВРАЩЕНИЕ: СААКАШВИЛИ ПЕРЕШЕЛ РУБИКОН

Незадолго до местных выборов 2021 года в сети появились видео с Саакашвили, прогуливающимся по улицам грузинских городов. Вначале власти заявили, что видео поддельные и он не покидал Украины, где занимал высокий государственный пост. Вскоре последовала информация, что Саакашвили арестован в Тбилиси и помещен в тюрьму, где ему предстоит отбывать сроки по заочно вынесенным приговорам.

Трудно сказать, что послужило причиной нелегального возвращения Саакашвили, тайно перешедшего границу. Был ли это расчет или просчет, целью безусловно являлась предвыборная мобилизация сторонников и очередная революция. Позиционируя себя узником Путина и приводя в пример Навального, Саакашвили безусловно рассчитывал на поддержку международного сообщества. Вскоре после попадания в тюрьму он объявил голодовку, что еще больше мобилизовало его сторонников. Митинг с призывом выпустить Саакашвили из тюрьмы собрал небывалое число участников. Поляризация общества достигла опасного уровня.

Местные выборы, традиционно выигрываемые в Грузии партией власти, приобрели характер референдума о доверии режиму и мобилизовали обе стороны противостояния – не столько сторонников и противников режима, сколько противников режима и противников Саакашвили. «Грузинской мечте» с трудом удалось сохранить ключевые посты и набрать заветные 46% по стране.

Если Саакашвили рассчитывал, что его пребывание в тюрьме и голодовка поднимут волну протестов и приведут к новой Революции роз, то его расчет не оправдался. Государство на этот раз проявило устойчивость и волю к сопротивлению. За прошедшие двадцать лет значительно укрепились властные институты и увеличилось число не заинтересованных в дестабилизации граждан. Уличные протесты Единого национального движения становились все более малочисленными по мере того, как голодовка их лидера, все более приближающаяся к критической черте, не приводила к уступкам со стороны властей. В конце концов, Саакашвили пришлось прекратить голодовку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние 20 лет формальные политические институты Грузии претерпели значительные изменения. Несколько раз менялась конфигурация власти, делались, пусть и безуспешные, попытки укрепить судебную власть и местное самоуправление. Однако основной проблемой остается несоответствие между формальной легитимностью государства и неформальными правилами игры в политике, направленными против системы. Основной логикой борьбы за власть остается вертикальная, революционная, популистская и негативная мобилизация, обличительная риторика и полное отсутствие поля для консенсуса. Политическое действие, как таковое, покинуло пределы властных институтов, которые, в свою очередь, полностью сосредоточились на сохранении стабильности и правопорядка. Узкое горло песочных часов, отделяющее одно от другого, не имеет тенденции расширяться. Демократия, которая в идеале должна находиться в постоянном поиске баланса между своими исконными противоречиями, находится в состоянии весьма неустойчивого равновесия, сохраняемого в том числе под влиянием внешних факторов, как дружественных, так и враждебных. Хрупкое равновесие может быть разрушено при изменении баланса сил, что делает весьма затруднительным прогноз относительно дальнейшего развития.

ГЕОПОЛИТИЗАЦИЯ НЕПРИЗНАННЫХ: СМЕНА ПАРАДИГМ В ТРАЕКТОРИЯХ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ

Александр Искандарян

Этнополитические конфликты на территории бывшего СССР возникли практически сразу же, как только в конце 80-х годов XX века на постсоветском пространстве стала ослабевать центральная власть. Первым по времени оказался карабахский или армяно-азербайджанский конфликт, за ним последовали южноосетинский, абхазский, приднестровский и чеченский. Были конфликты, которые удалось, хотя и после кровавых столкновений, купировать, например, конфликты в Тыве, Пригородном районе Северной Осетии и в Кадарской зоне Дагестана. Были конфликты, не перешедшие в горячую фазу, например, в западной части Северного Кавказа. Но между всеми этими конфликтами было нечто общее. Все они были территориальными, то есть суть их была в том, что представители этнических групп выступали с требованиями изменения статуса тех или иных территорий. Эти требования приводили к политизации этничности и этнизации политики, что в условиях ослабевающего Центра часто приводило к кровавым развязкам.

Причины схожих процессов в разных частях распадающейся империи логично искать в структуре этой империи. Границы советских административных единиц проводились и менялись волюнтаристски, без внимания к желаниям и настроениям населения. Сугубая формальность границ и многократные изменения статусов административных единиц – все это могло нивелироваться в рамках единого, да еще и тоталитарного государства.

Однако в момент его распада в каждой из республик, на которые СССР распался, актуализировались проблемы нациестроительства, и к тому же возникла необходимость проведения между этими республиками уже не формальных, а реальных границ. Свою роль тут сыграло то, что административное деление СССР, во-первых, было матрешечным, то есть состояло из единиц разного уровня, включенных друг в друга в разных, зачастую причудливых конфигурациях, а во-вторых, было этнизировано, то есть единицы эти в основном были созданы по этническому признаку и имели т.н. «титulyные нации». В результате еще и в самом СССР эти административные единицы воспринимались как этнические домены, и еще при советской власти там возникла концепция «хозяев и гостей», то есть представителей титульного этноса административной единицы в отличие от всех остальных этносов, проживающих на ее территории.

Таким образом, кровавые конфликты конца XX века, кое-где переросшие в войны, можно воспринимать не как случайные события, оторванные от общей логики, но как часть глобального процесса создания политических идентичностей и этнического размежевания в момент распада империи.

ПУТЬ К СЕЦЕССИЯМ

Образование первого поколения де-факто государств проходило в условиях распада СССР на фоне слабой легитимности вновь образованных постсоветских республик и не вполне сформированных правил постбеловежского пространства.¹ Распад многонациональной страны проходил по институционализированным этническим границам. Характерно, что почти все

¹ Сергей Маркедонов, «Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет», *Мировая экономика и международные отношения*, том 65, № 12 (2021г.): 79. <https://bit.ly/3hbD3eY>

конфликты происходили не просто в местах компактного расселения тех или иных этнических групп, а именно в формально автономных советских административных образованиях. Скажем, в Грузии есть регионы Джавахети и Квемо Картли, компактно населенные, соответственно, армянами и азербайджанцами, которых там как в относительном, так и в абсолютном измерении больше, чем абхазов в Абхазии и осетин в Южной Осетии. Тем не менее, этнополитические конфликты в Джавахети и Квемо Картли не возникли. Таких примеров множество. Можно предположить, что существование этнизированных автономий еще в советское время способствовало консолидации этнических групп, получивших статус «титulyных наций», формированию в них этнических элит и соответствующих ментальных карт. Можно сказать, что почва для самоопределений готовилась еще во времена СССР.

Единственным исключением в этом отношении на пространстве бывшего СССР является приднестровский конфликт. В Приднестровье в советское время не было автономии, это была обычная часть Молдовы, просто лежащая на левом берегу реки Днестр, в то время как остальная территория Молдовы, бывшая Бессарабия, лежит на правом берегу. Кроме того, приднестровский конфликт отличался меньшей степенью этнизации: по обе стороны Днестра жили и живут и молдаване, и русские. Предположительно вследствие меньшей этнизации, приднестровскому конфликту свойственна и меньшая изоляция двух общин друг от друга (из Кишинева и поныне можно беспрепятственно проехать в Тирасполь), и меньшая ожесточенность боевых действий в период обострения конфликта в девяностые годы. Фактически, приднестровский конфликт изначально был социокультурным, а не этническим, и у этих социокультурных различий есть исторические причины: Приднестровье находилось в СССР с момента его создания в 1921 году и было тогда автономией в составе Украинской ССР.

Остальная же территория Молдовы, входившая в состав Румынии, оказалась в СССР только в 1940 году после пакта Молотова-Риббентропа. Соответственно, пробыв в СССР на двадцать лет дольше, Приднестровье было не только более советизировано, но и, в отличие от остальной Молдовы, в значительной мере русифицировано. К тому же на территории Приднестровья действовало много предприятий советского экономического комплекса. Можно предположить, что именно социокультурные различия сыграли в Приднестровье роль симулякра этнической автономии.

Конфликты на Кавказе также различались между собой. В Южной Осетии с самого начала была сильна ирредентистская составляющая в виде стремления осетин юга объединиться с осетинами севера и войти в состав России. К этому изначально располагало существование двух граничащих друг с другом Осетий, населенных одним и тем же этносом – одной в составе России, другой, гораздо меньшей, в составе Грузии. Соответственно, югоосетинский проект начинался в советской парадигме, так что даже самоопределение Южной Осетии, состоявшееся 20 сентября 1990 года, произошло в форме провозглашения «суверенитета в составе СССР». Движение Южной Осетии к независимости началось уже после распада СССР и войны начала 1990-х в свете очевидной невозможности войти в состав России. Такого рода тенденции сохраняются в Южной Осетии и поныне. Время от времени там на разных уровнях озвучиваются желания присоединиться к Российской Федерации, причем, по-прежнему не находящие в России отклика.

Схожей была и ситуация в Карабахе. Движение карабахских армян с самого начала тоже было ирредентистским и по той же причине: рядом находилась Армянская ССР, которая тоже была на порядок больше Карабаха и по территории, и по населению. Как и в Южной Осетии, движение, начавшееся в Карабахе под лозунгом воссоединения (по-армянски это звучало как «миацум»), было актуальным лишь до роспуска СССР, поскольку представляло

собой попытку присоединить Карабах к Армении в рамках СССР. Когда стало ясно, что эта попытка провалилась, а СССР обречен, в Карабахе за несколько недель до формального распада СССР был проведен референдум и провозглашена независимость, а не воссоединение с Арменией.

Вместе с де-факто независимостью Нагорный Карабах получил войну с Азербайджаном, закончившуюся к 1994 году, и в итоге стал классическим непризнанным государством. Воссоединение с Арменией уже не рассматривалось как актуальная политическая перспектива. Шел переговорный процесс в рамках Минской группы ОБСЕ, немедленное присоединение Карабаха к Армении в глазах международного сообщества выглядело бы как аннексия, поэтому Нагорно-Карабахскую Республику до сих пор официально не признала даже Армения.

А вот в Абхазии имела место полноценная сецессия, так как она с самого начала боролась именно за отделение от Грузии. Когда эта борьба приняла форму войны, рядом с абхазами сражались также и представители родственных абхамам народов Северного Кавказа, однако не было и речи ни о каком присоединении к республикам, населеным этими народами. Проблемой абхазов было то, что, в отличие от Южной Осетии или Карабаха, они не составляли большинства населения в республике, где считались титульной нацией. Грузин в советской Абхазии было почти в три раза больше, чем абхазов. Однако большинство этих грузин было вынуждено покинуть Абхазию в результате войны и этнических чисток, как это было и в других зонах конфликтов на Кавказе.

Таким образом, к началу XXI века четыре де-факто государства на постсоветском пространстве создали инерцию своего существования, построили политические системы той или иной степени внутренней легитимности и нашли способы экономического выживания, обычно при поддержке третьих государств (в случае Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии – России, в случае

Нагорного Карабаха – Армении). Создалась реальность, вполне типичная для распада больших многонациональных империй, с многочисленными проблемами определения границ от Силезии и Эльзаса до Тимора и Эритреи. Ни одно из соглашений о мирном урегулировании конфликтов начала девяностых (дагомьские по Южной Осетии, московские по Приднестровью и Абхазии, а также бишкекские договоренности о бессрочном прекращении огня в Карабахе) не упоминало об этих энтитетах как об отдельных государствах.

Геополитически существование этих государств не играло особой роли, хотя и создавало проблемы для крупных акторов, но все же не в таком масштабе, чтобы потребовать серьезного вмешательства. Государства эти оставались непризнанными, а к границам, образовавшимся после распада СССР, было принято относиться как к чему-то сакральному как минимум на уровне права. Это касалось и самой России, в которой были периоды политического спонсорства некоторых непризнанных государств, однако, не отражавшиеся на их статусе. «Поощрять сепаратистские тенденции, я считаю, аморально», – говорил министр иностранных дел России Сергей Лавров в марте 2008 года в интервью «Российской газете», уточняя, что «косовский прецедент» уже воодушевил сепаратистов в других регионах мира, и что «мы видим только начало крайне взрывоопасного процесса»². Буквально через пять дней после провозглашения независимости Косова Владимир Путин назвал этот акт «страшным прецедентом», который «по сути дела, взламывает всю систему международных отношений, сложившуюся даже не за десятилетия, а за столетия.

² Владислав Воробьев, «Сергей Лавров рассказал, чего ждет от встречи с Кондолизой Райс и Робертом Гейтсом», *Российская газета*, 18 марта 2008г. <https://rg.ru/2008/03/18/lavrov.html>

И он, без всяких сомнений, может повлечь за собой целую цепочку непредсказуемых последствий»³.

РЕВИЗИОНИЗМ И ГЕОПОЛИТИЗАЦИЯ

Проблемы начались уже несколько месяцев спустя и не имели никакого отношения к Косову. Причиной стал кризис в отношениях между Россией и Грузией, ухудшавшихся с момента прихода к власти президента Саакашвили. Однозначно прозападная позиция Грузии уже давно вызывала в Москве раздражение, а наметившаяся ориентация Грузии на вступление в НАТО и ЕС была воспринята Россией как угроза. Отношения несколько раз были на грани разрыва. Итогом стала Российско-грузинская война 2008 года, известная также как Пятидневная или Августовская война. Подробно разбирать причины и ход этой войны здесь нет нужды, на эту тему уже существует немало литературы (доклад Тальявини, например⁴), в данном же контексте важна не сама война, а последовавшее за ней юридическое признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Этот акт фактически сменил парадигму поведения России на постсоветском пространстве с традиционалистской на ревизионистскую. Россия считала возможным, исходя из политических соображений, посягнуть на нерушимость постсоветских границ.

Тут чрезвычайно важно то, что, стремясь наказать Грузию, Россия по итогам Пятидневной войны признала не только Южную Осетию, в которой эта война начиналась, но также и Абхазию.

³ Юри Вендик, «10 лет Косово. "Беспрецедентный прецедент" в зеркале политики России», *Русская служба Би-би-си*, 16 февраля 2018г. <https://www.bbc.com/russian/features-43061604>

⁴ *Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, Report, Volume I-III* (2009). https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/independent_international_fact.cfm

Таким образом, признание независимости двух непризнанных республик стало функцией отношения России к Грузии, а не к самим этим республикам, и российско-грузинские противоречия оказались важнее принципа нерушимости границ государств бывшего СССР. Косвенным подтверждением именно такой мотивации стало то, что Нагорный Карабах и Приднестровье Россия не признала, дифференцируя, таким образом, совершенно идентичные с юридической точки зрения энтитеты.

В результате российского признания и его последствий – открытия на территории Южной Осетии и Абхазии российских военных баз, полного и окончательного закрытия их границ с Грузией, а также лишения Грузии каких-либо инструментов для воздействия на эту ситуацию – Абхазия и особенно Южная Осетия фактически мигрируют с Южного Кавказа на Северный, естественно, не в географическом смысле, но в политическом. Их полная односторонняя зависимость от России в финансовом, инвестиционном, безопасностном и прочих отношениях приводит и к внутренним политическим изменениям, и к отсутствию даже теоретического люфта взаимоотношений с третьими странами, и к ухудшению условий деятельности гражданского общества, и т.д.

Следующим шагом к ревизии постсоветских границ стала российская аннексия Крыма в 2014 году. В результате резкой конфронтации после Евромайдана, отношения России с Украиной ухудшились до такой степени, что Россия решила и смогла провести операцию по аннексии Крыма. Был проведен референдум, игнорирующий конституцию Украины, и, таким образом, присоединение было юридически легитимизовано с точки зрения России. Нас в этой коллизии вновь интересует смена позиции России от традиционалистской к ревизионистской, вновь произошедшая ввиду политических причин, не имевших отношения собственно к Крыму и к чаяниям его населения. До конфликта с Украиной

Россия территориальных претензий к Украине не предъявляла. Давая интервью в 2008 году, Путин прямо сказал, что даже вопрос о возможных претензиях России на Крым является провокационным: «Крым не является никакой спорной территорией... Россия давно признала границы сегодняшней Украины... Вопрос о каких-то подобных целях для России, считаю, отдает провокационным смыслом».⁵

Тогда же начался конфликт на востоке Украины, в основном в Донбассе, результатом которого явилось создание двух новых непризнанных энтитетов – Донецкой и Луганской народных республик. Конечно, конфликт имел и свои внутренние причины, однако российское государство с самого начала оказывало новым энтитетам существенную материальную и военную помощь, по меньшей мере попустительствуя вербовке и отправке со своей территории в зону конфликта групп наемников и добровольцев. Вряд ли самопровозглашенные республики смогли бы сколь-нибудь долго продержаться в противостоянии стране масштаба Украины.

ДНР и ЛНР – это уже непризнанные государства второго поколения, кардинальным образом отличающиеся от образовавшихся в начале девяностых годов. Этнизации здесь меньше, чем на Кавказе и даже чем в Приднестровье: население по обе стороны образовавшихся границ в этнокультурном смысле вообще не различается. Стремление к созданию независимых государств в Донецкой и Луганской областях никогда не существовало даже на уровне идей и дискурсов. На новом витке логика стала обратной. Это не сецессия и попытки строительства жизнеспособных государств, становящихся затем проблемой для окружающих признанных государств, но наоборот – создание непризнанных энтитетов как одна из форм противостояния крупных региональных или даже глобальных игроков.

⁵ «Путин: Россия признает границы Украины», *РИА Новости*, 30 августа 2008г. <https://ria.ru/20080830/150807671.html>

Последним по времени событием в этом ряду стала Вторая карабахская война 2020 года, в которой впервые в истории постсоветских конфликтов не-постсоветский игрок напрямую поддержал одну из сторон постсоветского конфликта, войдя, таким образом, на территорию, прежде считавшуюся сугубо территорией национальных интересов Российской Федерации. Прежде ничего подобного на пространстве бывшего СССР не случалось: ни в одном из конфликтов не было прямого вмешательства внешней силы. Размеры и даже типы и виды турецкой помощи Азербайджану во время Второй карабахской все еще являются предметом споров и исследований, но несомненно то, что без участия Турции исход войны мог бы оказаться иным.

Таким образом, можно заключить, что конфликты на постсоветском пространстве геополитизируются, превращаясь при этом в свою противоположность: из проблемы для внешних акторов эти конфликты трансформировались в инструмент влияния и соперничества между крупными игроками.

ПЕРЕКРЕСТОК НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР: ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И ЗАПАД В XXI ВЕКЕ

Лоренс Броэрс

ВВЕДЕНИЕ

По мнению многих, с 44-дневной карабахской войной 2020 года на Южном Кавказе завершилась целая эпоха. Похоже, эта война поставила точку в растянувшемся на десятилетия проекте по включению региона в евроатлантическое институциональное и политическое пространство и сферу безопасности. По итогам этого проекта Южный Кавказ не стал частью Европы и не был включен в многосторонние структуры, сформированные в ходе или непосредственно после Холодной войны – НАТО, Евросоюз (ЕС) и Организацию безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ). Наоборот, свой статус региональных вершителей войны и мира вновь подтвердили региональные державы, соседствующие с Кавказом и исторически доминировавшие в нем. Южный Кавказ стал ареной развертывания многополярности, обозначив глобальный переход от нарастания однополярности в 1990-е годы к пост-западному мировому порядку¹. Исключение западных акторов из новых договорённостей о безопасности, достигнутых после завершения военных действий 9 ноября 2020 года, было воспринято сквозь призму ухода Запада из региона, в значительной степени сформулированного в категориях игры с нулевой суммой в противовес «возвращению» России на Южный Кавказ.

¹ Laurence Broers, “Requiem for the Unipolar Moment in Nagorny Karabakh,” *Current History* 120, No. 878 (2021): 255-61. <https://bit.ly/3ldoOVj>

В данной статье рассматривается взаимодействие Запада с Южным Кавказом в течение первых двух десятилетий XXI века. Хотя влияние Запада на регион, несомненно, ослабевает, его спад особенно бросается в глаза на фоне бытовавших в 1990-е годы представлений о возможностях Запада. В реальности эти возможности оказались в большой степени иллюзорными и коренились в крайне идеологизированном понимании западного влияния в момент открытия Южного Кавказа миру после распада СССР в декабре 1991 года. В реальности, западное влияние всегда было ограничено целым рядом факторов, таких, как география, противодействие со стороны стран Южного Кавказа, а также противоречия между политическими курсами евроатлантических акторов. Более того, описание меняющегося баланса сил на Южном Кавказе в логике игры с нулевой суммой не отражает сложную многовекторную географию региона. Хотя регион и входил в Российскую империю, а затем в СССР, он никогда не был у них на задворках и не был тупиковым. Сейчас на Южном Кавказе на смену однополярности пришла не игра с нулевой суммой, при которой ослабление Запада означает усиление России, а многополярный рынок потенциальных идентичностей, покровителей и судеб.

Для задания рамок обсуждения необходимо в первую очередь отметить два момента. Во-первых, сотрудничество Запада с Южным Кавказом происходило в контексте специфической исторической конъюнктуры, формировавшей восприятие Южного Кавказа и того, какой именно интерес он мог представлять для западных государств и акторов. В двадцатом веке благодаря распаду региональных империй Запад дважды получил возможность непосредственно вовлечься в дела Южного Кавказа. В первый раз западные державы, в первую очередь Германия, Великобритания и США, ненадолго вовлеклись в кавказский регион между 1918 и 1921 годами, с падением Российской империи и возникновением

на ее месте новых национальных государств. При этом их вовлечение было, с одной стороны, раздробленным, ибо они не рассматривали Южный Кавказ как единый регион, а с другой – оппортунистическим, поскольку они расценивали Кавказ в целом как зону потенциального создания протекторатов для обеспечения своих интересов за его пределами². В результате Закавказье, как его тогда называли, в политике Запада на тот момент в огромной степени воспринималось как средство, а не как цель.

Во второй раз такая возможность появилась в 1991 году с распадом СССР. И вновь Кавказ оказался средством обеспечения западных интересов вовне, в основном связанных с энергетикой и выстраиванием отношений с Россией. Однако на этот раз Запад пришел на Кавказ совсем иначе, поскольку это произошло в период и предположительно вследствие глобальной гегемонии определенной политической системы – либеральной демократии – и, соответственно, США как ее центра. А значит, в отличие от времен Первой мировой войны, в вовлечении Запада на Южном Кавказе в 1990-е годы доминировала идеологическая составляющая. В основе этой идеологии лежало представление о том, что устаревший и нелегитимный политический строй – коммунизм – полностью и окончательно рухнул, за чем неизбежно последует реинтеграция бывших коммунистических стран в либеральное демократическое пространство.

Это видение легло в основу того, что Томас Райт называл «ставкой на конвергенцию»³, имея в виду представление о предстоящей конвергенции бывших советских стран с Западом. В применении к Южному Кавказу это означало две вещи: во-первых, что переход к демократии в сочетании со свободным рынком и миротворческими

² Adrian Brisku, and Timothy Blauvelt, eds., *The Transcaucasian Democratic Federative Republic of 1918* (London and New York: Routledge, 2021).

³ Thomas Wright, *All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power* (New Haven, CT: Yale University Press, 2017), 1.

инициативами приведет к формированию в странах Южного Кавказа эффективного государственного управления, подъему экономик и урегулированию унаследованных ими конфликтов, а во-вторых, что страны Южного Кавказа волеются в евроатлантические структуры и станут полноценным регионом, устроенным по европейской модели. В 1990-е казалось очевидным, что Южному Кавказу суждено стать европейским. И хотя «очевидность» этой концепции уже давно вызывает сомнения, именно в ее свете от Запада продолжают ожидать намного большего вовлечения в события на Южном Кавказе и большей готовности влиять на ключевые решения, чем имеет место на самом деле, и, соответственно, негодуют по поводу того, что Запад не предпринимает или не собирается предпринимать на Южном Кавказе более решительные действия.

Второй принципиальный момент, который нужно подчеркнуть, состоит в том, что Запад не является единым игроком и никогда им не был. В начале XX века национальные государства взаимодействовали между собой в соответствии с узко определенными национальными интересами каждого из них. В конце XX и начале XXI века действовали различные западные акторы: от США, географически отдаленной, но политически доминирующей глобальной супердержавы в центре однополярного мирового порядка, до ЕС – соседствующего с регионом многостороннего блока, позиционирующего себя скорее как нормативный, чем геополитический актор, и до отдельных национальных государств, в том числе входящих в ЕС, вступающих в двусторонние отношения в большем или меньшем соответствии с предположительно универсальными нормами⁴.

У многих стран Запада сложились глубокие двусторонние отношения с некоторыми странами Южного Кавказа. Италия, к примеру, установила стратегическое партнерство с Азербайджаном,

⁴ Licinia Simão, “The South Caucasus and the West. From Hegemony to Contestation,” in Galina M. Yemelianova, and Laurence Broers, eds., *Routledge Handbook of the Caucasus* (London and New York: Routledge, 2020), 317-330.

включающее в себя глубокие экономические связи. Азербайджан является основным поставщиком нефти в Италию; обе страны играют ключевую роль в Южном газовом коридоре, по которому азербайджанский газ поступает на европейский рынок. Франция поддерживает близкие отношения с Арменией, движущей силой которых является большая и политически активная армянская диаспора Франции. Великобритания, в свою очередь, поддерживает тесные отношения с Азербайджаном как самый крупный инвестор в его экономику, и в то же время обеспечивает ключевую финансовую инфраструктуру, с помощью которой авторитарные режимы Евразии, в том числе Азербайджан, перекачивают свои богатства в офшорные зоны⁵. Грузия же после произошедших там в 2003 году демократических перемен состояла в «особых отношениях» с Соединенными Штатами при Джордже Буше-младшем как «маяк свободы» и олицетворение «борьбы за свободу», и в мае 2005 года президент Буш побывал там с визитом.

Все это подчеркивает тот факт, что, хотя в свете расхожих геополитических представлений обсуждение процессов и событий в Евразии, как правило, сводится к бинарной оппозиции России и Запада, на самом деле Запад никогда не проводил единой политики. Когда на кону двусторонние интересы, страны Запада редко проявляют единство и приверженность принципам. В реальности, наряду с показной идеологией «вестернизации», между странами существуют смазывающие ее гораздо более практичные двусторонние связи, ограничивающие способность стран Запада выработать общие интересы и намерения в отношении Южного Кавказа. Это становится все очевиднее по мере раздробления коллективного Запада, в смысле как внутренней поляризации многих западных стран, так и последствий выхода одних стран из ЕС

⁵ John Heathershaw, et al., “The UK’s Kleptocracy Problem. How Servicing Post-Soviet Elites Weakens the Rule Of Law,” Russia and Eurasia Programme, Chatham House, December 2021. <https://bit.ly/3yFlcU7>

(Великобритания) и бунтарского поведения других (Венгрия и Польша).

Важно учитывать эти факторы при анализе взаимодействия Запада с Южным Кавказом в первые два десятилетия XXI века. История этих двух десятилетий – это история краха «однополярного момента» 1990-х, по итогам которого процессы, ожидавшиеся в свете «ставки на конвергенцию», так и не начались.

ДВУХТЫСЯЧНЫЕ ГОДЫ: ИЛЛЮЗОРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

На рубеже тысячелетия страны Южного Кавказа приближались к десятилетию независимого развития. Впрочем, почти половину 1990-х годов поглотили разрушительные войны в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии. Регион распался на шесть частей, в основном не признающих друг друга, и все это на фоне стремительного экономического коллапса; как минимум одна из стран региона – Грузия – в тот момент считалась «несостоявшимся государством»⁶. Западные интересы в регионе преимущественно сводились к тому, чтобы сдерживать конфликты, дабы позволить сформироваться стабильному юго-восточному флангу НАТО. Занимались этим в основном многосторонние, а не геополитические структуры: посредником в армяно-азербайджанском и юго-осетинском конфликтах была Конференция, позднее переименованная в Организацию, по безопасности и сотрудничеству в Европе (КБСЕ/ОБСЕ), а в абхазском конфликте – ООН. Кроме того, Запад выстраивал новые непростые отношения с Российской Федерацией, в том числе встраивая их в рамки ОБСЕ, а также содействовал превращению каспийских запасов

⁶ Ghia Nodia, “Putting the State Back Together in Post-Soviet Georgia,” in Mark R. Beissinger, and Crawford Young, eds., *Beyond State Crisis? Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective* (Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002), 413-43.

нефти в независимый от России и Ирана источник энергетической безопасности Европы⁷.

К концу 1990-х наметилась новая динамика, предвещавшая перемены. Шли активные мирные процессы, экономики восстанавливались после тотального коллапса, расширялось гражданское общество. Работа в неправительственных организациях (НПО) была престижной и сравнительно хорошо оплачиваемой. В международных дебатах о Южном Кавказе, как и об остальном постсоциалистическом пространстве, преобладала концепция «транзита», понимаемого как неизбежная конвергенция с либеральной демократией вследствие распада Советского Союза. Дискурсы о «борьбе за свободу» и транзите в 2000-е годы легли в основу мировой и региональной экосистемы, пронизанной транснациональными сетями, продвигающими либеральную демократию и права человека. Некоторые из них внесли вклад в цветные революции на постсоветском пространстве, начиная с грузинской революции 2003 года. И хотя в отличие от стран Балтии и Варшавского договора, у стран Южного Кавказа в 1990-е годы не было перспектив вступления в НАТО и ЕС, однако Европейский союз подписал с ними Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, тем самым открыв путь к присутствию Евросоюза в этих странах и его вовлечению в наращивание их потенциала, демократизацию, а также программы в сфере прав человека и институционального строительства⁸.

Тем не менее, в новом тысячелетии «однополярный момент» пошел на спад почти сразу после теракта 11 сентября и развертывания «глобальной войны с терроризмом», во многом ослабившей предполагаемую гегемонию Запада. Во-первых, США и их союзникам пришлось укреплять многочисленные

⁷ Richard D. Kauzlarich, *Time for Change? U.S. Policy in the Transcaucasus* (New York: The Century Foundation, 2001).

⁸ Lúcia Simão, *The EU's Neighbourhood Policy Towards the South Caucasus. Expanding the European Security Community* (Cham: Palgrave Macmillan, 2018).

международные партнерства и альянсы, ключевые в войне с терроризмом, поступаясь при этом вопросами прав человека и демократии. Во-вторых, США и их союзники начали применять нелиберальные практики, такие, как «чрезвычайная выдача» (внесудебная экстрадиция подозреваемых в терроризме и их передача третьим странам), и в результате им стало сложнее требовать от других стран приверженности либеральным ценностям. В-третьих, развернутые в рамках войны с терроризмом проекты национального строительства в Афганистане и Ираке, во многом определившие ту эпоху, вдвойне дискредитировали демократизацию как нечто синонимичное сначала насильственной смене режима, а затем, в долгосрочной перспективе – полному краху, в Ираке ознаменовавшемся переходом национального строительства в руки Исламского государства, а в Афганистане – поспешным уходом Соединенных Штатов, летом 2021 года оставившим страну на произвол Талибана. Глобальная война с терроризмом проявилась и на Южном Кавказе, превратив его в площадку для тактических альянсов, необходимых коалиции во главе с Соединенными Штатами, но при этом препятствующих задачам демократизации южнокавказских стран. В частности, Азербайджан приобрел новое стратегическое значение в политике США не только как источник энергии, альтернативный Ирану и России, но и как логистический узел для переброски американских войск в Центральную Азию.

Параллельно новым векторам, подрывавшим предполагаемое моральное превосходство западных ценностей и моделей развития, появлялось все больше причин сомневаться, что постсоциалистические страны действительно движутся по пути к либеральной демократии. В 2002 году Томас Карозерс опубликовал статью под

названием «Конец парадигмы транзита»⁹, в которой он рассмотрел процессы, протекавшие на территории бывшего Советского Союза и Восточной Европы, в более широких рамках «волн демократизации», происходивших в разных частях мира еще с 1970-х годов. Он утверждал, что, хотя за это время более ста стран считались осуществляющими транзит к либеральной демократии, в реальности демократия консолидировалась менее чем в двадцати из них. Вместо того, чтобы, исходя из разных отправных точек, сойтись на едином демократическом горизонте, страны транзитного периода прибыли в совершенно разные конечные пункты, опровергая многочисленные телеологические предположения в рамках «транзитологии». Признавая, что многим на Западе нелегко отказаться от транзитной парадигмы, Карозерс призывает Запад снять розовые очки и начать работать в «серых зонах» за пределами демократии, где на самом деле по итогам «транзита» оказалась большая часть стран. Убедительным подтверждением его наблюдений была структура различий даже в таком небольшом регионе, как Южный Кавказ с совокупным населением менее двадцати миллионов человек и по площади меньше Беларуси или Великобритании.

На Южном Кавказе к середине 2000-х годов все отчетливее становились три тренда. Первый тренд состоит в том, что регионы различаются между собой в смысле стремления к вестернизации и, соответственно, «совместимости» с либерально-демократическим транзитом. На Южном Кавказе представлен весь спектр: от прямого отождествления с Европой и активного стремления к интеграции в евроатлантические структуры и до гораздо более утилитарного подхода к партнерству с европейскими странами, и то лишь в некоторых сферах. В регионе сосуществуют крайне несхожие политические траектории. Самым усердным приверженцем

⁹ Thomas Carothers, "The End of the Transition Paradigm," *Journal of Democracy* 13, No 1 (2002): 5-21. <https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-end-of-the-transition-paradigm/>

вестернизации и на деле, и на словах стала Грузия. Именно там произошла первая цветная революция на территории бывшего СССР, Революция роз, приведшая к власти молодого выпускника американского университета Михаила Саакашвили, бывшего министра юстиции Грузии. При Саакашвили прежнее отождествление с Европой (как известно, 27 января 1999 года грузинский премьер-министр Зураб Жвания заявил в Совете Европы, что он «грузин, а значит – европеец») переросло в особые отношения также и с Соединенными Штатами. Грузия заявила о намерениях вступить в НАТО и ЕС. На здании грузинского парламента вместе с новым флагом Грузии с пятью крестами, принятым после Революции роз, много лет висел флаг Евросоюза – своего рода визуальное заявление о намерениях.

Хотя в 1990-е годы Азербайджан также провозглашал прозападный курс своей внешней политики, его прозападная ориентация по ряду причин со временем сузилась до отдельных сфер¹⁰. Западные партнеры и инвестиции были принципиально важны для развития нефтяной промышленности Азербайджана. Кроме того, с запуском нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан в 2005 году страна начала получать доходы от добычи нефти, и на этом фоне зависимость Азербайджана от западной помощи, обусловленной соблюдением демократических норм и прав человека, заметно снизилась. В 2003 году Азербайджан осуществил долгие годы остававшуюся уникальной на пространстве бывшего СССР наследственную передачу власти, ознаменовавшую его окончательный уход с пути демократического транзита. Кроме того, с точки зрения Азербайджана, Запад проявлял лицемерие, не выступая за территориальную целостность Азербайджана на том же уровне, что и в случае Грузии, а затем Украины, и это стало дополнительным серьезным препятствием на

¹⁰ Murad Ismayilov, “Power, Knowledge, And Pipelines: Understanding the Politics of Azerbaijan’s Foreign Policy,” *Caucasus Survey* 2, No 1-2 (2014): 79-129.

пути выстраивания отношений, основанных на соблюдении демократических норм.

Армения представляет собой сложный случай. Находясь в асимметричном стратегическом противоборстве с Азербайджаном, Армения установила глубокие связи с Россией в сфере безопасности, исключая интеграцию с Западом по грузинскому образцу. Армения была одной из стран-основательниц Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а при президенте Роберте Кочаряне она к тому же строила все более стратегические экономические отношения с Россией. Тем не менее, в Армении произошел быстрый демократический прорыв в самом начале независимости, в период правления Армянского общенационального движения (АОД), и сохраняются глубокие социальные связи с рядом западных стран, где проживают многочисленные общины армянской диаспоры, в частности, с Францией и США. Армения попыталась осуществить триангуляцию своих разнонаправленных внешних связей с помощью доктрины «комплиментарности», по сути, подразумевающей попытку избежать, насколько это возможно, выбора одновекторной политической ориентации.

Таким образом, в плане потенциала интеграции с Западом, региональная конфигурация Южного Кавказа заметно отличает его от Балтии и бывшей Югославии, где страны, нацеленные на вступление в ЕС, образовывали кластеры. Это осложняло перспективы интеграции, основанные на ожидании вступления в ЕС группами.

Второй тренд состоял в том, что даже там, где стремление к вестернизации было сильным, возможности его реализации были ограничены, а представления об этих возможностях – зачастую завышены. Европейская политика соседства (ЕПС) проводилась на фоне расширения Евросоюза, в ходе которого в 2005-2007 годах в него было принято не менее 12 новых стран. На первом этапе, в 2003 году в сферу ЕПС были включены страны Северной Африки, Украина, Беларусь и Молдова, а Южный Кавказ был упомянут

только в сноске¹¹. И хотя в 2004 году это упущение было исправлено и ЕПС распространилась также и на Южный Кавказ, было ясно, что даже при наличии устремлений к европеизации, регион стоит в очереди последним, а инерция расширения ЕС между тем сходит на нет. К тому же у ЕПС как интеграционного проекта были и другие ограничения: она подразумевала некоторое сближение, но исключала членство в ЕС, так что стимулы выполнять ее условия были не всегда убедительными. Более того, евроинтеграция в рамках ЕПС происходила на фоне еще более размытого и спорного проекта интеграции в западные структуры безопасности. Весной 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте Грузия и Украина не получили «планов действий по членству», но лишь расплывчатые обещания дальнейшего вступления. В результате вестернизация оказалась поверхностной, ограничившись вхождением стран в ОБСЕ, Совет Европы, Партнерство ради мира и ЕПС. Это означало, что евроатлантические державы не собирались выступать как гаранты безопасности стран Южного Кавказа, вовлеченных в этно-территориальные конфликты, даже в случае стран с максимальным стремлением к интеграции с Западом, то есть Грузии.

Отсюда следует и третий тренд, в течение десятилетия становившийся все более отчетливым: Россия реагировала на геополитический разворот стран Южного Кавказа в сторону Запада усилением своего присутствия на их спорных территориях¹². За Революцией роз в Грузии последовал рост напряженности в Южной Осетии и Абхазии, и одновременно углубление интеграции этих территорий

¹¹ Simão, *The EU's Neighbourhood Policy*, 62.

¹² Andre W. M. Gerrits, and Max Bader, "Russian Patronage Over Abkhazia and South Ossetia: Implications for Conflict Resolution," *East European Politics* 32, No 3 (2016): 297-313;

Emil Aslan Souleimanov, Eduard Abrahamyan, and Huseyn Aliyev, "Unrecognized States as A Means of Coercive Diplomacy? Assessing the Role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's Foreign Policy in the South Caucasus," *Southeast European and Black Sea Studies* 18, No 1 (2018): 73-86.

в российское политическое, техническое и военное пространство – от массовой выдачи российских паспортов местному населению до роста количества россиян на государственных должностях и увеличения военного присутствия России. Расплывчатые обещания НАТО принять в свои ряды Украину и Грузию в конечном итоге привели к худшему из всех возможных сценариев для Грузии: перспектив членства Грузии в НАТО было достаточно для того, чтобы Россия обвинила НАТО в посягательствах, а при этом гарантии безопасности со стороны НАТО были совершенно недостаточными для сдерживания военных действий России, направленных на предотвращение вступления Грузии в НАТО. Война 2008 года между Грузией и Россией в Южной Осетии и вокруг нее продемонстрировала как поверхностность интеграции с Западом, так и крайнюю ограниченность западной помощи, особенно в сфере безопасности. К тому же все это происходило на фоне глобального финансового кризиса, поставившего под вопрос предполагаемое превосходство западных экономических моделей.

Западные интеграционные проекты не оставили эти тренды без внимания, и на смену весьма ограниченной ЕПС в 2009 году пришел проект «Восточного партнёрства»¹³. Восточное партнёрство, включавшее в себя возможность заключения Ассоциативных соглашений и создания Глубоких и всеобъемлющих зон свободной торговли, соответствовало, в частности, стремлению Грузии устанавливать с Европой более плотные институциональные связи. Кроме того, ВП отражало различия в устремлениях среди стран-участниц, подчеркивая скорее экономическую, а не нормативную ориентированность партнерства с Азербайджаном. Таким образом, Восточное партнёрство признало различную природу заинтересованности различных стран в интеграции с Западом.

¹³ Simão, *The EU's Neighbourhood Policy*, 73-76.

Итак, в первые десять лет нового тысячелетия «ставка на конвергенцию» не выдержала столкновения с реальностью попыток интегрировать страны на дальней периферии Запада, имеющие крайне разные по своей природе внутренние устремления к вестернизации и обремененные неурегулированными и легко возобновляемыми территориальными конфликтами, да еще и при наличии конкурирующей с Западом региональной державы, имеющей серьезные рычаги противодействия. На неоднородность устремлений Евросоюз отреагировал дифференциацией взаимодействия по принципу «больше за большее». Впрочем, в результате получилась не политика в отношении региона, а дифференцированные отношения с каждой из его стран.

2010-Е ГОДЫ:

ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Во вторые десять лет нового тысячелетия стал заметен более отчетливый сдвиг от однополярного миропорядка к многополярному и наметились долгосрочные тренды в этом направлении. Возникали новые игроки и региональные группировки, – от России и Китая до БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и МИКТ (Мексика, Индонезия, Южная Корея и Турция), – не являвшиеся ни западными, ни осознанно пост-западными, либо бросавшие вызов традиционному пониманию того, что такое Запад и где он находится. В течение этого десятилетия репутация США как лидера либерального миропорядка была сильно подмочена президентством Дональда Трампа, а ЕС сталкивался с неприятностями и неуправляемостью: от кризиса Еврозоны и прихода к власти правых режимов в странах-членах ЕС – Венгрии и Польше – до Брекзита. И для США, и для ЕС украинский кризис 2014 года ознаменовал поворотный пункт к стремительно нарастающей конкуренции и конфронтации с Россией.

В своей книге «Выход из гегемонии» Александр Кули и Дэниел Нексон выделяют три основных уровня, на которых либеральному миропорядку был брошен вызов¹⁴. Эти же уровни применимы и к анализу превращения Южного Кавказа из предполагаемой периферии, стремящейся к евроатлантическому центру, в многополярный рынок, на котором местные акторы все чаще могли выбирать из целого ряда возможных покровителей.

Первый уровень вызовов доминированию великих держав – это подрыв норм либерального мирового порядка и одновременное создание инфраструктуры для альтернативных порядков¹⁵. На Южном Кавказе Россия делала и то, и другое в зависимости от контекста, из чего ясно, что Россия проводит на Южном Кавказе не единую региональную политику, а весьма тактический и гибкий курс. В Грузии, являющейся сторонником вестернизации Южного Кавказа и противником интеграции в возглавляемые Россией структуры, Россия подрывала либеральные нормы путем военного вторжения 2008 года и последующего признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Затем Россия подписала двусторонние соглашения с Абхазией (в 2014 году) и Южной Осетией (в 2015 году), ускорившие включение этих территорий в российское военное, экономическое и политическое пространство. В Армении Россия эффективно использовала уже существовавшую привязку к ОДКБ в сфере безопасности с тем, чтобы заставить Армению после трех лет переговоров с Евросоюзом отказаться от подписания с ним Ассоциативного соглашения и согласиться вступить в российский проект – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). С Азербайджаном Россия поддерживала дружественные отношения, чему способствовало и сходство режимов, и умеренное стремление Азербайджана к вестернизации. Таким образом, вызовы,

¹⁴ Alexander Cooley, and Daniel Nexon, *Exit from Hegemony. The Unravelling of the American Global Order* (Oxford: Oxford University Press, 2020).

¹⁵ Cooley and Nexon, *Exit from Hegemony*, 65-70.

брошенные Россией великим державам, блокировали на Южном Кавказе и влияние Запада, и региональную сплоченность.

На втором уровне, выделенном Кули и Нексоном, малые страны самостоятельно покидают либеральный мировой порядок¹⁶. Все чаще и чаще эти страны выбирают себе альтернативных покровителей, при этом пересматривая конституционные положения, принятые на пике влияния либеральной демократии в 1990-е годы и в начале 2000-х, и сужая жизненное пространство местных представителей международного либерального порядка: НПО, свободной прессы и правозащитников. Южный Кавказ не стал исключением, и некоторые из стран региона – по своей воле или против нее – самостоятельно покинули либеральный миропорядок.

Наиболее благоприятные условия для этого сложились в Азербайджане. Недовольный предполагаемым нежеланием Запада отстаивать его территориальную целостность (особенно в свете более последовательной позиции Запада по территориальной целостности Украины после аннексии Крыма и начала конфликта в Донбассе) и обладая существенной структурной автономией благодаря доходам от продажи нефти, Азербайджан еще в предыдущем десятилетии внес в свою политическую систему ряд изменений, гарантировавших ее устойчивость. В 2009 году путем референдума было снято ограничение числа президентских сроков, что позволило Ильхаму Алиеву в 2013 году избраться в третий раз. В 2016 году, путем еще одного референдума президентский срок был продлен с 5 до 7 лет. Во втором десятилетии века безопасность режима была укреплена широкомасштабной деинституционализацией независимого гражданского общества¹⁷. Новые правила работы НПО резко сократили их доступ к западному финансированию, а банковские счета организаций, получавших западные

¹⁶ Cooley and Nexon, *Exit from Hegemony*, 70-73.

¹⁷ Audrey Altstadt, *Frustrated Democracy in Post-Soviet Azerbaijan* (Washington, DC/ New York: Woodrow Wilson Center Press and Columbia University Press, 2017).

гранты, были заморожены. Были закрыты офисы западных организаций, а также сил, проводящих западное влияние. Многие правозащитники и сторонники внедрения западных норм были арестованы, заключены в тюрьму или высланы из страны. Ведущие западные институты, такие как Европейский парламент, выразили свое неодобрение, но тщетно, так как Азербайджан сумел договориться с Западом о том, что их отношения более не будут предполагать сближения в нормативной сфере.

Выход Армении из либерального мирового порядка был более сложным, неоднозначным и, в итоге, частичным. Императивы безопасности, связанные с карабахским конфликтом, и инстинкт самосохранения элиты, которую он привел к власти, создали узкий коридор для отношений Армении с евроатлантическими акторами. Сотрудничество Армении с Западом всегда ограничивалось ее участием в возглавляемой Россией системе безопасности. Однако в сфере государственного управления Армения стремилась максимально наращивать масштаб связей с западными структурами и в 2012 году приступила к переговорам об Ассоциативном соглашении с ЕС. Как уже упоминалось, эти усилия не увенчались успехом, поскольку Россия оказала давление на Армению, заставив ее отказаться от соглашения с ЕС и вместо этого войти в ЕАЭС. Брюссель и Ереван прагматично отнеслись к этому демаршу и уже в 2017 году подписали составленный специально для Армении «Договор о всеобъемлющем и расширенном партнерстве», максимально расширивший отношения между ЕС и Арменией в пределах, установленных армяно-российскими отношениями. Однако не все ограничения на конвергенцию Армении с либеральным международным порядком были наложены извне. При президенте Серже Саргсяне была предпринята попытка продления срока его правления посредством конституционных изменений. Переход Армении к парламентской системе с заложенным в нее доминированием одной политической партии и последовавшее за этим выдвижение Саргсяна

как кандидата в премьер-министры от правящей партии спровоцировали неожиданное массовое гражданское восстание, сместившее Саргсяна¹⁸. «Бархатная революция» продвигала либеральные ценности, борьбу с коррупцией и активное участие граждан в общественной жизни, но при этом старательно дистанцировалась от геополитических интерпретаций, упоминавших Запад как источник вдохновения или пункт назначения.

Грузия как самый убежденный сторонник прозападной ориентации формально не покидала либеральный мировой порядок. Как отмечал грузинский политолог Гиа Нодиа, «все грузинские правительства, а также и сколько-нибудь влиятельные оппозиционные организации, разделяли убеждение в том, что зарождающееся грузинское государство должно было быть и будет демократическим, и заявляли о приверженности демократическим нормам»¹⁹. Единое национальное движение (ЕНД), правящая партия Михеила Саакашвили, признала свое поражение на выборах 2012 года, уступив место коалиции в главе с Грузинской мечтой (ГМ). Это был первый случай подлинно конституционной передачи власти на постсоветском Южном Кавказе. И хотя сформированное ГМ правительство не отличалось от прежнего в смысле предпочтения системы с доминирующей политической силой и очевидно неконсолидированным демократическим режимом, приверженность Грузии западной интеграции оставалась более или менее постоянной. В 2011 году Грузию стали называть «страной, желающей вступить в НАТО», даже несмотря на неопределенные временные рамки и критерии, а в 2014 году Грузия подписала Ассоциативное соглашение с ЕС. Неизменно прозападная ориентация Грузии

¹⁸ Laurence Broers, and Anna Ohanyan, eds., *Armenia's Velvet Revolution: Authoritarian Decline and Civil Resistance in a Multipolar World* (London: I.B. Tauris, 2020).

¹⁹ Ghia Nodia, "The New Georgia. Politics, Economy and Society," in Galina M. Yemelianova, and Laurence Broers, eds., *Routledge Handbook of the Caucasus* (London and New York: Routledge, 2020), 174-188.

отдалила ее от остального Южного Кавказа, и тем самым она, с точки зрения ЕС, присоединилась к разрозненной группе государств, также подписавших ассоциативные соглашения – Украине и Молдове. Таким образом, на Южном Кавказе вестернизация стала делом одной страны и утратила региональный охват; впрочем, и в случае Грузии она явно смазывалась одновременным участием страны в оси регионального развития Азербайджан-Турция, для которой Грузия является незаменимым транзитным звеном.

Наконец, на третьем и последнем уровне находится то, что Кули и Нексон называют «контр-сетями» – мобилизация сетей, ресурсов и институтов либерального мирового порядка с целью изменить политические взгляды и представления, существующие на самом Западе²⁰. В 2010-е годы в Европе и Северной Америке наблюдалось множество признаков этого явления. Из стран Южного Кавказа на этом уровне работает в основном Азербайджан, используя разнообразные методы, в том числе «азербайджанский ландромат», пожертвования западным культурным учреждениям и университетам, подкуп влиятельных фигур в ключевых институтах управления, таких как Совет Европы, а также прочие примеры «икорной дипломатии», направленной, в том числе, на то, чтобы продемонстрировать продажность Запада и тем самым развеять идею превосходства или даже существования западных ценностей²¹.

К концу второго десятилетия века ограничения вестернизации становились все более очевидными. Напряжение в армяно-азербайджанских отношениях все больше указывало на

²⁰ Cooley and Nexon, *Exit from Hegemony*, 73-77.

²¹ European Stability Initiative, “Caviar Diplomacy. How Azerbaijan Silenced the Council of Europe,” 24 May 2012. <https://www.esiweb.org/publications/caviar-diplomacy-how-azerbaijan-silenced-council-europe/>;

Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP), “The Azerbaijani Landromat,” 4 September 2017. <https://www.occrp.org/en/azerbaijanilaundromat/>

неспособность возглавляемой ОБСЕ посреднической миссии разрешить конфликт или даже сдержать насилие. В Азербайджане независимое гражданское общество было в большинстве своем деинституционализировано.

В Армении гражданское общество внесло решающий вклад в Бархатную революцию 2018 года, однако, поскольку Армения по-прежнему зависела от российского зонта безопасности, лидеры революции отрицали, что движение, приведшее к революции, было откровенно прозападным. Прозападная ориентация Грузии как государства сохранилась в результате новых обострений в отношениях с Россией, а вот ориентация грузинского общества на либеральную демократию становилась все более неоднозначной по мере того, как в Грузии, подобно многим другим странам мира, стала явно ослабевать приверженность демократическим принципам. Некоторые основные постулаты прозападной ориентации, касающиеся общественной жизни, такие, как внедрение европейских подходов к гендерным вопросам, правам и идентичности женщин и представителей ЛГБТ-сообщества, стали в грузинском обществе острой проблемой. Это наглядно продемонстрировало как неготовность общества принимать некоторые ценности, воспринимаемые как чуждые, так и легкость геополитизации подобных вопросов в рамках более широкого противостояния между «западными» и «восточными» ценностями. Попытки организовать в Грузии публичные марши в поддержку прав ЛГБТ не раз сталкивались либо с насилием, особенно резко проявившимся в 2013 году, либо с официальным запретом.

По всему миру западное влияние постоянно снижалось, и в результате внимание и ресурсы постепенно перенаправлялись в Китай и тихоокеанский регион, в обход России и Евразии. Эти перемены сказались и на эволюции политики Восточного партнерства, уделявшей все меньше внимания широкомасштабным трансформациям и интеграции, и все больше – целевой поддержке и снижению

конкретных рисков и угроз. В ноябре 2015 года в критическом анализе Европейской политики соседства подчеркивалась «явная необходимость перехода к более индивидуальным и более дифференцированным партнерским отношениям между ЕС и каждой из стран соседства, отражающим различия устремлений, возможностей и интересов»²². Аналитики отмечали, что на одних лишь «великих идеях» невозможно построить разумную региональную политику, и призывали перейти к ограниченным, реалистичным и прагматичным шагам²³. Политика ЕС на Южном Кавказе стала все больше проводиться в двустороннем формате с учетом особенностей каждой из стран. Для США значение Южного Кавказа снижалось по мере сворачивания начатой ими «глобальной войны с терроризмом», а при президенте Дональде Трампе появились новые неясности и сомнения по поводу американских интересов и устремлений в Евразии.

44-дневная или Вторая карабахская война, начавшаяся 27 сентября 2020 года, стала эпилогом предыдущего десятилетия и кристаллизацией множества уже существовавших трендов. Война и ее последствия громко заявили об окончательном завершении на Южном Кавказе однополярной эпохи евроатлантической гегемонии и вхождении региона в многополярный порядок, в котором Запад – лишь один из многочисленных акторов, борющихся за влияние. Азербайджан, небольшое государство, недовольное системой разрешения конфликтов, действовавшей в рамках либерального миропорядка, нашло для себя другого покровителя в области военной безопасности, в данном случае Турцию, и с ее помощью изменило

²² High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security policy, Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 18 November 2015. <https://bit.ly/3PgVGdw>

²³ Fiona Hill, Kemal Kirisci, and Andrew Moffatt, *Retracing the Caucasian Circle. Considerations and Constraints for U.S., EU, and Turkish Engagement in the South Caucasus* (Washington, D.C.: Center on the United States and Europe at Brookings, 2015).

ситуацию в свою пользу. Турция как региональная держава, приверженная пост-западному мировому порядку, тоже извлекла выгоду из этой ситуации: она помогла своему клиенту выиграть войну, тем самым наглядно продемонстрировав превосходство турецкой военной технологии и обученных Турцией войск, и заняв место – пусть даже, в конечном итоге, скорее символическое – в системе мониторинга режима прекращения огня. Несмотря на идущее между ними соперничество, Россия и Турция сумели договориться и согласовать свои интересы, как это было сделано ранее в Сирии и Ливии. Тем временем ОБСЕ как многосторонняя организация, облеченная миссией посредничества в армяно-азербайджанском конфликте, была вытеснена из процесса и не сыграла роли ни в прекращении военных действий 9 ноября, ни в переговорах, начавшихся год спустя. В ходе войны и после нее на Южном Кавказе высмеивали бездействие, нерешительность и лицемерие евроатлантических акторов. Запад бездействовал: не оказывал достаточного давления, чтобы добиться урегулирования конфликта до 2020 года, не осудил войну 2020 года и ничего не сделал для ее прекращения. Все решилось за счет активных действий России и Турции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРЕКРЕСТОК НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

В конце второго десятилетия XXI века можно сделать несколько предварительных выводов касательно вовлечения Запада в дела Южного Кавказа как на словах, так и на деле.

Во-первых, по словам Пола Стронски, мы, вероятно, стали свидетелями исторической аномалии в отношениях Запада и стран Южного Кавказа²⁴. По окончании Холодной войны и

²⁴ Paul Stronski, “The Shifting Geography of the South Caucasus,” Carnegie Endowment for International Peace, 23 June 2021. <https://carnegieendowment.org/2021/06/23/shifting-geography-of-south-caucasus-pub-84814>

десять лет спустя, с началом глобальной войны с терроризмом, Южный Кавказ выбрался из безвестности советского времени и приобрел исторически беспрецедентную, совершенно конъюнктурную значимость для Запада и в особенности для Соединенных Штатов. Значимость региона во многом определялась более серьезными смежными интересами, будь то отношения Запада с Россией, энергетическая безопасность Европы или доступ к Центральной Азии. Сам по себе Южный Кавказ был важен как площадка для воплощения разнообразных идей трансформации постсоциалистической Евразии, которыми Запад увлекался в 1990-е годы. Сейчас, тридцать лет спустя, уже понятно, что трансформации в итоге подвергся не Южный Кавказ, а сам Запад, превратившийся из наставника в расчетливого партнера. Отношения с Евросоюзом – главным или вторым по значимости торговым партнером всех трех стран региона – строятся преимущественно на практической основе, а идея, что Южный Кавказ трансформируется посредством как внутренней, так и внешней конвергенции с Западом на основе ценностей либеральной демократии, в целом отпала. Несмотря на периодические попытки выработать политический курс в отношении региона в целом, отношения Евросоюза с каждой из стран Южного Кавказа устроены по-разному, отражая индивидуальный подход к каждой из стран и различия в их устремлениях к сближению с ЕС. Размежевание и специфика двусторонних связей возобладали над конвергенцией. События в Афганистане в 2021 году и общие тенденции внешней политики США свидетельствуют о том, что интерес Соединенных Штатов к Южному Кавказу будет и далее только убывать.

Во-вторых, по мере превращения Запада из наставника в расчетливого партнера, изменилась и сущность того, что подразумевается под словом «Запад» в контексте Южного Кавказа. Это особенно заметно в контексте армяно-азербайджанского конфликта,

который, в отличие от конфликтов в Грузии и на Украине, никогда не приводил к консолидации представлений о западной идентичности. Напротив, этот конфликт, и в частности, Карабахская война 2020 года, лишь подмывали восприятие «Запада» как единого или целостного актора. Это очевидно, в первую очередь, из как опосредованного, так и непосредственного участия двух периферийных членов западного сообщества – Турции и Израиля – в войне 2020 года. Не будучи странами классического Запада, оба эти государства считаются членами сообщества западных государств, сложившегося после Второй мировой войны, в котором Турция, в частности, стала играть важную роль как член НАТО. Участие этих двух стран в войне 2020 года подорвало представление о едином коллективном Западе, придерживающемся принципов неприменения силы. Разобщенность Запада выразилась и в форме внутренних разногласий в связи с войной 2020 года, например, когда Сенат и Национальное собрание Франции 4 декабря 2020 года проголосовали за признание непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, при том что Франция продолжала председательствовать в Минской группе ОБСЕ, или когда федеральное правительство Канады наложило запрет на экспорт в Турцию продукции военной промышленности в свете обнаружения доказательств того, что произведенная в Канаде технология использовалась Азербайджаном в ходе военной операции по возвращению Нагорного Карабаха²⁵. Война 2020 года продемонстрировала ограниченность существующих на Южном Кавказе представлений о едином «Западе». На передний план вновь вышли двусторонние интересы тех или иных западных государств, а не стандарты и принципы коллективного, целостного западного блока.

²⁵ Levon Savunts, "Canada Cancels Permits For High Tech Arms Exports to Turkey," *CBC News*, 12 April 2021. <https://www.cbc.ca/news/politics/arms-sales-turkey-canada-1.5984453>

В конечном итоге, хотя результаты интеграционных проектов Запада и не оправдали завышенных ожиданий 1990-х годов, их все же не следует воспринимать как проигрыш сопернику в игре с нулевой суммой. На смену однополярному миру пришел многополярный. На гегемонию на Южном Кавказе претендует множество игроков, каждый из которых сталкивается с ограничениями в том, какие именно товары и ценности он может привнести в те или иные части региона в тех или иных сферах²⁶. Ни один игрок не способен доминировать на Южном Кавказе настолько, чтобы вытеснить всех остальных. Это не удивит того, кто разбирается в истории Кавказа, знавшей лишь недолгие периоды подлинной гегемонии. Похоже, что Южный Кавказ возвращается к исторической модели конкурентной, но ограниченной гегемонии. Отсюда и название данной статьи. Образ «перекрестка», навверное, слишком часто используемый по отношению к Южному Кавказу – это в данном случае образ раздробленного региона, геополитически неопределившегося и сопротивляющегося как самостоятельной внешней политике внутренних игроков, так и устойчивой гегемонии какого-либо из внешних.

²⁶ Anna Ohanyan, *Russia Abroad. Driving Regional Fracture in Post-Communist Eurasia and Beyond* (Washington D.C.: Georgetown University Press, 2018).

НЕ БЫТЬ ИМПЕРИЕЙ: РОССИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Николай Силаев

Распад Советского Союза при всей его внезапности оказался плавным. Граждане новых независимых государств первые годы сохраняли свои советские паспорта. Границы бывших союзных республик не сразу обрели все свойства государственных. Войска распавшейся страны стояли по ее окраинам, и причудливым образом распределялись по линиям фронтов новых вооруженных конфликтов. Российские пограничники оставались на некоторых внешних границах бывшего СССР. На армяно-турецкой и армяно-иранской границе они остались до сих пор, на грузино-турецкой стояли до 1999 года. Призрак прежней границы висел в воздухе, как образованный пылью силуэт вдруг рухнувшего дома.

Кажущаяся плавность распада СССР сделала политику Москвы в отношении бывших советских республик довольно своеобразной. Во-первых, граница между внешней и внутренней политикой здесь была довольно смутной. С одной стороны, Россия вместе с Украиной и Белоруссией Советский Союз распустила. С другой стороны, плотность инфраструктурных, экономических, политических и прочих связей между бывшими республиками была так велика, что на практике это далеко не сразу заметили, и Москва все равно должна была думать о множестве вещей, которые формально к ее юрисдикции уже не относились. Во-вторых, при всех различиях траекторий республик в последние годы существования Союза, их внутривнутриполитические ландшафты были схожими. Везде, хотя и в разных соотношениях, присутствовала бывшая номенклатура, либеральная интеллигенция, читавшая примерно одни и те же книги. Это тоже препятствовало установлению новых культурных границ.

Различия в образах мыслей и в политических режимах стали проявляться позже.

В-третьих, лозунг восстановления СССР был неприемлем для российского руководства и большей части политического класса, так как отождествлялся с возвращением власти компартии и прочими чертами советского порядка, однако всю территорию распавшейся страны Москва все равно была склонна рассматривать как свою сферу влияния. Известная благодаря мемуарам Стрובה Тэлботта фраза первого посла России в США Владимира Лукина: «отношения России с Украиной идентичны таковым между Нью-Йорком и Нью-Джерси»¹ вполне отражала взгляды, которых придерживались даже российские либералы. Москва исходила из того, что контакты постсоветских стран с другими центрами силы должны проходить посредством России. И в течение нескольких первых постсоветских лет Запад в целом соглашался с таким видением. Тем более, Москва сравнительно быстро сумела без участия посторонних или с минимальным их участием добиться прекращения огня во всех вооруженных конфликтах в бывших республиках. А в Таджикистане и вовсе добилась устойчивого, продолжающегося уже четверть века, мира.

В-четвертых, в осмыслении наследия Советского Союза для России не было ясной границы между внутренним и внешним. Слово «империя» в первые годы после распада СССР было окрашено негативно, но уже к концу 90-х стало приобретать позитивные коннотации. Но что именно оно означало? Многонациональность, зафиксированную в Конституции? Политическую многоукладность, которая, по сути, присутствует в России до сих пор, достаточно посмотреть на особые политические порядки в Чеченской Республике? Авторитарные элементы в политической системе при слабости демократических традиций? Неопределенность

¹ Strobe Talbott, *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy* (Random House: 2007), 80.

культурных границ, особенно ярко проявляющая себя в отношениях с Украиной и Белоруссией? Международный статус великой державы?² Рефлексия по поводу того, представляет ли собой нынешняя Россия империю, затрагивала и внутри-, и внешнеполитические вопросы. Причем наиболее очевидным маркером великодержавного статуса для России надолго стали именно постсоветские дела, так как именно здесь ее способность влиять сталкивалась с ежедневными и наглядными вызовами.

Все это прямо касалось Южного Кавказа, несмотря на очевидную географическую и культурную границу между ним и Россией. Начать с того, что, в глазах московского наблюдателя, первоочередное значение имела граница между Кавказом и не-Кавказом, пролегающая в предкавказской степи. Кавказ отождествлялся с воинствующей этничностью, и в такой оптике не было принципиальной разницы между Карабахом, Абхазией, Чечней и Северной Осетией. Потоки людей, идей и оружия прочно связывали два склона кавказских гор. В российской дипломатии причудливо переплетались российские регионы, непризнанные государства и новые члены ООН: так под Дагомьским соглашением об урегулировании грузино-осетинского конфликта подписались Россия, Грузия, Северная Осетия и Южная Осетия. Только к концу десятилетия исламский суннитский радикализм сделал границу между Северным и Южным Кавказом более четкой, и уже потом власти России сумели укрепить границу физически и восстановили полный контроль над регионом.

С одной стороны, Россию охотно называют империей и внешние, и внутренние наблюдатели, а с другой – смысл этого слова в повседневном политическом употреблении сильно стерся. Характерно, что в него может вкладываться и позитивный (ответственность и гарантии мира), и негативный (угнетение, несвобода) смысл. Непросто

² О. Малинова, «Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеологема "империи"», *Политическая наука* (1) (2008г.).

все и в академической речи. Характерно, что Дмитрий Тренин в своей книге о российской внешней политике после распада СССР обошелся вовсе без определения империи, а пост-имперское определил через метафору перехода от имперского к не-имперскому³. Все запутывается еще сильнее, если принять во внимание, что историки начинают подвергать сомнению прежде казавшуюся самоочевидной дихотомию между империей и национальным государством⁴. Нет и ясных различий между понятиями империи и великой державы. Государство, обладающее значительной мощью и влиянием на мировые дела, могут назвать империей. Как, к примеру, называют порой США, несмотря на весь антиимперский пафос их Декларации независимости и их большой вклад в ликвидацию европейских и азиатской колониальных империй в XX веке.

Спор о содержании понятия и о соответствии этому понятию тех или иных государств займет еще долгие годы. Задача этой статьи состоит в том, чтобы описать эволюцию российской внешней политики на Южном Кавказе после распада Советского Союза, и понятие империи здесь важно как исходная точка. Различные определения империи как исторического явления строятся вокруг многосоставности, культурной, политической, религиозной и иной неоднородности населения, территории и полноты власти, сосредоточенной в имперском центре. Многосоставность вполне очевидна в случае СССР вообще и Южного Кавказа в частности. Что же касается полноты власти, то определим ее в духе Майкла Манна, то есть как сосредоточение политической, военной, экономической и идеологической власти в одном центре⁵. Формулировка Манна

³ Дмитрий Тренин, *Post-Imperium: евразийская история* (М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012г.), 39.

⁴ Stefan Berger, and Alexei Miller, eds., *Nationalizing Empires* (Central European University Press, 2015).

⁵ Michael Mann, *The Sources of Social Power: Volume 1, A History of Power from the Beginning to AD 1760* (Vol. 1) (Cambridge University Press, 2012).

удобна тем, что позволяет проследить, как изменилась на протяжении последних тридцати лет конфигурация видов власти, которой Россия обладает в регионе.

В манновской перспективе Советский Союз начал утрачивать некоторые виды власти еще до своего официального распада. Коммунистическая партия утратила идеологическую власть, которую перехватили лидеры национальных движений. Значительно ослабела экономическая власть по мере того, как советская экономика разрушалась. Военная власть была частично приватизирована, перейдя в руки негосударственных вооруженных формирований – позже, хотя и не сразу, она будет сосредоточена в руках новых национальных государств. Политическая власть союзного центра еще до декабря 1991 года постепенно переходила в руки руководителей республик, хотя и здесь она оспаривалась различными оппозиционными группами.

Тем не менее, сразу после распада СССР Москва, утратив власть политическую, сохраняла значительную военную власть на Южном Кавказе, обладая военными базами в Грузии, Армении, Азербайджане. Она была ключевым экономическим партнером всех стран Южного Кавказа. До некоторой степени сохранялась и идеологическая власть, в той мере, в какой Россия считалась лидером и основным мотором политических трансформаций, приведших к роспуску Союза.

Тридцать лет спустя Россия не обладает значительной идеологической властью в большинстве стран Южного Кавказа. Более или менее влиятельные сторонники союза или сближения с Москвой есть в каждой из стран, однако их собственно идеологические аргументы неразвиты. Евразийство остается слишком размытым, поразному толкуемым и не слишком популярным, а главное – в России нет его общепризнанного идеологического центра. Сторонники российского внешнеполитического выбора конструируют свои идеологические аргументы лишь в дополнение к прагматике

баланса сил. Причем эти аргументы нередко строятся от противного, когда Россия расценивается как альтернатива западной идеологической и культурной экспансии.

По-видимому, наибольшей идеологической властью обладают США и ЕС, вложившие солидные ресурсы в ее укрепление. В известной мере, это наследие «однополярного момента»⁶ первой половины 1990-х, когда универсальность либеральной демократии и доминирование Запада не подвергалось серьезному сомнению со стороны других международных игроков. Идеологическая власть Турции с ее широкими и подчас противоречивыми посланиями, колеблющимися между пантюркизмом, неоосманизмом, умеренным политическим исламом, также присутствует на Южном Кавказе, но ограничивается преимущественно Азербайджаном. Влияние радикальных исламистов имеется, но пока сосредоточено в узких нишах. Имперского идеологического доминирования нет и не предвидится.

Экономическая власть России сохраняется. Россия остается одним из важнейших рынков для всех стран Южного Кавказа и крупным инвестором. Российская экономическая конъюнктура в большой мере определяет самочувствие экономик стран региона. Однако, за исключением Абхазии и Южной Осетии, Россия далека от экономического доминирования. Здесь, как и в области идеологии, регион представляет собой поле конкуренции соседних крупных экономик с нарастающим влиянием экономики китайской.

Политическая власть России весьма ограничена. Если считать ее инструментами союзы, которые она заключает с другими государствами, то в регионе есть довольно слабое Содружество независимых государств, ОДКБ, двусторонний союз России и Армении, а также союзы с Абхазией и Южной Осетией. Впрочем, нужно заметить, что за исключением Армении, другие страны региона,

⁶ Charles Krauthammer, "The Unipolar Moment," *Foreign Affairs*, Vol. 70, No. 1, America and the World 1990/91 (1990/1991): 23-33.

входящие в ООН, не включены в прочные союзы. Даже если, как Грузия, стремятся такие союзы обрести.

Но военная власть России пока остается доминирующей: три военные базы, господство в северной части Черного моря и на Каспии, совокупный военный потенциал, превосходящий таковые у соседних с регионом стран. Российское военное доминирование испытывалось на прочность дважды. В 2008 году Грузия попыталась решить силой юго-осетинский конфликт и потерпела поражение. В 2020 году Турция оказала помощь Азербайджану во Второй карабахской войне и добилась значительного, хотя и не абсолютно-го успеха: непризнанная Нагорно-Карабахская Республика потеряла значительную часть территорий, которые ранее контролировала, однако в зону конфликта были введены российские миротворцы.

С точки зрения масштаба вовлеченности в дела Южного Кавказа российские позиции в регионе в начале 90-х были куда более «имперскими», чем когда-либо позже. С точки зрения наблюдателей на Южном Кавказе, дальнейшее можно описать как постепенное сокращение влияния Москвы. Впрочем, с той оговоркой, что есть опытным путем устанавливаемые пределы, за которыми Россия уже не отступает. С точки зрения наблюдателя из Москвы, это выглядело иначе: как длительный процесс обретения новой геополитической роли – роли доминирующей в регионе великой державы, но уже не имперского центра.

Оценивая эти тридцатилетние итоги, можно сказать, что Россия утратила имперский контроль над Южным Кавказом, ее сохраняющееся влияние определяется преимущественно военным потенциалом, и ее теснят в регионе другие энергичные центры силы. Но можно увидеть картину и немного иначе: Россия обрела новую геополитическую роль, которая не требует имперского, то есть всеобъемлющего, контроля. Это не только вопрос более или менее лестных для России формулировок. Это вопрос вектора. Если о прошедших тридцати годах говорить как об «упадке империи»,

то это не предполагает установления длительного равновесия: империя должна либо рухнуть окончательно, либо вернуть свои прежние позиции. Заметим, что именно из такой предпосылки исходят многие политические дискуссии о политике России на Южном Кавказе. Если же об этом говорить как об обретении новой роли, то это означает, что новое равновесие установлено, и региональный баланс или конфигурация власти могут меняться в деталях, не меняясь по сути: Россия это одна из крупных держав, обладающих влиянием, но не доминированием в регионе.

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Западные дискуссии о внешней политике России в большой степени и не всегда осознанно находятся под влиянием двух авторов: Ричарда Пайпса и Александра Дугина⁷. Оба, несмотря на идеологические различия, исходят из аксиомы о неизменной природе России как авторитарной, идеократической и милитаристской державы. В итоге на современную Россию смотрят как на своего рода «маленький Советский Союз»: та же самая страна, только с меньшим населением и меньшей долей в мировом ВВП. Не оценивая внутренние трансформации России, отметим только, как изменилась ее политическая география.

По всем границам, кроме границы с Китаем и Соединенными Штатами, постсоветскую Россию окружают государства значительно более слабые, чем она сама. Как и можно было ожидать, в силу разности потенциалов, эти государства склонны воспринимать Россию как угрозу, и либо балансировать ее, либо искать союза с ней. Есть закономерность: постсоветские страны, имеющие выход к мировому океану (вся Прибалтика, Украина, Грузия) ищут

⁷ Николай Силаев, «Испытание русских геополитиков: внешняя политика России в перспективе геополитических теорий», *Полис. Политические исследования* № 1 (2021г.): 125-141.

союзников, чтобы сбалансировать Россию. Страны, не имеющие выхода к морю, ищут союза с Россией. Особый случай представляют прикаспийские страны: нейтральные Азербайджан и Туркменистан, а также член ОДКБ, но традиционно весьма самостоятельный Казахстан.

С другой стороны, если СССР виделся непосредственной угрозой для граничащих с ним средних стран, и это было залогом прочности североатлантического альянса в годы Холодной войны, то Россия для них такой угрозой не представляет. Наиболее яркий пример такой перемены – это Турция. После распада СССР Россия впервые почти за два столетия перестала быть непосредственным соседом Турции. Между ними возник барьер из государств небольших и сравнительно слабых. Со временем они доказали свою устойчивость, и у соседних держав не возникало опасений по поводу их возможного краха с неясными и потенциально угрожающими геополитическими перспективами. Мы не сильно погрешим против строгого исторического знания, если предположим, что двести лет спустя, помимо чьей-либо сознательной воли, осуществился план екатерининских стратегов, видевших наилучший *modus vivendi* на кавказской границе в создании здесь цепочки малых государств, отделяющих Россию от Османской и Персидской империй⁸.

Стивен Уолт, много внимания уделивший влиянию географической близости или удаленности государств на выбор ими союзников и врагов, заметил, что еще в древнеиндийской «Артхашастре» имеются соответствующие наставления: соседнее царство будет скорее врагом, а сосед соседнего царства скорее другом⁹. Будучи непосредственными соседями, Россия и

⁸ Олег Айрапетов, Михаил Волхонский, Вадим Муханов, *Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в.* (М.: Кучково поле, 2016г.), 141.

⁹ Stephen Walt, *The Origins of Alliances* (Ithaca: Cornell University Press, 1990), 23.

Турция не могли не испытывать опасения по поводу друг друга. Чуть более чем за век, от присоединения Картли-Кахетинского царства к России и до гибели Российской империи, насчитывается пять русско-турецких войн. В эпоху холодной войны соседи закономерно оказались в разных лагерях. Перестав быть соседями, Москва и Анкара больше не расценивают военную мощь друг друга в качестве прямой угрозы национальным территориям. Это создало новые условия для российско-турецких отношений с их сложным переплетением сотрудничества и соперничества. А также породило постоянный кризис в отношениях Анкары с Вашингтоном – поскольку бывшая роль южного форпоста НАТО стала неактуальной¹⁰.

Хотя множество текстов о Кавказе начинаются с констатации его «важной геополитической роли» как «моста», «перекрестка» и проч., новейшая история региона указывает на обратное. В 90-е годы возникновение нового региона на политической карте мира будило воображение и порождало многообразные проекты его будущего устройства. Завышенные ожидания по поводу перспектив каспийских углеводородов стали политическим фактором, подталкивая региональных и глобальных игроков к соперничеству. Этим ожиданиям не суждено было оправдаться.

Южный Кавказ вернулся к своему историческому положению сравнительно малонаселенного и небогатого региона. Грузия проводила свои знаменитые реформы, Азербайджан строил трубопроводы, чтобы доставить свои нефть и газ на европейский рынок, Армения почивала на лаврах победителя Первой карабахской войны. Результат оказался одинаковым. Подушевой ВВП трех стран в текущих международных долларах по паритету покупательной способности составил примерно от 13 до 15 тыс. долларов в 2020 году, при белорусских 20 тыс. и казахстанских

¹⁰ Fiona Hill, and Omer Taspinar, “Turkey and Russia: Axis of the Excluded?” *Survival*, 48 (2006):1.

27 тыс. (данные Всемирного банка). Суммарная численность населения региона – около 17 млн чел. Учитывая все это, регион не представляет собой ценный рынок. Все его страны пережили масштабную деиндустриализацию, сталкиваются с проблемой безработицы, в большем или меньшем масштабе отправляют трудовых мигрантов в соседние страны.

Транзитные перспективы Закавказья, связывающего бассейны Черного и Каспийского морей, Россию, Турцию, Иран, заинтересованно обсуждались в прошлом и обсуждаются сейчас. В этом обсуждении порой рождаются впечатляющие идеи вроде запуска железнодорожного контейнерного маршрута из Китая в Европу через территории Азербайджана и Грузии. Однако практические достижения здесь сравнительно невелики.

Транзитный потенциал Закавказья в наибольшей степени реализован в трубопроводных проектах, связанных с транспортировкой нефти и газа с каспийских месторождений в Европу. Однако возможности роста на этом направлении исчерпаны. На западный маршрут не удалось привлечь газ из Туркменистана. Не осуществлен замысел строительства транскаспийского нефтепровода для перекачки нефти из Казахстана в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

С 2013 года, когда был закрыт проект газопровода «Набукко», Европейский союз не рассматривает расширение поставок газа из стран каспийского бассейна как важный элемент стратегии диверсификации газового импорта. Газовый рынок ЕС готовятся занять США со своим сжиженным природным газом, и это ослабляет их интерес к каспийскому газу. Усилия и инвестиции Азербайджана по развитию газового экспорта направлены не столько на привлечение новых экспортеров на проходящий по его территории маршрут транспортировки углеводородов, сколько на создание наиболее благоприятных условий для экспорта его собственного газа в ЕС. Этой цели подчинен проект

строительства Трансанатолийского газопровода (TANAP), в котором у азербайджанской государственной нефтяной компании имеется контрольный пакет акций, и инвестиции в инфраструктуру газового рынка на Балканах. Проект не предполагает расширение мощностей транзитных трубопроводов, проходящих по территории Закавказья.

Что касается иных видов транспорта, грузооборот черноморских портов Грузии в разы отстает от оборота российских черноморских портов. Потенциальный закавказский транзит несопоставим по объемам с тем потоком грузов, который генерируют экономики соседних стран. При наличии морского сообщения по меридиональным маршрутам между Россией и Турцией, Россией и Ираном сухопутные маршруты по территории Закавказья не являются необходимыми и незаменимыми. А в широтном направлении грузопоток невелик.

В плане сухопутных транспортных маршрутов Закавказье остается в значительной степени изолированным от соседних стран. В наследство от Российской империи и Советского Союза региону осталась железнодорожная ветка, которая связывала его с Ираном. Станция Джульфа, от которой идет эта ветка, ныне находится на территории Нахичевани, изолированной со стороны Армении и из-за этого потерявшей транзитное значение. Железнодорожный выход в Турцию из Закавказья проходил через территорию Армении по направлению от Гюмри на Карс. Ныне он не используется, поскольку Турция прекратила сообщение с Арменией через общую границу с 1993 года. Принципиальная договоренность об открытии этих маршрутов была достигнута после Второй карабахской войны, но переговоры по практическим вопросам идут медленно.

Железная дорога Баку – Тбилиси – Карс усилила транспортную связность Грузии и Азербайджана с Турцией, хотя нет оснований ожидать, что значение этой дороги выйдет за рамки

регионального. Показательно при этом то, что эта магистраль, протяженность новых линий на которой составляет только около 100 км, строилась на протяжении десяти лет (2007-2017), причем первое соглашение о ее постройке было заключено еще в 1993 году в рамках проекта ТРАСЕКА¹¹. Это показывает, что в глазах властей Турции (именно она должна была построить бóльшую часть нового железнодорожного пути) проект не был приоритетным.

У крупных держав нет в регионе таких интересов, которые требовали бы тотального контроля. Они не ждут, что активная политика на Южном Кавказе может принести им значительные материальные или репутационные выгоды. В повестке их двусторонних или многосторонних отношений Южный Кавказ выходил на первое место лишь эпизодически.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Кризис в отношениях России и Запада, обострившийся после 2014 года, опроверг популярные в России и на Западе представления о роли постсоветского пространства в стратегии Москвы, а именно, что контроль над бывшими советскими республиками необходим ей для максимизации выгод в отношениях с Западом¹². Дугин и Бжезинский, похожие друг на друга манерой мышления, утверждали, что Россия утратит статус великой державы, потеряв Украину в качестве союзника или партнера. Украина после 2014 года была потеряна, еще раньше была потеряна Грузия, но это не стало непереносимым ударом для международного влияния России. Операция в Сирии показала, что у России есть большой

¹¹ Зия Кенгерли, «Геостратегические интересы Турции на Кавказе», *Центральная Азия и Кавказ* № 6 (36) (2004г.): 115.

¹² A.C. Lynch, "The Influence of Regime Type on Russian Foreign Policy toward "the West", 1992-2015," *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 49., No. 1 (2016).

потенциал для проведения гибкой политики в удаленных от нее регионах, причем «норма прибыли», то есть соотношение понесенных затрат и приобретенных внешнеполитических преимуществ, там выше, чем в бывшем СССР. Россия, несмотря на, казалось бы, прочно прикрепившийся к ней образ континентальной державы, проявила себя, согласно давнему предположению В. Цымбурского¹³, как островная держава. Она склонилась баланс сил в регионе вдалеке от своей национальной территории, ограничительно используя силу и опираясь на сложную сеть партнерств.

Цымбурский, как известно, описал постсоветскую Россию как остров, отделенный от остального мира «сухопутными проливами». Одним из таких «проливов» и стал Южный Кавказ. С точки зрения «имперской» геополитики, Россия должна стремиться к контролю над этим регионом. С точки зрения геополитики «островной», ей достаточно, чтобы «пролив» не был занят враждебной державой. В перспективе «Острова Россия», ключевая цель Москвы состоит в том, чтобы с Южного Кавказа не могла исходить угроза ее территории. Именно в этом сдвиге – от приоритета контроля к приоритету недопущения угрозы – и состояло обретение Россией ее новой региональной роли.

Едва ли Россия шла к этому осознанно и целенаправленно. Скорее уместно говорить о целой серии столкновений, по итогам которых возникло новое равновесие. На протяжении первых нескольких лет после распада СССР регион был объектом импровизации со стороны различных властных центров в Москве, политические курсы которых могли и не совпадать. Наряду с этим Россия с большой ревностью относилась к любым попыткам третьих стран установить свое влияние в бывших советских республиках.

¹³ Вадим Цымбурский, «Остров Россия: перспективы российской геополитики», *Полис. Политические исследования*, № 5 (1993г.).

При этом влияние Запада в 90-х было ограниченным. Оно в полной мере дало о себе знать только в начале следующего десятилетия. Ни США, ни европейские столицы по большому счету не противились политике России по отношению к вспыхнувшим в регионе конфликтам – все они были остановлены при ключевой роли Москвы. Приоритетом для Запада стало недопущение восстановления Советского Союза, но набор инструментов для этой политики только начинал формироваться, к тому же большие ресурсы требовались на выработку и проведение курса в отношении Восточной Европы и других регионов мира, где крах советского коммунизма предоставил США новые возможности.

Турция находилась в эйфории по поводу новых внешнеполитических возможностей, открывшихся ей на пространствах бывшего СССР. Хотя качество экспертизы по новым международным регионам было невысоко¹⁴, появление в непосредственной близости целого ряда новых независимых государств, в части из которых к тому же говорили на языках, близких турецкому, разбудило все те геополитические фантазии, которые цвели в Османской империи и всем тюркоязычном мире в начале XX века.

Присутствие Ирана как потенциальной третьей, наряду с Россией и Турцией, региональной державы ощущалось в Закавказье в минимальной степени. Влияние Тегерана было ограничено его тесными связями с Арменией. Попытки оказывать давление на Азербайджан по поводу принадлежности некоторых месторождений на Каспии вызвали резкую, вплоть до военной демонстрации, реакцию Турции. Исторический соперник Турции проиграл ей конкуренцию в регионе.

¹⁴ Омер Коджаман приводит пример: в 1989 году президент Турции Тургут Озал, отвечая на вопрос о карабахском конфликте, заявил, что азербайджанцы ближе Ирану, чем Турции.

Омер Коджаман, *Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период* (М.: Рус. панорама, 2004г.), 81-82.

Соперничество в течение нескольких лет питалось обсуждением каспийских углеводородов и путей их транспортировки. Впрочем, довольно быстро выяснились две вещи: Россия не смогла существенно повлиять на выбор маршрута, а запасы нефти и газа были не таковы, чтобы Каспий стал новым Персидским заливом¹⁵. При этом Москва избежала той внешнеполитической логики, к которой в 90-х ее толкал имперский опыт, а именно к ответу на вызовы через создание жестких блоков. Хотя многие предрекали, что на Южном Кавказе возникнет, с одной стороны, союз Турции, Грузии и Азербайджана, а с другой – России, Армении и Ирана, этого так и не произошло¹⁶.

Россия избегала блоковой логики и в начале 2000-х годов достигла заметного улучшения отношений и с Азербайджаном, и с Турцией. Россия приняла адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе и, в соответствии с ним, вывела свои военные базы с территории бывшей Грузинской ССР. Во многом это было продиктовано двусторонней российско-грузинской динамикой, но отвечало и взглядам Запада и Турции на желаемый баланс сил в регионе. В региональных конфликтах – грузино-абхазском, грузино-осетинском, армяно-азербайджанском – к 2000-м годам установилось стабильное, хотя и никого не удовлетворяющее равновесие. Некоторые попытки урегулировать их уже провалились, но история таких провалов была еще не столь длинной, чтобы убить всякий оптимизм.

Первые десять лет независимости стран Южного Кавказа были связаны с конфликтами и усилиями по прекращению боевых действий, а также со становлением новых государств и их международных связей. В 2000-х регион оказался в центре спора

¹⁵ Robert Manning, and Amy Jaffe, "The Myth of the Caspian "Great Game": The Real Geopolitics of Energy," *Survival*, 40 (4) (1998): 112-129.

¹⁶ N. B. Criss, and S. Güner, "Geopolitical Configurations: the Russia-Turkey-Iran Triangle," *Security Dialog*, 30 (3), (1999): 365-376.

о системе европейской безопасности. Здесь в резонанс попали несколько крупных тенденций.

Американская дипломатия и дипломатия ведущих европейских стран освоились в новом международном регионе. Если поначалу они не были склонны активно участвовать в делах региона, то по мере накопления знаний о нем и разворачивания инфраструктуры влияния, стали действовать более энергично. Бывший советский блок в Центральной и Восточной Европе к тому моменту был уже в значительной мере поглощен западными международными структурами, и настала очередь бывших советских республик. Сами США освоились в роли единственной сверхдержавы, определяющей правила для остальных. Первым шагом здесь была война против Югославии в 1999 году, а пика эта политика достигла при Джордже Буше-младшем, занимавшимся «распространением демократии» активнее, чем кто-либо из американских президентов. «Революция роз» в Грузии попала в русло всех этих тенденций: демократизация (в этом, правда, скоро усомнились), реформы, курс на членство в НАТО и ЕС во внешней политике, энергично поддержанный Западом.

Все это создало новое положение на Южном Кавказе. Появился внешний критерий, по которому политические режимы региона могли быть поделены на «правильные» или «неправильные». У властей возникли новые подозрения по поводу неправительственных организаций. Россия истолковала все это как экспансию Запада по направлению к ее границам. Причем расширение НАТО и продвижение демократии воспринимались как единая и скоординированная линия, направленная на вытеснение России из системы европейской безопасности. Тем более, довольно быстро именно Россия была объявлена тем «плохим парнем», который мешает демократизации бывших советских республик. Наиболее ярко это было маркировано речью вице-президента США Дика Чейни в Вильнюсе в мае 2006 года, в

которой Москве было предложено «вернуться к демократии или стать врагом»¹⁷. А Грузия увидела в сближении с НАТО шанс на решение проблемы Абхазии и Южной Осетии. Эти противоречия вылились в войну августа 2008 года. После войны, признания Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств и размещения на их территории военных баз, эти противоречия не исчезли, а перешли в разряд позиционных.

Однако и после 2008 года на Южном Кавказе не возникло блокового порядка. Грузия нарастила свое сотрудничество с НАТО. Но крупнейшая страна НАТО в регионе, Турция, в российской политике неожиданно оказалась вне этого противостояния. Американские военные корабли, направлявшиеся в Черное море во время военных действий, задержались, потому что турецкие власти не сразу дали им разрешение на проход через Проливы. Визит Реджепа Эрдогана в Москву состоялся уже 12 августа 2008 года, вечером того же дня, когда завершились боевые действия в Южной Осетии и Грузии. В российском видении Закавказья Турция утратила связь с контекстом отношений между Москвой и Вашингтоном. Ее членство в НАТО, участие в региональном военном сотрудничестве по линии НАТО не препятствовали тому, что в Москве применительно к региону ее рассматривали как незападного игрока. Анкара не была адресатом критики Москвы по поводу расширения блока. Своим соперником, источником угрозы в Закавказье Россия видела не Турцию, а Соединенные Штаты. В российской перспективе, сам североатлантический альянс на Южном Кавказе оказался расколот: с одной стороны, была враждебная и прочно связанная с США и ЕС Грузия, с другой – фрондирующая по отношению к Вашингтону Турция, институционально связанная с Западом, но все более энергично заявляющая о своей незападной, а то и антизападной природе.

¹⁷ Михаил Зыгарь, «Враг у ворот. Дик Чейни произнес в Вильнюсе почти фултонскую речь», *Коммерсант*, 5 мая 2006г. <https://www.kommersant.ru/doc/671371>

В то же время Россия была заинтересована в том, чтобы не выбирать сторону в армяно-азербайджанском противостоянии. Ухудшение отношений с Азербайджаном при состоявшемся разрыве с Грузией сделало бы ее позиции в регионе уязвимыми. Тем более, Баку осторожно шел на сближение с Европейским союзом, и в этом отношении препятствовал укреплению западного влияния на Южном Кавказе, что Россия считала наиболее важной региональной угрозой. Примечательно, что военное сотрудничество Азербайджана с Турцией не сопровождалось планами по вступлению страны в НАТО. Сохраняя и укрепляя союз с Арменией, Россия поставила Азербайджану значительный объем вооружений, вызвав этим возмущение в Армении; заключила выгодное для него соглашение о границе, предложила ему сотрудничество в крупных инфраструктурных проектах (транспортный коридор «Север-Юг»).

Но, хотя продвижение Запада в регион остановилось – Грузия так и не вошла в НАТО, Армения и Азербайджан не стали подписывать соглашение об ассоциации с ЕС, – его влияние не стало меньше. В 2000-х и 2010-х он выстроил прочные структуры идеологической власти, которые можно отождествить и с более распространенным понятием «мягкой силы». Август 2008 года при этом показал, что Россия в военном отношении доминирует в регионе, а готовность Запада повышать ставки в соперничестве с ней ограничена. Возникло положение, когда наибольшая идеологическая и наибольшая военная власть в регионе принадлежали двум конкурирующим игрокам, причем ни один из них не мог или не хотел изменить этот диспаритет в свою пользу.

В 2009 году, с началом «перезагрузки», противостояние между Россией и Западом на постсоветском пространстве несколько ослабло, а после возобновления в 2013 году ушло в другие регионы мира: на Украину и Ближний Восток. Это стабилизировало положение, сложившееся на Южном Кавказе после августовской

войны. Расширение американской военной активности в Грузии, учитывая значительное российское превосходство в регионе, имело символическое значение. С другой стороны, возникновение украинского кризиса сделало прежние идеологические границы более резкими: сторонники западного или европейского выбора укрепили свои убеждения. Это было поддержано сильной идеологической накачкой со стороны США и Евросоюза, оформленной как «противодействие российской пропаганде». В Грузии табуированной стала сама идея диалога с Россией. Конфигурация военной и идеологической власти, сложившаяся после 2008 года, стала еще прочнее.

ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Война в сентябре-ноябре 2020 года, когда Азербайджан при поддержке и помощи Турции вернул себе значительную часть территорий, потерянных в начале 90-х, в России получила противоположные оценки. Согласно одному из мнений, Москва усилила свои позиции в регионе, развернув свою миротворческую миссию в Нагорном Карабахе. Согласно другому, Россия, напротив, значительно уменьшила свое влияние на Южном Кавказе, в то время как «престиж удачливой и задиристой Турции, напротив, невероятно возрос»¹⁸. Бесспорны тяжелое поражение союзной России Армении и большая, хотя и не безусловная, победа Азербайджана. Можно долго спорить о том, в какой степени были достигнуты политические цели, которые ставила перед собой Турция, но для нашего рассуждения важнее вопрос, что

¹⁸ Константин Макиенко, «Как Россия проиграла во второй карабахской войне», *Ведомости*, 10 ноября 2020г. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/10/846462-rossiya-proigrala>

война изменила и еще может изменить в российской политике на Южном Кавказе.

Вторая Карабахская война поставила под вопрос военное доминирование России. Подходы Москвы к урегулированию конфликта были известны, и, исходя из этих подходов, у нее не было оснований вмешиваться в военные действия на стороне Армении и непризнанного Нагорного Карабаха. Но, исходя из тех же российских подходов, не могла она и приветствовать силовое разрешение конфликта. Статус доминирующей в военном отношении державы предполагал не готовность всех разбомбить, а способность запретить боевые действия. В апреле 2016 года, когда вспыхнули бои в Карабахе, российской дипломатии удалось погасить их в течение нескольких дней. В 2020-м попытки добиться прекращения огня срывались одна за другой, а развертывание миротворческой миссии прошло с потерями среди российских военнослужащих.

Турция оказала военную помощь Азербайджану с ведома своих партнеров по НАТО, но не получила от них дипломатической поддержки. Напротив, Франция осудила действия Азербайджана и Турции, а США обозначили попытку добиться перемирия. Благодаря этому турецкое вмешательство предстало очередным проявлением стратегической автономии Анкары, то есть способности проводить внешнюю и военную политику без оглядки на более могущественные центры силы. При всех оговорках по карабахской проблеме, турецкое вмешательство было направлено против союзной России Армении. Если в 2008 году и после него соперником в регионе, с точки зрения Москвы, был Запад, а Турция – парадоксально – воспринималась нейтральным игроком, то после 2020 года о нейтральности говорить стало сложно.

Но соперничество с Турцией все же отличается по многим параметрам от соперничества с Западом. Во-первых, если совокупный потенциал Запада многократно превосходит российский,

то при сравнении с одной Турцией преимущество на стороне Москвы. Во-вторых, соперничество с Турцией не было экзистенциальным, каковым в России считают противостояние с Западом. Предложение Анкары, сделанное Москве посредством вмешательства в карабахский конфликт на стороне Азербайджана, заключалось, говоря просто, в том, чтобы уравнивать Южный Кавказ с Сирией, где Россия и Турция выступают в качестве равноправных участников урегулирования. Технически это означало бы исключение Минской группы ОБСЕ из процесса урегулирования карабахского конфликта и создание какого-то нового формата с Россией и Турцией в качестве равноправных посредников, а также создание новых международных институтов регионального управления.

Это предложение было не первым такого рода. Была «Кавказская платформа стабильности» 2008 года, публично сформулированная Реджепом Эрдоганом в самых общих категориях и не сильно отличающаяся от предложений, выдвигавшихся ранее¹⁹. Турция проявляла готовность нормализовать отношения с Арменией и даже подписала соответствующие протоколы, которые позже не были ратифицированы.

У России были, как минимум, две причины поставить это предложение под сомнение. Первой была неприемлемая форма: Турция явочным порядком и с опорой на военную силу заявляла о своей возросшей роли в регионе, предлагая России с этим согласиться. Но согласие означало бы, что Москва поступает как доминирующая в военном отношении держава, то есть, делится своей военной властью на Южном Кавказе с Турцией. Вторая причина была связана с соображениями иного порядка. Как сопредседатель Минской группы ОБСЕ Россия была в равном статусе с США и Францией, двумя ядерными державами

¹⁹ Саваш Генч, «Значение грузино-югоосетинского конфликта для внешней политики Турции», *Центральная Азия и Кавказ*, № 16 (1) (2009г.): 44.

и членами Совета безопасности ООН. Эрдоган предлагал Москве отказаться от более престижного клуба в пользу менее престижного.

Поэтому Москва не допустила участия Турции в миротворческой миссии и настояла на трехстороннем формате переговоров об урегулировании, а также не отказалась от участия в Минской группе ОБСЕ, пусть ее эффективность после войны была поставлена под сомнение. В то же время она согласилась на предложенный Эрдоганом формат «3+3» (Россия, Турция, Иран, Азербайджан, Армения, Грузия). Если мы принимаем союзы или неформальные альянсы за форму политической власти, то такую логику можно истолковать как готовность искать новые конфигурации политической власти при сохранении за собой военной.

Но тут возникает и тема Запада. Разумеется, отказ США обсуждать озабоченности России в сфере безопасности и последовавшая за этим война на Украине изменят очень многое. Но до декабря 2021 года Россия, насколько можно судить, видела определенные перспективы в контактах с Западом по некоторым кавказским вопросам. Она была заинтересована в сохранении Минской группы ОБСЕ, а также в поддержке своей миротворческой миссии со стороны сопредседателей этой группы. В этом проявлялась готовность балансировать между разными центрами силы, включая те, которые по всем признакам выступают как враждебные. Еще одно подтверждение того, что Россия освоилась в своей не-имперской роли, и, похоже, не собирается от нее отказываться.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ В 2000-2022 ГОДЫ

Мустафа Айдын

ВВЕДЕНИЕ

Конец Холодной войны и распад Советского Союза в начале 1990-х годов создали вызовы и возможности для региональных и мировых держав. С исчезновением СССР и появлением новых независимых государств на Кавказе возник вакуум власти, и Турция ощутила необходимость воспользоваться своим выгодным геостратегическим расположением в непосредственном соседстве с регионом для создания новых возможностей во внешней и оборонной политике. Спустя три десятилетия после того, как страны Кавказа получили независимость, геополитика Кавказа значительно поменялась, но основные направления региональной политики Турции, сложившейся в первой половине 1990-х годов, мало изменились, хотя по ходу дела и адаптировались к различным геополитическим вызовам. Можно сказать, что, несмотря на все вызовы, политический курс Турции на Кавказе оказался достаточно устойчивым, демонстрируя признаки комплексного понимания региональной динамики. Поэтому, для того чтобы понять, как устроена нынешняя политика Турции в отношении региона, стоит начать с анализа ее основных параметров, разработанных ранее.

ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ ПОДХОДА ТУРЦИИ К КАВКАЗУ

Во-первых, с момента приобретения странами Кавказа независимости, Турция решительно выступала за их суверенитет и

независимость, в том числе призывая к укреплению их политических институтов, экономического благосостояния, самостоятельности на международной арене и общественного согласия внутри. И это были не пустые слова, а стратегический приоритет политики Турции на Кавказе, связанный с опасениями по поводу конкуренции внешних сил за влияние в регионе и того факта, что любая нестабильность в регионе могла бы с легкостью перекинуться на территорию Турции. Турецкое руководство, очевидно, исходило из того, что, если страны Кавказа достаточно окрепнут, чтобы сопротивляться внешнему давлению и вмешательствам, то историческая, политическая, экономическая и стратегическая привлекательность Турции мягко подтолкнет их на турецкую орбиту.

Азербайджан, Армения и Грузия как независимые государства создают буферную зону между Турцией и ее историческим соперником на Кавказе – Россией. Именно царская Россия и Советский Союз на протяжении веков угрожали Османской империи и Турции. Однако по окончании Холодной войны Турция, впервые в истории лишившись сухопутной границы со своим большим северным соседом, сочла, что лучшее, что можно сделать для укрепления такого положения – поддерживать независимость, стабильность и территориальную целостность новых независимых государств Кавказа. Предполагалось, что чем дольше эти государства смогут сохранить независимость и политическую стабильность, тем сложнее будет России господствовать на территориях, прилегающих к границам Турции¹. Так, примерно до 2010-х годов, Турция сопротивлялась попыткам России

¹ Mustafa Aydin, “1990–2001 Kafkasya ve Orta Asya’yla İlişkiler” [Relations with Central Asia and the Caucasus, 1990–2001], in B. Oran (ed.), *Türk Dis Politikası, Kurtulus Savasından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar* [Turkish Foreign Policy, Facts, Documents and Comments since the War of Independence] (Istanbul: İletişim, 2002), 406.

наращивать свое влияние в регионе, будь то в форме социально-экономического присутствия или размещения российских военных на турецких границах. Тот факт, что за последние годы России все же удалось сделать и то, и другое, подчеркивает как слабую позицию Турции в регионе, так и возможности России.

Предполагалось также, что стабильность стран Кавказа, граничащих с Турцией, будет напрямую влиять на ее безопасность и стабильность. В Турции есть четкое понимание того, что нестабильность в одной из стран Кавказа вполне может, если не перекинуться внутрь самой Турции, то повлиять на торговые и транспортные отношения Турции со многими странами на востоке. В начале 1990-х стало ясно, что даже при нежелании вовлекаться в региональные конфликты, Турция не может их полностью игнорировать, поскольку многие турецкие граждане ведут свое происхождение из стран Кавказа и в силу этого им небезразлично, что там происходит, а турецкое общество ощущает близкое родство с некоторыми из этих стран, особенно с Азербайджаном.

В глазах Турции территориальная целостность стран Кавказа тоже имела отношение к силовой политике в регионе. Отношение Турции к конфликтам в Аджарии, Абхазии и Осетии в Грузии и карабахскому конфликту между Азербайджаном и Арменией отражает ее крайне негативное отношение к изменениям границ независимых государств. Это отношение исходит из того, что насильственное изменение границ любой из соседствующих стран может с легкостью вызвать цепную реакцию, потенциально в масштабах всего региона, тем самым подвергая опасности и границы Турции.

Другим приоритетом для Турции было превращение в энергетический и транспортный узел, в первую очередь обеспечивающий поставки каспийской нефти и газа в Европу из порта Джейхан и по трубопроводам, а также пассажирский транзит через аэропорты Стамбула. «Турецкие авиалинии» были первой

международной компанией, начавшей выполнение регулярных прямых рейсов в столицы региональных стран, и остаются самой популярной среди пассажиров, направляющихся на Запад. Помимо этого, примером инновационного подхода к региональному сотрудничеству стал ремонт и запуск батумского аэропорта под управлением турецкой компании. «Турецкие авиалинии» эксплуатируют этот аэропорт как внутренний, благодаря чему жители близлежащих турецких городов могут летать в Батуми без паспортов.

Кроме того, благодаря нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), газопроводам Баку – Тбилиси – Эрзурум (БТЭ), TANAP, Голубой поток (I и II), Турецкий поток из России, а также всем остальным региональным путям доставки газа (из Туркменистана, Ирана и Ирака), Турция стала региональным игроком в области энергетики. Впрочем, в этой сфере у Турции были конкуренты, так как трубопроводы рассматривались многими игроками как не только источник дохода, но и ключевой рычаг упрочения и сохранения влияния в регионе. Поскольку проложить маршрут через Армению еще на ранних этапах стало невозможно из-за карабахского конфликта, политика прокладки трубопроводов сформировала стратегическое партнерство Турции, Азербайджана и Грузии. Таким образом, в долгосрочной перспективе оправдались надежды Турции на то, что энергетические связи создадут взаимозависимости между странами, укрепляющие позицию Турции в беспокойном соседнем регионе.

Для усиления турецкого влияния в регионе жизненно необходимо было и развитие двусторонних связей. По расчетам, развитие отношений с кавказскими странами должно было обеспечить Турции стратегические и экономические выгоды и связи не только на Кавказе, но и в Центральной Азии, и повысить ее авторитет как в регионе, так и на международной арене. Кроме того, как только Турция занялась установлением более

тесных двусторонних отношений со странами региона, сразу стало заметно, что, вопреки бытующим представлениям, у турок много общего не только с азербайджанцами, но и с грузинами и армянами.

При всем том, историческое наследие повлияло на отношения Турции с Арменией и на подход Турции к абхазскому и юго-осетинскому конфликтам. Хотя Турция признала Армению как независимое государство сразу после провозглашения ею независимости, дипломатические отношения между двумя странами все еще не установлены из-за наличия исторического багажа событий 1915 года, проблем с признанием границ и карабахского конфликта. Что же до подхода Турции к конфликтам внутри Грузии, то он был окрашен наличием в Турции около шести миллионов граждан северокавказского происхождения, политически очень активных и влиятельных.

Еще один важный фактор, который Турции приходится иметь в виду при выработке регионального политического курса – это позиция и политика Российской Федерации. Хотя Россия ненадолго выбыла из игры на Кавказе, провозглашенная ею в конце 1993 года политика в «ближнем зарубежье» ясно указала на ее неизменный интерес к бывшим советским государствам Центральной Азии и Кавказа, а последующее экономическое и политическое восстановление России вернуло ее в игру². Турция же, несмотря на поддержку Запада, и особенно США в 1990-е годы, не обладала достаточными экономическими ресурсами и политической силой, чтобы конкурировать с Россией. В итоге, с 1994 года, все больше осознавая опасность конфронтации,

² İdil Tuncer, “Rusya Federasyonu’nun Yeni Guvenlik Doktrini: Yakın Cevre ve Turkiye” [The New Security Doctrine of Russian Federation: Near Abroad and Turkey], in Gencer Ozcan and Sule Kut (eds.), *En Uzun Onyil, Turkiye’nin Ulusal Guvenlik ve Dis Politika Gundeminde Doksanli Yillar* [The Longest Decade; 1990s in Turkey’s National Security and Foreign Policy Agenda] (Istanbul: Buke Yayınları, 2000), 435–460.

Турция взяла курс на сотрудничество и сосуществование с Россией, всячески подчеркивая выгоды такой политики, и за этим последовал рост товарооборота и усиление политических связей. На этом фоне, и с учетом охлаждения в отношениях Турции с ее традиционными союзниками – США и странами ЕС, в начале 2000-х годов Турция предприняла шаги по нормализации отношений с Российской Федерацией. Позднее, в 2010-х, в связи с восстаниями в арабских странах и последовавшей за ними нестабильностью на турецких границах, Турция сосредоточилась на Большом Ближнем Востоке и Африке, и стала уделять Кавказу меньше внимания, что в конечном итоге привело к росту присутствия и влияния там России.

Еще одна цель, которую Турция изначально ставила перед собой – это поощрение трансформаций стран Кавказа в сфере экономики, политики, общественной жизни и безопасности, и интеграции этих стран в европейские (западные) структуры. Считалось, что это поможет Турции войти в регион и, учитывая ее экономический вес, в итоге стать в нем самым влиятельным игроком. Хотя это и удалось, и вскорости Турция стала главным торговым партнером Грузии и Азербайджана и важным партнером Армении даже несмотря на все еще закрытую сухопутную границу, в долгосрочной перспективе Турция не смогла удержаться на этих позициях, кроме как в отношениях с Азербайджаном. Более того, отторжение Турции от ее традиционных союзников и развитие сотрудничества с Россией также повлияло на ее позицию в регионе, так как привлекательность Турции для стран региона частично состояла в ее связи с Западом.

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕРВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

Вопреки ожиданиям, основные направления в турецкой политике в отношении стран Кавказа оставались неизменными после того, как Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти в Турции в ноябре 2002 года. Впрочем, события внутри страны и в мире в скором времени повлияли на приоритеты правительства и его отношение к региону.

Непосредственно после смены власти в Турции возникли вопросы об отношении нового руководства к региону. Высказывались мнения, что правительство ПСР с его системной исламской риторикой будет менее склонным к близким отношениям со странами Кавказа и Центральной Азии, чем его предшественники. И действительно, правительство ПСР переключилось с укрепления исторических и культурных связей на развитие экономических отношений со странами Кавказа³. Более того, представления об отсутствии у ПСР интереса к региону лишь укрепились на фоне напряженной повестки дня, связанной как с событиями на международной арене, такими, как вторжение США в Ирак в марте 2003 года, дискуссии вокруг будущего Кипра, референдум по Плану Аннана в 2004 году, запуск переговоров о полном членстве в ЕС в 2005 году и продолжающийся террор РПК, сопровождающийся пересечениями турецкой границы, так и с многочисленными внутренними кризисами, начавшимися с выдвижения кандидатуры Абдуллы Гюля в президенты в апреле 2007 года, приведшего к проведению досрочных

³ Визит Реджеп Тэйип Эрдогана в Азербайджан, Казахстан и Туркменистан в январе 2003 года, даже до того, как он стал премьер-министром, упоминали как свидетельство его интереса к региону.

Mevlut Katik, "Turkish Party Leader Seeks Favor in Central Asia," *EurasiaNet Business and Economic*, January 14, 2003. http://www.eurasianet.org/departments/business/articles/eav011403_pr.shtml

парламентских выборов в июле 2007 года, и завершившимися поданным в Конституционный суд иском о закрытии ПСР, рассмотрение которого заняло еще 8 месяцев. На фоне тяжелых внутривнутриполитических кризисов правительство вплоть до конца 2008 года не решалось предпринимать смелые шаги во внешней политике, в том числе в отношении Кавказа.

Тем не менее, как только внутривнутриполитические кризисы были в какой-то мере преодолены, и особенно после Августовской войны 2008 года между Грузией и Россией, еще раз напомнившей Турции об изменчивости региона, правительство ПСР начало обращать больше внимания на события внутри региона и выступило со своим собственным проектом будущего Кавказа – Платформой стабильности и сотрудничества на Кавказе, в которую должны были войти Турция, Россия и три страны Кавказа. И хотя лежащая в его основе идея была не совсем нова, это был единственный предложенный для региона проект, рассчитанный на долгосрочную перспективу и охватывающий весь регион. Практически нереализуемая из-за существовавших на тот момент реалий, Платформа, тем не менее, создала необходимые предпосылки для открытия Турции для Армении в 2009 году.

Между тем, на политику ПСР в отношении Кавказа повлияли в том числе идеи тогдашнего советника премьер-министра по вопросам внешней политики Ахмета Давутоглу о том, что у Турции должна быть своя собственная «политика соседства», основанная на принципах «ноль проблем с соседями» и «регионализация внешней политики». Эти идеи были сформулированы к середине срока первого правительства ПСР и стали обозначать новое понимание внешней политики Турции, с 2006 года превратившееся в переориентацию на региональные вопросы. Однако в связи с описанными выше событиями внутри страны и за ее пределами новый политический курс не был реализован на практике до выборов 2007 года.

Единственной сферой, в которой к тому моменту было какое-то продвижение, стала сфера энергетики, к которой правительство проявляло особый интерес, осуществляя активную политику по привлечению альтернативных энергетических ресурсов в Турцию, как для внутреннего потребления, так и для транспортировки в Европу. Идея превращения Турции в «региональный энергетический узел» сразу получила поддержку, и Турция взяла курс на усиление связей с ресурсами Каспийского моря через Грузию и Азербайджан. Вдобавок к реализации трубопроводных проектов БТД и БТЭ, в 2007 году Турция, Грузия и Азербайджан подписали рамочное соглашение о строительстве железной дороги Карс-Тбилиси-Баку, соединяющей Турцию с Азербайджаном и Грузией, а также с Центральной Азией, в обход Армении. Этот крупный проект, наряду со строительством газопровода БТЭ и нефтепровода БТД, повлиял на региональное развитие и безопасность, и далеко не только в области энергетики и транспорта⁴.

Эксплуатация газопровода БТЭ началась в марте 2007 года с поставок газа из азербайджанского Шах-Дениза, положивших конец газовой зависимости Грузии от России и обеспечивших Турцию альтернативным источником энергии. Изначально предназначенный для Турции природный газ был перенаправлен в Грузию по соглашению с Турцией зимой 2007 года, в тот момент, когда на фоне растущей напряженности в грузино-российских отношениях Россия, стремясь наказать Грузию, прекратила туда поставки газа.

Проект не только благоприятно сказался на взаимоотношениях всех трех стран и повысил их стратегическую значимость друг для друга, но и создал важный альтернативный маршрут

⁴ M. Gaudio, "Can Energy Security Cooperation Help Turkey, Georgia, and Azerbaijan to Strengthen Western Oriented Links?", NATO Defense College Academic Research Branch Research Note, No. 5 (June 2007): 1–2.

транспортировки газа в Европу, позволив Турции грезить о том, чтобы стать энергетическим коридором. Этому способствовала и эксплуатация нефтепровода БТД, запущенного еще в 2006 году до БТЭ. Еще один трубопроводный проект, в тот момент оказавшийся в центре мирового внимания – это «Набукко», проект, обеспечивающий поставки в Европу природного газа из Азербайджана, а потенциально также из Ирана, Ирака и Туркменистана. Несмотря на то, что в присутствии представителей других стран 13 июля 2009 года было подписано межправительственное соглашение между Турцией, Австрией, Болгарией и Венгрией, создающее юридические рамки для строительства трубопровода «Набукко» и подчеркивающее намерение стран приступить к его строительству,⁵ Турция 7 августа 2009 года в присутствии премьер-министра Италии Сильвио Берлускони подписала с находившимся в Турции с визитом премьер-министром России Владимиром Путиным⁶ другое соглашение: о подготовке технико-экономического обоснования создания на черноморском побережье Турции экономической зоны под проект газопровода «Южный поток», многими рассматривавшийся как непосредственный конкурент проекта «Набукко». И хотя в результате всех этих проектов к середине 2009 года Турция смогла успешно позиционировать себя между странами-энергопроизводителями на Востоке и странами-энергопотребителями на Западе, в конечном итоге и «Набукко», и «Южный поток» были отменены, а вместо них был реализованы два других проекта: TANAP (Трансанатолийский газопровод), в 2018 году

⁵ “EU Countries Sign Geopolitical Nabucco Agreement”, *EurActiv.com*, 14 July 2009. <https://www.euractiv.com/section/energy/news/eu-countries-sign-geopolitical-nabucco-agreement/>

⁶ “Yuzuyilin anlasmlari imzalandi” [Contracts of the century were signed], *Haber-Türk daily*, 7 August 2009. <http://www.haberturk.com/ekonomi/haber/163699-Yuzuyilin-anlasmlari-imzalandi.aspx>.

введенный в эксплуатацию и в 2020 году соединенный с ТАР (Трансадриатическим газопроводом), и «Турецкий поток», также запущенный в 2020 году.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ ПОСЛЕ АВГУСТА 2008 ГОДА

Августовский кризис 2008 года повлиял на политику Турции в отношении Кавказа в нескольких отношениях и заставил ее пересмотреть свои подходы. Стало ясно, что «замороженные» конфликты на Кавказе не совсем заморожены и могут разгореться в любой момент. Учитывая приобретение сторонами конфликта тяжелых вооружений, нельзя было просто ждать, пока проблемы решатся сами собой. Более того, Россия четко обозначила свои намерения в отношении горячих точек региона в случае возобновления военных действий. Наконец, Турция осознала, что если она не начнет активно заниматься установлением мира в регионе, ситуация на Кавказе с легкостью дестабилизируется и регион будет предан забвению, что шло вразрез с политическими, экономическими и военными интересами Турции.

Несмотря на то, что двусторонние экономические и политические отношения с Азербайджаном и Грузией продолжали улучшаться, в своей кавказской политике Турции приходилось постоянно изворачиваться из-за независимых от нее событий. Турция и Грузия создали костяк газо- и нефтепроводов, альтернативных маршрутам через Иран и Россию. Обеспечивая более безопасные альтернативные маршруты для Европы и США и способствуя стабильности в регионе, двусторонние отношения между Турцией и Грузией развивались во всех сферах при поддержке Запада. Быстро улучшались не только политические, но и экономические связи между Турцией и Грузией. Турция стала крупнейшим торговым партнером Грузии и вторым по размеру инвестором в ее экономику, что привело к

заключению Соглашения о свободной торговле между двумя странами в 2007 году. Передвижению людей между двумя странами способствовал разрешенный в 2007 году безвизовый въезд на срок до 90 дней, а также открытие багумского аэропорта, построенного и управляемого турецкой компанией в качестве внутреннего аэропорта для турецких граждан.

В то время как экономические и политические отношения между Турцией и Грузией продолжали улучшаться, на них в какой-то степени сказалась непростая ситуация в Грузии, обусловленная неурегулированным абхазским конфликтом. Продолжая поддерживать территориальную целостность Грузии, Турция настаивала на мирном разрешении конфликта, однако наличие в Турции граждан как грузинского, так и северокавказского происхождения усложняло ее позицию: подозрения, возникавшие и у тех, и у других приводили к срыву все новых попыток Турции создать платформу для урегулирования конфликта. Кроме того, ситуация внутри страны тоже осложнилась, поскольку грузинская и северокавказская диаспоры Турции стали озвучивать свои требования, и в итоге Турции пришлось проявлять еще больше осторожности в своих сношениях с Грузией.

Августовский кризис 2008 года указал на слабые стороны и ограничения Турции при попытках решения подобных проблем. Когда Грузия и Россия начали стрелять друг в друга, Турция столкнулась с ограничениями по трем направлениям. Во-первых, турецкие граждане грузинского и северокавказского происхождения лоббировали турецкое правительство, с тем, чтобы Турция встала на сторону тех или других. Во-вторых, Турция оказалась зажатой между стратегически важным партнером – Грузией – и экономически и политически важным соседом – Россией. По ряду политических, стратегических, психологических и исторических причин Турция придавала важность территориальной целостности Грузии и поддерживала ее. В то же время, Россия

была важным торговым и политическим партнером Турции. В-третьих, Турция была зажата между требованиями своего нового партнера – Российской Федерации – и своих старых союзников – США и стран НАТО. В условиях такого давления, Турция поначалу не отреагировала на Августовский кризис 2008 года, но впоследствии активизировалась, вплоть до прямого вовлечения премьер-министра Эрдогана и выдвижения им идеи создания региональной платформы. И хотя идея не имела особого успеха, она заложила основу для попытки сближения между Турцией и Арменией.

До недавнего времени Армения была единственной страной на Кавказе, в отношении которой у Турции не было заметных улучшений. В то время как в начале 1990-х у обеих сторон было понимание того, что отношения нужно развивать, в середине 1990-х оно уступило место подозрениям и недоверию на фоне событий в регионе и внутри стран, а также исторического багажа, привнесенного обеими странами во взаимоотношения между ними. Вследствие этого, сухопутная граница между странами осталась закрытой, а дипломатические отношения не были установлены.

При этом как исключение Армении из крупных региональных проектов, так и ее проблемные отношения с Турцией и Азербайджаном негативно отражались на экономическом восстановлении Армении. Ухудшившиеся экономические условия заставили многих армян искать работу в соседних странах. В итоге, даже при закрытой сухопутной границе, тысячи армян приезжали в Турцию на заработки.

При таких обстоятельствах в политических взаимоотношениях произошел интересный поворот, когда новоизбранный президент Армении Серж Саргсян пригласил президента Абдуллу Гюля на футбольный матч между национальными сборными двух стран в Ереване 6 сентября 2008 года. Тот факт, что президент

Гюль принял приглашение и совершил первый в истории визит руководителя турецкого государства в Ереван, обозначил переломный момент в армяно-турецких отношениях, подав надежду на примирение и придав необходимый политический импульс длительным секретным переговорам между турецкими и армянскими должностными лицами о нормализации отношений. Эта инициатива, казалось, заложила основу рамочного соглашения о примирении между Турцией и Арменией 22 апреля 2009 года. Краткое сообщение на вебсайтах министерств иностранных дел Турции и Армении гласило, что «стороны достигли ощутимого прогресса и ... согласовали всеобъемлющие рамки нормализации двусторонних отношений»⁷.

Однако реакция Азербайджана на открытие армяно-турецкой границы без продвижения в урегулировании карабахского конфликта вызвала в Турции всплеск недовольства, заставив премьер-министра Эрдогана приостановить процесс и во время визита в Баку 13 мая 2009 года сделать заявление о том, что Турция не откроет сухопутную границу с Арменией, если та не прекратит оккупацию азербайджанской территории. Однако к 31 августа, когда Турция и Армения были готовы объявить о согласовании двух протоколов и готовности их подписать в установленные сроки, Турция, видимо, смогла лучше объяснить свою позицию Азербайджану. В результате реакция Азербайджана в этот раз была более сдержанной, и 11 октября 2009 года Турция протоколы подписала, впрочем, дав понять турецкому обществу, что правительство не станет давить на парламент в вопросе ратификации

⁷ Charles Recknagel, "Turkey, Armenia Announce Framework for Normalizing Ties", *RFE/RL*, 23 April 2009. http://www.rferl.org/content/Turkey_Says_Agrees_Framework_For_Ties_With_Armenia/1614312.html

Mary Beth Sheridan, "Turkey and Armenia in Broad Accord", *Washington Post*, 23 April 2009; <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/04/22/AR2009042203888.html>

протоколов, в парламенте же большинство было против такого шага в отсутствие прогресса с урегулированием карабахского конфликта.

Из-за попытки сближения с Арменией у Турции произошло недолгое охлаждение в отношениях с Азербайджаном, однако после того, как турецкий парламент не ратифицировал протоколы, отношения восстановились в полном объеме, в конечном итоге выйдя на уровень, который можно классифицировать как стратегическое партнерство. Трубопроводы БТД и БТЭ, а также железная дорога Карс-Тбилиси-Баку установили стратегические связи между двумя странами, а экономические отношения и двусторонние инвестиции достигли значительных масштабов.

Турецко-азербайджанские отношения развиваются также и в области образования и культуры. Азербайджанские студенты приезжают в Турцию учиться, начинающие дипломаты проходят курсы при Министерстве иностранных дел Турции. Будучи активным сторонником программы перехода Азербайджана на латиницу, Турция составляла учебники и посылала их в Азербайджан, тем самым способствуя языковому сближению двух стран. Турецкие телеканалы ловятся в Азербайджане и имеют широкую аудиторию; с помощью прямых инвестиций и при содействии Турции в Азербайджане открыт университет, 15 средних и 11 старших школ. Такого рода культурная деятельность способствует сближению двух народов, поддерживая и дополняя политические отношения.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ И «ВОЗВРАЩЕНИЕ» ТУРЦИИ НА КАВКАЗ

44-дневная война в Нагорном Карабахе в сентябре-ноябре 2020 года повлияла на политику Турции на Кавказе, особенно по отношению к Армении и Азербайджану. В первую очередь, война

ознаменовала возвращение Турции в регион и активное вовлечение после долгих лет бездействия.

Послевоенные изменения в регионе позволили Турции заново определить свою роль в регионе. Начиная с июля 2020 года, Турция активно участвовала в делах региона, включая соглашение о прекращении огня, подписанное Арменией и Азербайджаном 10 ноября 2020 года. И хотя при текущем раскладе сил в регионе особая роль посредника в мирном урегулировании и важного политического игрока отведена России, Турция, со своей стороны, играет роль главной силы, уравнивающей потенциальные угрозы со стороны Российской Федерации. За тридцать лет Россия добилась того, что в каждой из стран Кавказа размещены ее вооруженные силы, пусть и в различном качестве, и это создает крайне неустойчивый баланс сил, чреватый множеством рисков.

И хотя уже обсуждаются различные концепции регионально-сотрудничества, делать выводы, наверное, еще рано. С уверенностью можно сказать одно: если в регионе будут реализованы какие-либо проекты разблокирования торговых путей и возобновления товарооборота, они будут благоприятны для Турции ввиду ее экономического позиционирования и связей, выходящих далеко за пределы региона.

Помощь, оказанная Турцией Азербайджану в ходе Второй карабахской войны, вышла за рамки ее традиционной политической и военной поддержки Азербайджана в конфликте с Арменией. Тем самым Турция завоевала уважение и благодарность азербайджанского общества, что может в ближайшем будущем перерасти в дальнейшее сотрудничество на международной арене и в рамках экономических проектов, и, конечно, уже позволило интенсифицировать и углубить существующие взаимоотношения, сотрудничество и стратегическое партнерство. Помимо этого, нынешнее вовлечение Турции в регион, и особенно ее военное присутствие на территории Азербайджана, пусть и

незначительное, разрядило обстановку в азербайджанском обществе, рассеяв опасения и недовольство в связи с тем, что после стольких лет конфликта на азербайджанскую территорию были введены российские миротворческие силы.

Исход войны, окончившейся возвращением оккупированных территорий Азербайджана, устранил и одно из препятствий на пути к нормализации армяно-турецких отношений. На предыдущем этапе, когда обе страны сделали шаги к примирению, подписав Цюрихские соглашения в 2009 году, именно поддержанное турецким обществом противодействие Азербайджана не позволило турецким лидерам двигаться дальше. В конце концов тогдашний турецкий премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган объявил, что пока азербайджанские земли остаются в оккупации, Турция не приступит к нормализации отношений и открытию сухопутных границ с Арменией. Так как по итогам войны проблема оккупации азербайджанских земель была решена, нормализация армяно-турецких отношений стала возможной, и в итоге между двумя странами начались переговоры. В данный момент как турецкие, так и армянские и международные источники предполагают, что переговоры в конце концов приведут к постепенной нормализации, то есть установлению дипломатических отношений и открытию сухопутных границ между двумя странами. Уже сделан ряд других шагов в этом направлении, в том числе восстановление регулярной воздушной связи, возобновление торговли через третьи страны и открытие воздушного пространства для национальных авиалиний. Если все эти шаги достигнут поставленной цели – нормализации отношений, – у Турции будет налажена связь со всеми странами Кавказа, что может открыть путь к дальнейшему региональному сотрудничеству и развитию.

Хотя турецкое руководство с энтузиазмом продвигало видоизмененный вариант одной из существующих концепций регионального сотрудничества в области безопасности в формате 3+3

(то есть объединение трех стран Кавказа с Россией, Турцией и Ираном в составе единой организации по безопасности) и заручилось в этом поддержкой России, было бы слишком оптимистичным ожидать, что эта идея начнет претворяться в жизнь, учитывая нынешнюю обстановку в регионе и в мире. Одно из главных явных препятствий – глубокое презрение, испытываемое Грузией к проекту вхождения в одну организацию с Россией, которую она считает оккупантом части ее территории. Кроме того, имеется недоверие Азербайджана к намерениям Ирана, по-прежнему нерешенный Азербайджаном и Арменией вопрос статуса Нагорного Карабаха, исторический багаж Турции и Армении, с которым предстоит разобраться, а также идущая война России с Украиной и ее потенциальные последствия для региона.

Несмотря на все это, хотя проекты дальнейшей экономической интеграции региона, политической вовлеченности и сотрудничества в области безопасности не идут так, как ожидалось, факт в том, что впервые после окончания Холодной войны и приобретения независимости тремя странами Кавказа Турция имеет возможность построить дружественные отношения с каждой из них. Этому способствуют как углубленные отношения с Азербайджаном в области экономики, политики и безопасности, так и крепкие связи с Грузией, основанные на общих интересах в том, что касается энергетических и транспортных путей, торговли и сотрудничества в области безопасности. Более того, если предложенные транспортные проекты будут реализованы, это позволит углубить связь со всеми тремя странами. Время покажет, сможет ли Турция в итоге использовать все эти возможности для своей выгоды и содействовать дальнейшей стабилизации в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика Турции на Кавказе после окончания Холодной войны прошла разные этапы, претерпела взлеты и падения. Хотя вековая советская/российская угроза безопасности Турции исчезла с распадом СССР, возникший в итоге вакуум создал у границ Турции благоприятную почву для потенциальных рисков и угроз. Даже если первоначальное видение Турции и ее оптимистичный подход к региону на заре 1990-х оказались в некоторой степени нереалистичными, воздействие, которое они возымели, определило политику Турции.

Появление независимых республик на Кавказе стало важным поворотным моментом в региональной политике Турции. В регионе, где она прежде присутствовала лишь маргинально, Турция стала одним из важных игроков. И хотя в регионе сохраняется напряженность, которую Турция и далее должна будет учитывать при планировании в сфере безопасности, и остается ряд вызовов, с которыми нужно справиться, прежде чем регион станет стабильным, все же нет сомнений, что Турция будет стремиться играть роль в делах региона, проводя в нем многоуровневую политику. Вопрос о том, насколько успешно Турция воспользуется новыми возможностями и своим возвращением в регион, пока остается открытым. Многое будет обусловлено различными событиями в регионе и мире, в том числе не зависящими от воли Турции и стран региона. Даже несмотря на внешние ограничения, находя новаторские решения региональных проблем и помещая регион в более широкий контекст, Турция сможет действовать формированию более широкого географического формата, в котором стабильные страны сотрудничают в рамках как двусторонних отношений, так и многосторонних соглашений. В случае успеха положительные результаты приумножат эффект, и точно так же негативные последствия неудач отзовутся не только в регионе, но и за его пределами.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В 2000-2020 ГОДАХ: ОТ ХОЛОДНЫХ ВОЙН К ГОРЯЧИМ

Леонид Нерсисян

В период с 2000 года в мире случилось несколько крупных вооружённых конфликтов, и заметная часть – на Южном Кавказе. Речь идёт об Августовской войне в Южной Осетии в 2008 году, Апрельской войне в Нагорном Карабахе в 2016 году и Второй карабахской войне 2020 года.

Все эти конфликты имеют разную историю, но и заметную общность: им предшествовала холодная фаза (в некоторых случаях достаточно долгая) и ярко выраженный дисбаланс в гонке вооружений. Систематизация и анализ данных о вооружённых силах сторон этих конфликтов в период до начала боевых действий позволит понять насколько вышеуказанная связь верна, а в купе с анализом сегодняшних трендов даст возможность говорить о среднесрочном прогнозировании эскалаций в имеющихся конфликтах, так как ни один из них до сих пор не урегулирован.

ПУТЬ К ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ

Если мы говорим о конфликте в Южной Осетии и Абхазии, то процесс активного усиления возможностей грузинских вооружённых сил начался практически сразу после прихода к власти Саакашвили. Так, в 2004 году военный бюджет Грузии составлял всего 172 млн лари – 1.8% от ВВП, в 2005 году эта цифра выросла до 367 млн лари (3.2% ВВП), в 2006 году – 684 млн лари (5% ВВП), в предвоенный 2007 год – 1,495 млрд лари (8.8% ВВП), а

в 2008 году достигла максимума – 1.547 млрд лари (9.1% ВВП)¹. Войне, которая разразилась в августе 2008 года, предшествовала вполне очевидная милитаризация Грузии. При этом отметим, что на первом этапе очевидного грузино-российского противостояния не просматривалось, несмотря на Аджарский кризис в 2004 году и начавшийся процесс выведения российских баз из Грузии в 2005-2006 годах.

Численность вооружённых сил Грузии была увеличена с 28 тысяч до 37 тысяч человек, а сухопутных войск – с 17 тысяч до 22 тысяч человек².

Говоря о силах самообороны Абхазии и Южной Осетии, отметим, что с 2004 года их некоторое усиление при поддержке России произошло, но о каком-либо балансе сил говорить не приходилось. По разным данным, Грузия, нарастив военный бюджет, смогла закупить более 180 танков, около 300 единиц бронемашин, более 100 единиц артиллерии, некоторое количество современных БПЛА, которых на тот момент не было в России (Skylark, Hermes-450, AeroStar) и др. Основными поставщиками стали Украина, Чехия, Турция и Израиль³.

В то же время силы самообороны Южной Осетии в лучшем случае обладали 2500 легковооружёнными ополченцами, а количество исправной военной техники было смехотворным: 10-15 единиц танков Т-55 и Т-72, несколько самоходных артиллерийских установок 2С3 «Акация» и 2С1 «Гвоздика» и буксируемых орудий Д-30, шесть реактивных систем залпового огня БМ-21

¹ Ministry of Defence of Georgia, *The White Book 2014*. <https://bit.ly/3IW01SZ>

² «Грузия решила увеличить армию на пять тысяч человек», *Lenta.ru*, 15 июля 2008г. <https://bit.ly/3oPfx8D>

³ Вячеслав Целуйко, «Реформирование грузинской армии при Саакашвили до Пятидневной войны 2008 года», в сборнике статей *Танки Августа* под ред. Михаила Барabanова (М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009г.), 11-42.

«Град» и некоторое количество боевых машин пехоты и бронетранспортёров⁴.

На момент начала конфликта, вооруженные силы Грузии имели даже во многом более современную технику, чем российская 58-я армия, однако злую шутку с Тбилиси сыграло отсутствие всяких планов на случай вмешательства России в конфликт. Катастрофический дисбаланс в силах, успехи с Аджарией и с установлением контроля над частью Кодорского ущелья подтолкнули Саакашвили к военному решению конфликта. При этом до начала самой войны наблюдалась растущая эскалация на линии соприкосновения и полёты грузинских БПЛА в небе над Осетией и Абхазией – ещё один неотъемлемый признак, указывающий на скорое начало войны.

ПУТЬ К АПРЕЛЬСКОЙ ВОЙНЕ 2016 ГОДА И ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЕ

Достаточно долгое время после завершения первой карабахской войны в 1994 году между Арменией и Азербайджаном не наблюдалось ярко выраженной холодной войны и гонки вооружений. Более того, военные траты Баку стали кардинально превышать армянские только в 2004-2005 годах. С 2006 года произошёл серьёзный рывок – военный бюджет Азербайджана удвоился и превысил 1.1 млрд долларов. Следующий рывок пришёлся на 2011 год, когда бюджет снова удвоился и составил более 2.6 млрд долларов, а пик военных трат пришёлся на 2015 год, превысив 3 млрд. В дальнейшем бюджет несколько уменьшился, но составлял около 2 млрд в год⁵. При этом наличие нефтегазовых доходов позволяло

⁴ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», в сборнике статей *Танки Августа* под ред. Михаила Барабанова (М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009г.), 45-46.

⁵ К.В. Макиенко, ред., *В ожидании бури: Южный Кавказ* (М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018г.).

стране не тратить более 4% ВВП на военные расходы. Основными поставщиками ВВТ стали Израиль, Украина, Белоруссия, Грузия, Турция и Россия.

В период с 2000 по 2010 год основными поставщиками оружия в Азербайджан являлись Украина, Белоруссия и Грузия. В основном поставлялось оружие с хранения.

Из Украины были поставлены: 72 противотанковые пушки МТ-12 «Рапира», 80 миномётов ПМ-38⁶, 45 танков Т-72Б⁷, 150 бронетранспортёров БТР-70, 19 БТР-80⁸, 2 боевые машины пехоты БМП-1, 47 бронированных ремонтно-эвакуационных машин БРЭМ БТС-5Б⁹, 12 реактивных систем залпового огня (РСЗО) 9К58 «Смерч»¹⁰, 55 122-мм гаубиц Д-30¹¹, 3 пусковые установки оперативно-тактического ракетного комплекса (ОТРК) «Точка-У»¹², 45 152-мм самоходных артиллерийских установок (САУ) 2С3 «Акация», 25 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика»¹³, 14 истребителей

⁶ National Reports to the UN Register of Conventional Arms.

⁷ «Азербайджан отказался от закупки украинских БТР-3 и БТР-4», *Minval.az*. <http://minval.az/news/19614>

⁸ National Reports to the UN Register of Conventional Arms.

⁹ Там же.

¹⁰ Диана Михайлова, «Экспорт украинских "Смерчей" в Азербайджан», запись в блоге *Live Journal*, 4 ноября 2016г. <http://diana-mihailova.livejournal.com/81140.html>

¹¹ Левон Казарян, «Украина не вмешивается в конфликты?», *Голос Армении*, 26 сентября 2007г. <http://www.golosarmenii.am/article/1789/ukraina-ne-vmeshivaetsya-v-konflikty>

¹² Диана Михайлова, «Состояние тактических ракетных комплексов 9К79-1 "Точка-У" в Вооруженных Силах Украины к началу АТО», запись в блоге *Live Journal*, 8 ноября 2016г. <https://bit.ly/3s1fhoR>

¹³ National Reports to the UN Register of Conventional Arms.

МиГ-29¹⁴, 12 учебно-тренировочных самолётов (УТС) L-39¹⁵, десятки тысяч единиц стрелкового оружия¹⁶.

Из Белоруссии были поставлены: 153 танка Т-72, 60 БТР-70, 12 203-мм САУ 2С7 «Пион», 90 122-мм гаубиц Д-30, 11 штурмовиков Су-25¹⁷. Кроме того, белорусской компанией «Тетраэдр» были модернизированы зенитные ракетные комплексы (ЗРК) «Оса» и С-125¹⁸.

Из Грузии были поставлены: 26 штурмовиков Су-25 и технологии по их ремонту¹⁹.

Из России в тот же период были поставлены: 62 танка Т-72Б, 4 БРЭМ-1 и 6 152-мм гаубиц «Мста-Б» с хранения²⁰. Кроме того, некоторая часть закупленной техники была новой, а именно 70 новых БТР-80А, 100 противотанковых ракетных комплексов (ПТРК) «Корнет»²¹, 6 вертолётов Ми-17-1В, 2 вертолёт Ка-32А²² и самолёт-амфибия Бе-200ЧС.

На период с 2009 по 2016 год наметился расцвет военно-технического сотрудничества России и Азербайджана; стоимость контрактов, заключённых между Москвой и Баку составила примерно

¹⁴ Database of the State Customs Service of Ukraine.

¹⁵ Диана Михайлова, «Поставка в Азербайджан ЗРК С-125-2ТМ модернизированных белорусским УП "Тетраэдр"», запись в блоге *Live Journal*, 7 сентября 2017г. <https://diana-mihailova.livejournal.com/970217.html>

¹⁶ National Reports to the UN Register of Conventional Arms.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Михайлова, «Поставка в Азербайджан ЗРК С-125-2ТМ модернизированных белорусским УП "Тетраэдр"».

¹⁹ Асмик Меликсетян, Лаура Саркисян и Карен Вртанесян, «Грузия продала Азербайджану 15 штурмовиков Су-25 и технологии для их ремонта», *RAZM.info*, 3 августа 2015г. <https://razm.info/ru/6800>

²⁰ Н. Ниязов, «Российско-азербайджанское военно-техническое сотрудничество в 1994-2010 годах», *Вестник СПбГУ* 6, № 3 (2011г.).

²¹ National Reports to the UN Register of Conventional Arms.

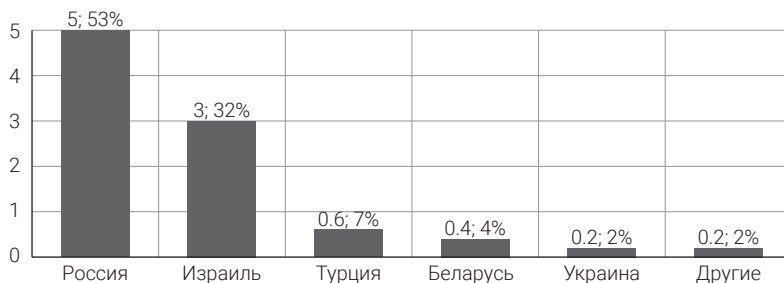
²² BMPD, «Азербайджан как крупнейший получатель российских вертолетов», запись в блоге *Live Journal*, 21 декабря 2011г. <https://bmpd.livejournal.com/132859.html>

\$5 млрд. К 2018 году большая часть поставок была завершена, а информации по новым крупным контрактам до сих пор нет.

За указанный период были поставлены 2 дивизиона ЗРК С-300ПМУ-2, 100 танков Т-90С (опцион на ещё 100 реализован не был), 118 БМП-3, 230 БТР-82А, 18 152мм САУ «Мста-С», 18 САУ «Вена», 18 РСЗО «Смерч», 24 тяжёлые огнемётные системы ТОС-1А «Солнцепёк», два дивизиона самоходных ПТРК «Хризантема-С», ряд инженерных машин и боеприпасы, 300 переносных зенитных ракетных комплекса (ПЗРК) «Игла-С», 24 вертолёта Ми-35М (опцион ещё на 12 не реализован), 71 транспортный вертолёт Ми-17-1В. Кроме того, было налажено лицензионное производство 120 тысяч автоматов Ак-74М до 2021 года²³.

При этом постепенно акцент на закупки в последние годы перешёл на Израиль, Белоруссию и Турцию. За период с 2008 года по сегодняшний день Азербайджан приобрёл в Израиле более чем на \$3 млрд, в Турции – более чем на \$600 млн, в Белоруссии – не менее, чем на \$400 млн²⁴.

Доля стран в закупках Азербайджана в период с 2008 года в млрд долларов

Что касалось вооружения армянских армий, то их большая часть – советские образцы. Заметная часть оружия переключалась в АО НКР из азербайджанской армии в виде трофеев во

²³ Макиенко, ред., *В ожидании бури: Южный Кавказ*, 33-47.

²⁴ SIPRI Database.

время первой карабахской войны. Почти сразу после войны начались поставки российского оружия из состава вооружённых сил, несмотря на действующее распоряжение от 1993 года о запрете поставок вооружения сторонам карабахского конфликта²⁵. Периодически поставки активизировались, например, после вывода российской базы из Грузии²⁶, а также после 2010 года. Согласно данным источников в Министерстве обороны Армении, с 2010-2011 годов из России поставлялось до 50-80 единиц бронетехники с хранения в год. В основном это были танки Т-72 разных модификаций и боевые машины пехоты БМП-2. Часть техники, находящаяся не в лучшем состоянии, шла на «технологический каннибализм» (на запчасти), часть ставилась на вооружение и, как правило, оказывалась в составе АО Арцаха.

С 2013 года, на фоне активнейших закупок современного вооружения Азербайджаном, начались переговоры о приобретении нового российского вооружения²⁷. В первую очередь речь шла об ОТРК «Искандер-Э», которые впервые были продемонстрированы во время военного парада в честь Дня независимости Армении в сентябре 2016 года²⁸. Помимо этого, удалось достичь договорённости о регулярном предоставлении льготных военных кредитов – были реализованы поставки по первому кредиту на \$200 млн и \$100 млн, велись переговоры по третьему соглашению ещё на \$100 млн²⁹.

²⁵ Максим Ё-Жуков, «Россия действительно подарила Армении военную технику», *Коммерсантъ*, 14 марта 1997г. <https://www.kommersant.ru/doc/174254>

²⁶ «Вывод российских военных подразделений ГРЗВ из Грузии завершён», *Кавказский узел*, 14 декабря 2006г. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/105361/>

²⁷ Кирилл Рябов, «Российские "Искандеры" в Армении», *Военное обозрение*, 10 июня 2013г. <https://topwar.ru/29215-rossiyskie-iskandery-v-armenii.html>

²⁸ Гамлет Матевосян, «На военном параде в Армении представили комплексы «Искандер» и РСЗО «Смерч»», *РИА Новости*, 21 сентября 2016г. <https://ria.ru/20160921/1477483989.html>

²⁹ Леонид Нерсисян, «На что Армения потратит новый российский военный кредит?», *REGNUM*, 14 октября 2017. <https://regnum.ru/news/polit/2334251.html>

Учитывая возможность Армении закупать российское оружие по льготным, внутрироссийским ценам (фиксированы в рублях), эти кредиты позволили стране начать процесс перевооружения.

Львиная доля поставок даже по первому кредиту пришлось на период после Апрельского обострения 2016 года и включала в себя, предположительно, 8 РСЗО «Смерч», 1-2 единицы систем радиотехнической разведки «Автобаза-М», переносные зенитно-ракетные комплексы «Игла-С», бронев автомобили «Тигр», противотанковые ракетные комплексы «Конкурс-М», противотанковые гранатомёты РПП-26, стрелковое вооружение, двигатели и прицелы для танков Т-72 и боевых машин пехоты, средства связи, различную инженерную технику и грузовые автомобили фирмы «КамАЗ»³⁰.

На средства второго кредита были приобретены 6 пусковых установок современных ЗРК малой дальности «Тор-М2КМ», переносные противотанковые комплексы «Корнет-Э», комплексы радиоэлектронной борьбы (РЭБ) «Репеллент» и другая специализированная техника, и компоненты^{31 32 33}.

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ АПРЕЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

В отличие от ситуации с Грузией, Южной Осетией и Абхазией, карабахский конфликт шёл к масштабной войне постепенно, но неумолимо. Как выше уже было продемонстрировано, Азербайджан до 2015-2016 годов в гонке вооружений фактически участвовал в

³⁰ «Россия поставила Армении оружие по кредитному договору на \$200 млн», РБК, 23 июля 2018г. <https://bit.ly/3oO5ksU>

³¹ «ВС Армении пополнились комплексами "Репеллент" для борьбы с БПЛА», REGNUM, 30 марта 2018г. <https://regnum.ru/news/economy/2397939.html>

³² Леонид Нерсисян, «Армения получила на вооружение российские ПТРК "Корнет-Э"», REGNUM, 29 ноября 2018г. <https://regnum.ru/news/polit/2373301.html>

³³ «Армения приобрела российские ЗРК "Тор-М2КМ"», ТАСС, 21 декабря 2019г. <https://bit.ly/30nOMi2>

одиночестве, и смог достичь критического преимущества уже в 2013-2014 годах. Этот факт начался сказываться сразу и привел к растущему напряжению на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и армяно-азербайджанской границе. В период с 2014 по 2016 год калибр и типы используемых вооружений неуклонно росли^{34 35}, а в 2016 году Азербайджан провел достаточно крупную наступательную операцию, которая получила название Апрельской войны. Фактически это оказалось своего рода «разведкой боем».

Активные боевые действия, которые велись 4 дня, успели продемонстрировать множество изменений, произошедших с Вооруженными силами Азербайджана. Это касалось как стратегического, так и тактического уровня.

Азербайджанский генеральный штаб и политическое руководство смогли спланировать операцию таким образом, что армянские подразделения были застигнуты врасплох. Это удалось сделать за счёт постепенного увеличения количества столкновений на границе, полётов разведывательных БПЛА, накопления сил на приграничных территориях под предлогом военных учений и их оставления там. Как итог, операцию удалось начать неожиданно, и армянская разведка смогла распознать угрозу только увидев наступающие группы азербайджанского спецназа³⁶.

Сами спецподразделения оказались хорошо обучены, отлично экипированы и мобильны. Это позволило в первые часы операции зачистить и захватить опорные пункты на переднем крае на севере

³⁴ «Азербайджан сбил вертолет, летевший из Карабаха», *BBC News*, 12 ноября 2014г. <https://bbc.in/3dR3Zv2>

³⁵ Леонид Нерсисян, «Конец перемирия в Нагорном Карабахе впервые с 1994 года заговорила артиллерия», *Lenta.ru*, 28 сентября 2015г. <https://lenta.ru/articles/2015/09/28/karabakh/>

³⁶ «Минобороны Армении: мы обладали разведанными о возможном нападении Азербайджана», *Газета.ru*, 6 апреля 2016г. <https://www.gazeta.ru/army/news/8469497.shtml?updated>

и юге линии соприкосновения в Нагорном Карабахе. В дальнейшем их успех развить на должном уровне не удалось, что было вызвано разными факторами: недостаточным масштабом боевых действий, достаточно низким уровнем подготовки общевойсковых подразделений, упорством обороняющихся и т.д. При этом уже война 2016 года продемонстрировала серьезные проблемы в деле противостояния угрозе с воздуха. Так, многие цели были поражены барражирующими боеприпасами (дронами-камикадзе) Нагор, а разведку вел целый ряд израильских аппаратов: Hermes-450, Aerostar, Thunder-B, IAI Heron и др.³⁷ Армянской стороне тогда удалось сбить лишь небольшое число БПЛА, а Азербайджан не предпринял попытки подавить армянскую систему ПВО, судя по всему, из-за изначально запланированного ограниченного масштаба военной операции.

Как выше уже было отмечено, основные поставки новой военной техники в Армению начались уже после Апрельской войны, хотя армянские власти и спохватились в период с 2013 по 2015 год, начав запоздалые переговоры о закупках и кредитах. Однако несмотря на немалый объём закупок, восстановить баланс за 4 года не удалось – в данном случае Армения уже участвовала в гонке вооружений, но не смогла подойти к процессу оптимальным образом, потратив свои ограниченные средства не лучшим образом.

Так, помимо указанных выше поставок по российским кредитам, Армения также закупила на собственные средства четыре многоцелевых истребителя Су-30СМ за сумму около \$150 млн (с учётом боеприпасов и запчастей)³⁸, 35 ЗРК малой дальности «Оса-АК» с хранения ВС Иордании за примерно \$27 млн³⁹, четыре индийские

³⁷ Павел Котляр, «Израильские камикадзе на службе Азербайджана», *Газета.ru*, 8 апреля 2016г. <https://www.gazeta.ru/army/2016/04/08/8165951.shtml>

³⁸ «Озвучена стоимость российских истребителей СУ-30см для ВВС Армении», *АвиаПОРТ*, 20 ноября 2020г. <https://www.aviaport.ru/digest/2020/11/20/659283.html>

³⁹ «Оружейная мафия или выстрел в ногу армии: что стоит за "разоблачениями" Минасяна?», *Sputnik Армения*, 2 июня 2020г. <https://bit.ly/3sSlZuc>

радиолокационные станции контрбатареи борьбы Swathi за примерно \$40 млн⁴⁰ и множество других средств, включая огромное количество боеприпасов. Точно оценить инвестированные суммы невозможно из-за закрытости информации по объёмам и стоимости поставок боеприпасов, но однозначно можно сказать, что с 2016 по 2020 год Армения потратила на военные закупки не менее \$500 млн. При более широкой субъективной оценке, с учётом подписанных, но не реализованных на тот момент контрактов, сумма однозначно превосходит \$700 млн.

Однако же эти инвестиции не привели к восстановлению наиболее критических дисбалансов: низкой мобильности (в том числе артиллерии) войск, низких возможностей в воздушной войне (речь не только о противовоздушной обороне, но и ударных системах, в первую очередь беспилотных), малого количества реактивных систем залпового огня большого калибра и недостатка современных дальнобойных противотанковых ракетных комплексов. Как итог – Азербайджан только продолжал наращивать потенциал в наиболее критических для армянских вооружённых сил областях и, несмотря на немалые средства, потраченные Ереваном, смог даже нарастить своё преимущество к 2020 году. Это в сочетании с масштабной военной и политической поддержкой Турции подтолкнуло Баку к началу Второй карабахской войны.

ВЫВОДЫ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Как мы видим, все три войны на Южном Кавказе стали следствием сильного нарушения баланса сил между противниками. При этом в случае с Августовской войной 2008 года у самой Южной Осетии не было никаких ресурсов для самостоятельного усиления своего ополчения и трансформации его в небольшую, но

⁴⁰ Chitranjan Kumar, "India Pips Russia, Poland to Secure \$40 Million Defence Deal with Armenia," *BusinessToday.In*, 14 December 2021. <https://bit.ly/31Owils>

боеспособную армию, а Россия не стала оказывать масштабную военно-техническую помощь, видимо, опасаясь за свой миротворческий статус. В итоге России пришлось вмешиваться уже во время активной фазы боевых действий.

Сама Августовская война 2008 года привела к ожидаемому военному поражению Грузии. Главным итогом боевых действий стало признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. В этих новых республиках появились две крупные российские военные базы, а собственные вооруженные силы (особенно в Южной Осетии) постепенно тесно в них интегрировались.

7-я военная база в Абхазии была создана на базе 131-й отдельной мотострелковой бригады 58-й общевойсковой армии (именно она была основной силой в августе 2008 года). На вооружении базы стоят модернизированные танки Т-72Б3 (около 40 единиц), бронетранспортеры БТР-82АМ (не менее 135 единиц), дивизион реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Град» (18 единиц), два дивизиона зенитных ракетных комплексов (ЗРК) большой дальности С-300 и другая военная техника^{41 42 43 44}.

4-я военная база в Южной Осетии близка по возможностям к аналогичной в Абхазии и имеет на вооружении танки Т-72Б, Т-90А (не менее 40 единиц), боевые машины пехоты БМП-2 и БМП-3 (более 120 единиц), бронетранспортеры БТР-82А (до 36-ти единиц), РСЗО «Град» (18 единиц) и «Смерч» (не менее 2-х единиц), ЗРК

⁴¹ Макиенко, ред., *В ожидании бури: Южный Кавказ*, 108.

⁴² Министерство обороны Российской Федерации, «На российскую военную базу в Абхазии поступит более 80 единиц новейших БТР-82АМ», 6 мая 2014г. <https://bit.ly/3s5nIQc>

⁴³ Министерство обороны Российской Федерации, «Более 2 тыс. военнослужащих российской военной базы в Абхазии выполняют боевые стрельбы в составе подразделений», 16 января 2017г. <https://bit.ly/3oUQSiI>

⁴⁴ Министерство иностранных дел Российской Федерации, «Комментарий официального представителя МИД России А. А. Нестеренко», 13 августа 2010г. <https://bit.ly/3GL4OSu>

среднего радиуса действия «Бук-М1» и другую технику^{45 46 47 48 49}. Кроме того, на границе с Грузией была создана достаточно мощная система укреплений. Суммарно на двух базах служат не менее 7 тыс. человек, еще около 3-3,5 тыс. человек относятся к подразделениям самих Абхазии⁵⁰ и Южной Осетии^{51 52}.

Перечисленных российских сил достаточно (особенно с учетом масштабных возможностей боевой авиации), чтобы гарантировать заморозку обоих конфликтов. Возобновление боевых действий в Абхазии и Южной Осетии возможно только в результате очень серьезной дестабилизации, при сценарии масштабной региональной войны с участием большого количества игроков. Сегодня мы можем наблюдать стабилизацию российско-грузинских отношений, по крайней мере, в экономическом аспекте. Это происходит даже с учетом достаточно глубоких отношений Грузии и НАТО, что еще больше говорит о мизерной вероятности эскалации. Нет реальных

⁴⁵ Макиенко, ред., *В ожидании бури: Южный Кавказ*, 111-112.

⁴⁶ Министерство обороны Российской Федерации, «Военнослужащие российской военной базы в Южной Осетии совершенствуют полевую выучку», 5 декабря 2013г. <https://bit.ly/3m4kgVs>

⁴⁷ Министерство обороны Российской Федерации, «Более 1000 единиц вооружения и техники подготовлено к началу летней боевой учебы на российской военной базе в Южной Осетии», 1 июня 2016г. https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12086259

⁴⁸ Министерство обороны Российской Федерации, «При подготовке экипажей боевых машин российской военной базы в Южной Осетии применяются БЛА», 2 декабря 2014г. <https://bit.ly/3m2XzxС>

⁴⁹ «Россия разместила в Южной Осетии системы "Смерч"», *Lenta.ru*, 6 декабря 2010г. <https://lenta.ru/news/2010/12/06/smerch/>

⁵⁰ «Леонид Тибилев: "Идея вхождения Южной Осетии в Россию жива"», Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия, 30 марта 2017г. <https://bit.ly/320zb8q>

⁵¹ Ольга Алленова, «Надо готовиться к отражению», *Коммерсантъ*, 4 августа 2010г. <https://bit.ly/3уqUKuY>

⁵² Тихон Дзядко, Интервью с Сергеем Багапшем, *Радио «Эхо Москвы»*, 15 июля 2009г. <https://bit.ly/3GHD6pX>

признаков подготовки к войне и в том, как Грузия восстанавливает потенциал и строит армию после поражения в 2008 году. Объем военного бюджета упал с 8.8% и 9.1% в 2007 и 2008 годах соответственно до 1.9% в 2017 году.

Что касается карабахского конфликта, то, по итогам Второй карабахской войны, он в большей степени трансформировался в армяно-азербайджанский конфликт. Теперь основные столкновения происходят именно на армяно-азербайджанской границе, а в самом Нагорном Карабахе ситуация относительно спокойна, по крайней мере до тех пор, пока там находятся российские миротворцы.

При этом военный баланс между Арменией и Азербайджаном на сегодняшний день нарушен сильнейшим образом. Армянская сторона потеряла огромное количество техники, по приблизительным оценкам, по данным открытых источников, число потерянных наземных транспортных средств составило не менее 1495 единиц: около 249 танков, 110 БТР и БМП, 343 артиллерийские установки, 112 компонентов ПВО, 178 внедорожников и 475 грузовых автомобилей⁵³. Это число может быть несколько завышенным за счёт того, что часть трофейной техники была подбита на кадрах с азербайджанских беспилотников и в итоге была дважды посчитана, также некоторые из уничтоженных машин были макетами, что особенно актуально в отношении систем ПВО. Это, однако, не умаляет потери более 50% техники во многих категориях. В сочетании с этим передача приграничных с Арменией районов Нагорного Карабаха образовала новую длинную и необорудованную границу с Азербайджаном, на защиту которой нужно больше личного состава и техники.

Всё это говорит о том, что вероятность третьей полномасштабной войны очень высока, особенно в период через 4 года

⁵³ Stijn Mitzer, Joost Oliemans, and Dan, "The Fight for Nagorno-Karabakh: Documenting Losses On the Sides of Armenia and Azerbaijan," *ORYX*, 27 September 2020. <https://bit.ly/3oR6TpV>

(продление или непродление мандата российских миротворцев в Нагорном Карабахе) и через 9 лет (завершение мандата российских миротворцев). Не исключена и достаточно крупная войсковая операция Азербайджана в Сюнике, по масштабам сходная с Апрельской войной 2016 года. Такой сценарий Баку может избрать с целью оказать давление по вопросу создания так называемого «Зангезурского коридора», соединяющего основную территорию Азербайджана с Нахиджеваном через территорию Армении.

Исправить эту ситуацию может только очень масштабное перевооружение ВС Армении, которое в сжатые сроки возможно только при внешнем содействии. При этом Ереван должен не просто прямолинейно восстановить довоенные запасы техники и боеприпасов, а провести глубокую работу над ошибками, на основе которой должна быть проведена военная реформа. Что касается поставок вооружений, то они должны отвечать современным требованиям и способствовать усилению в вышеуказанных, наиболее критически слабых областях – мобильной самоходной артиллерии, ударных и разведывательных беспилотников, современных средств противовоздушной обороны, противотанковых средств и реактивных систем залпового огня (учитывая огромные потери, уже всех калибров).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Количество отдельных видов вооружений и военной техники силовых структур Азербайджанской Республики по состоянию на 1995 г.

№ п/п	Танки	БМП	БТР	Артиллерия кал. ≥100мм (в т.ч. РСЗО)	Противотанковые ракетные комплексы	Зенитные ракетные комплексы	Боевые самолёты	Ударные вертолёты
Техника Вооруженных сил	T-55 – 100 T-72 – 121	БМП-1 – 44 БМП-2 – 41 БМП-3 – 1 БРМ-1 – 21 БМД-1 – 28	БТР-60 – 25 БТР-70 – 28 БТР-80 – 11 МТ-ЛБТ – 196 БТР-Д – 11	2А36 «Гиацинт-Б» 152 мм – 22 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика» – 12 120-мм САУ 2С9 «Нопа-С» – 26 Д-20 152-мм – 30 Д-30 122-мм – 92 М-46 130-мм – 36 МТ-12 «Рапира» 100мм – 72 120-мм миномёт ПМ-38 – 47 122-мм РСЗО БМ-21 «Град» – 53	ПТРК «Фагот» ПТРК «Конкурс» ПТРК «Малютка»	С-75М2/М3 – 6 дивизионов С-125М/М1 – 11 дивизионов С-200ВМ – 4 дивизиона Оса-АКМ – 12 Стрела-10 – 15 Круг-М1 – 4 дивизиона ПЗРК «Стрела-3» и «Стрела-2М»	МиГ-21 – 5 МиГ-25 – 32 Су-17 – 4 Су-24 – 5 Су-25 – 8	Ми-24 – 15
Техника других силовых структур	0	БМП-1 – 21 БМП-2 – 147	БТР-60 – 17 БТР-70 – 5 БТР-80 – 4	0			0	0
Всего	221	303	297	390			54	15

Таблица 2. Примерная оценка количества отдельных видов вооружений и военной техники силовых структур Азербайджанской Республики по положению на 2020 г.

N п/п	Танки	БМП	БТР	Артиллерия кал. ≥100мм (в т.ч. РСЗО)	Оперативно-тактические ракетные комплексы	ПТРК	ЗРК	Боевые самолёты	Ударные вертолёты
Техника Вооруженных сил	Т-72 – 376 (часть на хранении) Т-90 – 100 Т-55 – до 94 (на хранении)	БМП-2 – 39 БМП-3 – 119 БРМ-1 – 21 (возможно на хранении) БМП-1 – 40 (на хранении)	БТР-70 – 254 БТР-80 – 29 БТР-82А – 230 МТ-ЛБ – 196 Marauder – несколько десятков Matador – несколько десятков	122-мм САУ 2С1 «Гвоздика» – 46 152-мм САУ 2С3 «Акация» – 45 203-мм САУ 2С7 «Пион» – 12 120-мм САУ 2С9 «Нопа-С» – 25 152-мм САУ 2С19 «Мста-С» – 18 120-мм САУ 2С31 «Вена» – 18 2А36 «Гиацинт-Б» – 152-мм – до 42 152-мм САУ Dala – 36 130-мм САУ ATMOS – 5 Д-20 152-мм – 24 Д-30 122-мм – 225 М-46 130-мм – 36 МТ-12 «Рапира» – 100-мм – 72 120-мм миномёт 2Б11 + 82-мм миномёт 2Б24 – около 400	«Точка-У» – 3 ПУ 9П129-1М и 24 ракеты 9М79-1 ОТРК Loga – 4 пусковые установки и 50 ракет	Самоходный ПТРК «Хризантема-С» – 24 ПТРК «Корнет-Э» ПТРК Spike ПТРК «Фагот» ПТРК «Конкурс»	С-300ПМУ-2 – 2 дивизиона С-200ВМ – одна батарея Бук-МБ – 4 дивизиона Вагак-8 – 1 дивизион С-125-2ТМ «Печора-2ТМ» – 27 пусковых установок «Оса-1Т» – до 36 Т38 «Стилет» – неизвестное количество Оса-АКМ – неизвестное количество ПЗРК «Игла-С» – более 300 ПЗРК «Игла-1»	Су-25 – до 42 МиГ-29 – 13	Ми-24 – до 26

№ п/п	Танки	БМП	БТР	Артиллерия кал. ≥100мм (в т.ч. РСЗО)	Оперативно-тактические ракетные комплексы	ПТРК	ЗРК	Боевые самолёты	Ударные вертолёты		
				120-мм миномёт Spear Mk 2 - ? 120-мм миномёт ПМ-38 – 107 122-мм РСЗО БМ-21 «Град» – 44 122-мм РСЗО RM-70 – 30 107-мм РСЗО T-107 – 30 122-мм РСЗО T-122 – 40 302-мм РСЗО T-300 Kasirga – 21 300-мм РСЗО 9A52 ТОС-1А «Смерч» – 30 «Солнцелёт» – 24 128-мм РСЗО РАК-12 – 10 Мультикалиберная РСЗО Lupo – 18 301-мм РСЗО «Полонез» – 10							
Техника других силовых структур	0	БМП-1 – 21 БМП-2 – 147	БТР-3У – 3 БТР-70 – 5 БТР-80 – 4 БТР-80А – 70	120-мм миномёт CARDOM – 10	0			0	Ми-35М – 24		
Всего	до 570	до 387	более 800	более 1000	5+			до 56	до 50		

Таблица 3. Количество отдельных вооружений и военной техники силовых структур Республики Армения и Республики Арцах по положению на 1995 г.

Танки	БМП*	БТР*	Артиллерия калибром ≥ 100 мм (в т.ч. РСЗО)	Противотанковые ракетные комплексы	Зенитные ракетные комплексы	Боевые самолёты	Ударные вертолёты
В основном Т-72, Т-54/55 – не более 20 единиц	БМП-1 – 201 БРМ-1К – 20 БМП-2 – 5 БМД-1 – 10 До 70 БМП в Нагорном Карабахе	БТР-60 – 24 БТР-70 – 76 БТР-80 – 4 БТР-152 – 12 МТ-ЛБ – неизвестное количество БРДМ-2 – неизвестное количество До 20 БТР в Нагорном Карабахе	2А36 «Гладиатор-Б» – 152-мм – 26 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика» – 10 152-мм САУ 2С3 «Акация» – 28 Д-20 152-мм – 34 Д-30 122-мм – 69 Д-1 152-мм – 2 122-мм РСЗО БМ-21 – 47 120-мм миномёты – 31 До 298 единиц в Нагорном Карабахе (те же типы)	Самоходный ПТРК Штурм-С – 27 ПТРК «Конкурс» ПТРК «Малютка» ПТРК «Фатог»	С-125М – до 8 дивизионов С-75МЗ – несколько дивизионов 2К11М1 «Круг-М1» – 3 дивизиона «Оса-АК» и «Оса-АКМ» – неизвестное количество «Стрела-10» – неизвестное количество ЗСУ-23-4 «Шилка» – более 40 единиц ПЗРК «Игла-1» и «Стрела-2» 2К12 «Куб» – неизвестное количество ЗУ-23 – 2	Су-25 – 5 МиГ-25 - 1	Ми-24 - 7
Всего	До 306	Не менее 136	До 545			6	7

* включает в себя также технику других силовых структур, таких как МВД и т.п.

Таблица 4. Примерная оценка количества отдельных видов вооружений и военной техники силовых структур Республики Армения и Республики Арцах по положению на 2020 г.

Танки	БМП*	БТР*	Артиллерия кал. ≥100мм (в т.ч. РСЗО)	ОТРК	ПТРК	ЗРК	Боевые самолёты	Ударные вертоле- ты
В основном Т-72, Т-54/55 – не более 20 единиц	БМП-1 и БМП-2 – не менее 200 Не менее 200 БМП-1 и БМП-2 в Нагорном Карабахе (в отличие от Армении, преобладают БМП-2)	БТР-60 – 19 БТР-70 – 54 БТР-80 – 114 МТ-ЛБ – до 200 БРДМ-2 – некоторое количество БТР-152 – 6 Не менее 100 БТР (включая МТ-ЛБ и БРДМ-2) в Нагорном Карабахе	2А36 «Гиацинт-Б» 152-мм – 26 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика» и 152-мм САУ 2С3 «Акация» – суммарно до 62 Д-20 152-мм – 34 Д-30 122-мм – 85 М-46 – некоторое количество Д-1 152-мм – 2 МТ-12 «Рапира» 100-мм – 40 122-мм РСЗО БМ-21 «Град» – не менее 60 273-мм РСЗО WM-80 – 4	«Точка-У» – не менее 4 ПУ «Искандер-Э» – бригадный комплект (не менее 8 ПУ) Р-17 «Эльбрус» – 8 ПУ	Самоходный ПТРК Штурм-С – не менее 27 ПТРК «Конкурс» ПТРК «Малютка» ПТРК «Фалгот» ПТРК «Метис» ПТРК «Корнет-ЭМ»	С-300ПТ-1 – 3 дивизиона С-300ПС – 2-3 дивизиона С-125М – до 8 дивизионов, часть модернизирована «Малютка» на до уровня Печора-2М «Оса-АК» и «Оса-АКМ» – неизвестное количество модернизированной авиации ВПК Армении «Стрела-10» – неизвестное количество Тор-М2КМ – 6 ПУ ЗСУ-23-4	Су-25 – 14 Су-30СМ – 4	Ми-24 – до 24

Танки	БМП*	БТР*	Артиллерия кал. ≥100мм (в т.ч. РСЗО)	ОТРК	ПТРК	ЗРК	Боевые самолёты	Ударные вертоле- ты
В основном Т-72, Т-54/55 – не более 20 единиц	БМП-1 и БМП-2 – не менее 200 Не менее 200 БМП-1 и БМП-2 в Нагорном Карабахе (в отличие от Армении, превалиру- ют БМП-2)	БТР-60 – 19 БТР-70 – 54 БТР-80 – 114 МТ-ЛБ – до 200 БРДМ-2 – некоторое количество БТР-152 – 6 Не менее 100 БТР (вклю- чая МТ-ЛБ и БРДМ-2) в Нагорном Карабахе	300-мм РСЗО «Смерч» – не менее 8 120-мм мино- мёты – до 80 В Нагорном Карабахе не менее 24 РСЗО БМ-21 «Град», 200-300 единиц артиллерийских орудий кали- бром 122-мм и выше (Д-30, Д-20, 2А36, МЛ- 20, М-46, 2С3 и 2С1)	«Точка-У» – не менее 4 ПУ «Искандер-Э» – бригадный комплект (не менее 8 ПУ) Р-17 «Эльбрус» – 8 ПУ	Самоходный ПТРК Штурм-С – не менее 27 ПТРК «Конкурс» ПТРК «Малютка» ПТРК «Фагот» ПТРК «Метис» ПТРК «Корнет- ЭМ»	«Шилка» – более 40 единиц ПЗРК «Игла- 1», «Стрела-2», «Игла-С» и «Верба» 2К12 «Куб» – неизвестное количество ЗУ-23 – 2	Су-25 – 14 Су-30СМ – 4	Ми-24 – До 24
Всего	До 400	Не менее 487	Не менее 625	Не менее 20			14	До 24

* включает в себя также технику других силовых структур, таких как МВД и т.п.

ОТСТАВАНИЕ ЭКОНОМИК ЮЖНОГО КАВКАЗА: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Грант Микаелян

ВВЕДЕНИЕ. ГДЕ НАХОДЯТСЯ ЭКОНОМИКИ ЮЖНОГО КАВКАЗА СЕЙЧАС?

К настоящему моменту прошло уже 30 лет с момента обретения независимости странами Южного Кавказа, и это само по себе достаточный повод для рассмотрения экономических результатов и анализа пройденного пути. Выделенный рамками конференции временной период несколько уже – чуть более 20 лет, хотя вопрос периодизации выходит за пределы собственно хронологической рамки¹. Поэтому в процессе рассмотрения проблем, связанных с экономическим развитием постсоветского Южного Кавказа, нам придется учитывать оба временных горизонта с тем, чтобы в одних случаях оценивать долгосрочные тенденции, а в других – результаты за весь период экономического транзита.

Временная перспектива влияет не только на угол зрения, но и на направление. К примеру, 15 лет назад страны были на подъеме, экономика росла быстрыми темпами, а конфликты не выглядели не только нерешаемыми: многим наблюдателям казалась реалистичной перспектива решения конфликтов ко всеобщей выгоде. Грузия

¹ Eric Hobsbawm, *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914-1991* (London, 1994).

объявлялась маяком свободы², Армения – экономическим тигром³, а Азербайджан характеризовался самыми высокими темпами роста в мире (в период 2005-2009 годов), создавая витрину экономического бума при миксе культур на стыке макрорегионов.

Однако эта картина была во многом иллюзорной, что стало очевидным, когда восстановительный потенциал и эффект низкой базы иссяк. Никуда не делась конфликтность в регионе, на него проецировались международные (2008, 2020) и региональные экономические кризисы (1998, 2014), а собственные структурные проблемы оказались достаточными, чтобы привести к экономическому торможению. Поэтому картина легкого перехода к «светлому будущему» распалась и перспективы выглядят куда менее определенно.

Причин тому довольно много, и мы попробуем рассмотреть как минимум их часть в этой статье. Но для начала целесообразнее всего будет охарактеризовать текущую ситуацию. Один из способов это сделать – сопоставить уровень экономического развития на Южном Кавказе с другими регионами мира. В наиболее общем виде это может быть выражено валовым внутренним продуктом (ВВП) на душу населения. Этот показатель отражает уровень экономического развития, хотя иногда может подвергаться сильному искажению из-за доминирования сырьевого сектора. В то же время, не стоит его путать с уровнем жизни населения, который он не отражает.

² “Bush Hails Georgia as “Beacon of Liberty”, *The Guardian*, 10 May 2005. <https://bit.ly/3PmH1wf>

В последнее время эта оценка больше не повторяется. Георгий Лебанидзе, «Грузия при Саакашвили: “Маяк демократии” или “режим убийц”?», *RFI*, 8 февраля 2015г. <https://bit.ly/3w4CSGy>

³ Saumya Mitra, et al. *The Caucasian Tiger. Sustaining Economic Growth in Armenia* (Washington, DC: World Bank, 2007).

Стоит отметить, что уже в 2009 году ВВП Армении упал на 14%, что стало одним из самых больших темпов спада, и с тех пор рост был гораздо медленнее, чем до 2008 года.

Таблица 1. ВВП на душу населения на Южном Кавказе и в других регионах мира*⁴

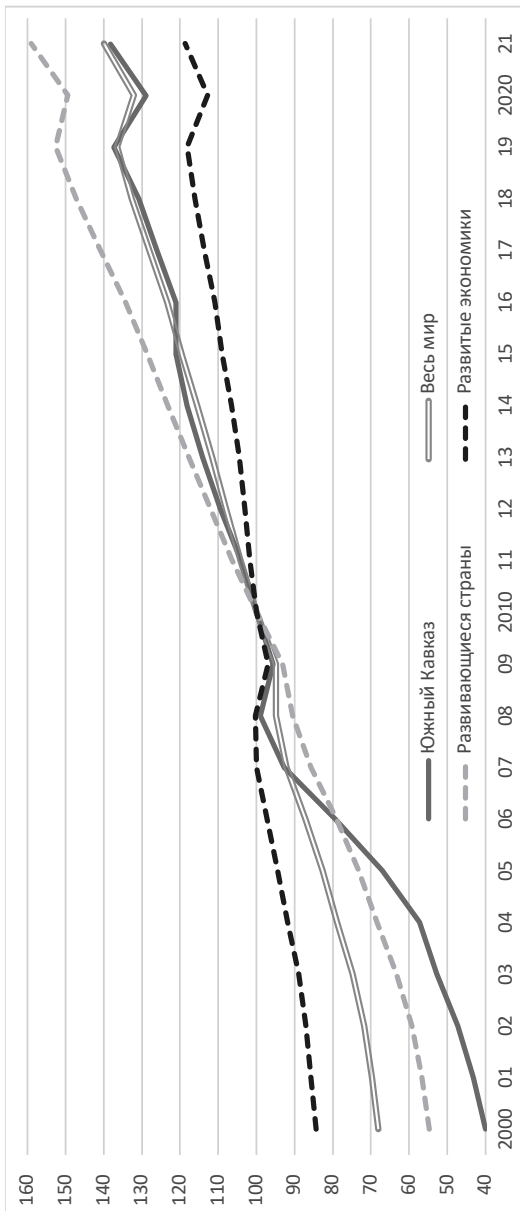
По географическим регионам	2019	В % от богатых стран
Южный Кавказ**	14,360	28.4
Ближний Восток и Северная Африка	16,040	31.8
Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн	17,650	35.0
Восточная Европа и Центральная Азия	23,090	45.7
Европейский союз	44,390	87.9
Латинская Америка и Карибский бассейн	16,040	31.8
США и Канада	61,250	121
Африка южнее Сахары	3,890	7.7
Весь мир	16,900	33.5
По уровню доходов (по группам ВБ)	2019	В % от богатых стран
Низкий доход	2,020	4.0
Ниже среднего	7,110	14.1
Средний доход	11,570	22.9
Выше среднего	17,390	34.4
Высокий доход	50,500	100

** В долларах, в постоянных ценах 2017 года, по паритету покупательных цен, с округлением до десятков; ** здесь и далее – для агрегированных показателей Южного Кавказа используется простое среднее между показателями стран. Это делается из-за неточности исходных данных по населению и пр.*

Как мы видим, показатели Южного Кавказа близки к среднемировым, но все еще уступают им. Кроме того, показатели Южного Кавказа уступают и большинству других регионов. Чаще всего, эта разница не является очень значительной, и средний уровень экономического развития может постепенно приблизиться к странам с доходами «выше среднего». Однако если отойти от подушевых показателей (демографическая статистика в регионе – отдельная проблема) и рассмотреть темпы экономического роста, то можно увидеть следующую картину (График 1):

⁴ World Bank World Development Indicators Database.

График 1. Накопленный экономический рост (2010=100)⁵

⁵ IMF World Economic Outlook Database (кроме 2021 года для Южного Кавказа).

Как мы видим, потенциал восстановительного роста был исчерпан в 2000-е, а уже в 2010-е и далее Южный Кавказ рос несколько медленнее мировой экономики, и тем более – развивающихся стран.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. На данный момент странам Южного Кавказа не удастся реализовать сценарий опережающего развития, и в последние 15 лет они растут примерно с той же скоростью, что и вся мировая экономика. По подушевому ВВП страны Южного Кавказа также отстают от среднемировых (но не медианных) показателей, так что разговор о сравнительном отставании правомерен. Главная причина этого отставания – это два огромных исторических шока – начала XX века (период распада Российской империи и последующей трансформации к социалистическому хозяйству), а также конца XX века (распад Советского Союза и переход к рыночной экономике). Восстановление после каждого из них занимало в среднем 25 лет, если не больше. А, учитывая, что мировая экономика растет лишь последние 150 лет, это очень много⁶. Это накладывалось на ущерб от войн, который дополнительно усугублял последствия транзита от одной экономической модели к другой⁷.

⁶ Андрей Илларионов, «Как Россия потеряла XX-е столетие», *Вопросы экономики*, № 1 (2000г.). <https://bit.ly/3pgnG5t>

⁷ Hrant Mikaelian, “The Karabakh War: Economic Cost and Consequences,” in ed. Alexander Iskandaryan, *Prospects for Peace in Nagorno-Karabakh: International and Domestic Perspectives* (Caucasus Institute: Yerevan, 2018), 103-123. http://c-i.am/wp-content/uploads/2018_British-1.pdf

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ТРАНЗИТ. ОЖИДАНИЯ И ЕГО ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ЭКОНОМИКЕ

В конце XX века история Кавказа вновь приняла драматический оборот. Самые массовые акции протеста в конце 1980-х годов имели место как раз на Южном Кавказе. По подсчетам Марка Бессингера, по суммарному числу участников на всех акциях протеста в рамках позднесоветской политической мобилизации, 47.6% пришлось на армян, 14.7% – на азербайджанцев и еще 5.4% – на грузин⁸. На фоне вышеприведенных данных, дальнейшее развитие событий неудивительно. Не лишним будет вспомнить и то, какими были ожидания общества и элит в тот период времени.

Обретение независимости увязывалось с переходом к рыночной экономике и капитализму, поскольку Советский Союз был государством с коммунистической идеологией, не позволявшей существования рынка. Представления о капитализме были очень смутными: каждый понимал под этим что-то свое, а отторжение социализма было далеко не тотальным, хотя оно и доминировало в общественно-политическом и медийном поле.

Массовые ожидания от экономического транзита можно охарактеризовать как преобразование в социал-демократию, где сохранялась бы социальная ответственность государства (закреплено во многих постсоветских конституциях), но при этом не было бы искусственной «уровнировки» с тем, чтобы вознаграждение усилий каждого больше соответствовало рынку. Особенно эти изменения поддерживал класс служащих, чьи зарплаты в СССР занижались. Переход к социал-демократии в рамках политики конвергенции

⁸ Mark Beissinger, *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State* (Cambridge University Press: 2002); Прикрепленная база данных "Mass Demonstrations and Mass Violent Events in the Former USSR, 1987-1992, Aggregated by Nationality".

систем активно обсуждался как внутри СССР, так и в Европе, а в наиболее общем виде эти ожидания выглядели следующим образом:

- Рост доходов населения,
- Больше справедливости и повышение социальной мобильности,
- Перераспределение ресурсов в сторону потребления,
- Свобода предпринимательства.

Стоит отметить, что часть этих вопросов стоят на повестке дня и сегодня, что говорит о том, что общество не было адекватно осведомлено о ходе и целях трансформации. Либо была нарушена коммуникация, либо политики часто выдавали желаемое за действительное, либо изначально понимали, что предлагаемые ими подходы не найдут поддержки большинства. Но как бы там ни было, недовольство результатами экономического транзита выражается в сохраняющейся советской ностальгии. Рассмотрим экономическую динамику за максимально длительный период (График 2).⁹

⁹ Источники по экономической динамике:

- авторские расчеты с коррекцией на основе статистических сборников «Народное хозяйство СССР», «Народное хозяйство Армянской ССР», «Народное хозяйство Грузинской ССР», «Народное хозяйство Азербайджанской ССР» за 1970-1988гг.; Soviet Republics Statistical Handbook (World Bank) за 1993-1997гг.;

- Conference Board Total Economy Database;
- World Bank World Development Indicators;
- IMF World Economic Outlook October 2021 Database;
- Maddison Project Database 2020;
- World Bank International Comparison Program 2017.

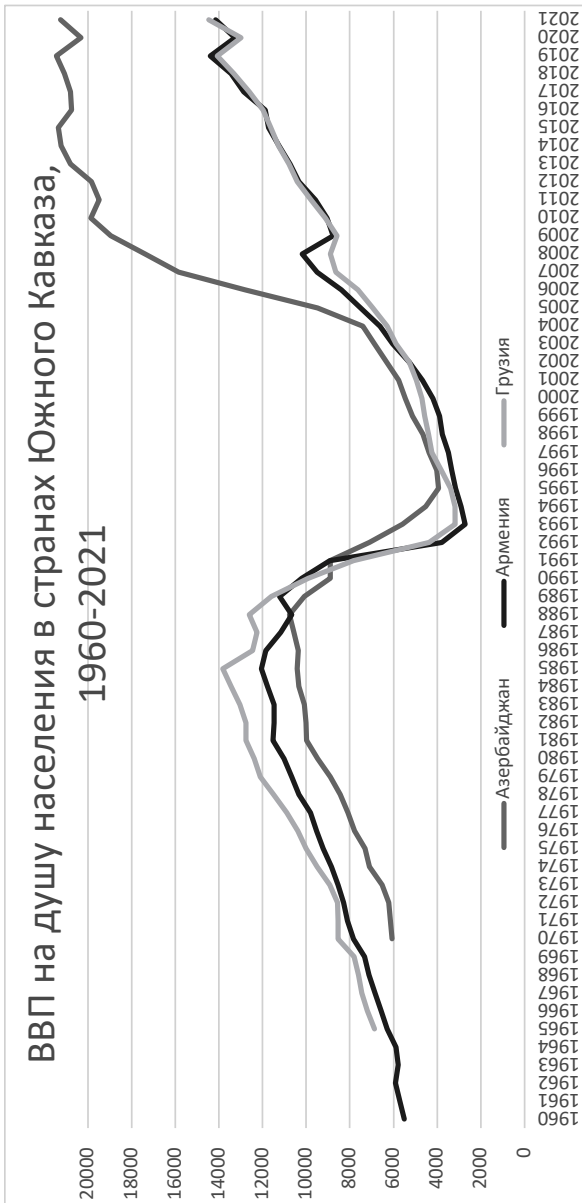
Все данные приведены к единой методологии.

Источники по демографической динамике:

- приложения «Демоскопа» по 15 независимым государствам;
- UN DESA World Population Prospects 2019;
- данные национальных статистических и миграционных служб Азербайджана, Армении и Грузии;
- собственные расчеты автора.

По состоянию на 2019 год, наличное население Грузии оценивается в 3,98 млн, Армении – в 2,83 млн, Азербайджана – в 6,5 млн.

График 2. ВВП на душу населения в странах Южного Кавказа, в постоянных ценах*

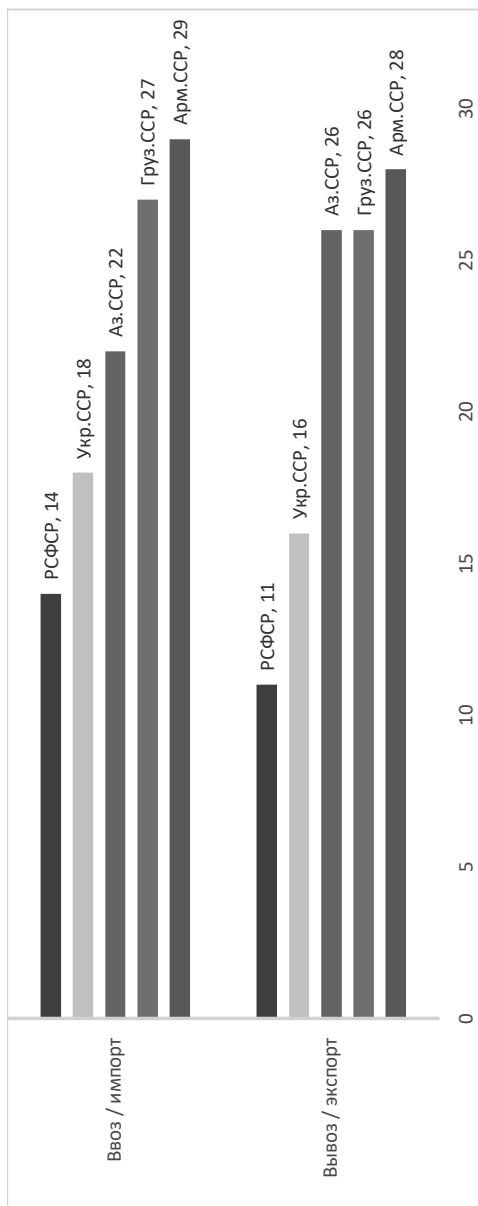
* В долларах, в постоянных ценах 2017 года, по паритету покупательных цен на основе ICP-2017, с пересчетом на SNA-2008, с пересчетом численности населения, на основании собственных расчетов.

Глядя на график выше, можно заключить, что по подушевому ВВП страны Южного Кавказа превосходили советские показатели. Хотя суммарный объем ВВП советского периода на данный момент превысили пока Армения и Азербайджан, по подушевым показателям все три страны уже превосходили свои советские показатели. Уровень 1985 года был превышен в Азербайджане в 2006 году, в Армении – в 2017 году, а в Грузии – в 2019 и повторно в 2021 году.

Таблица 2. Основные характеристики трансформационного спада в странах Южного Кавказа (по подушевому ВВП)

	Азербайджан	Армения	Грузия
Начало спада	1989	1986	1986
Возобновление роста ВВП	1996	1994	1995
Глубина спада	-66.5%	-77.4%	-77.0%
Восстановление к уровню 1985 года	2006	2017	2019
Длительность восстановления (лет)	21	32	34

Глубина спада составила от $\frac{2}{3}$ в Азербайджане до $\frac{3}{4}$ в Армении и Грузии. Наряду со сменой экономической модели и войнами, причиной тому стало и серьезное нарушение логистики, вызванное распадом межреспубликанской кооперации. Республики Южного Кавказа, будучи небольшими по размерам и приграничными в рамках СССР, были сильно завязаны на эту кооперацию. Чем сильнее республики были вовлечены в эти взаимосвязи, тем сильнее падала их экономика в начальном периоде трансформации, особенно за счет предприятий, вовлеченных в производство сложной готовой продукции, включая микроэлектронику (График 3).

График 3. Зависимость союзных республик от межреспубликанской кооперации в 1988 году (%)¹⁰ *

* Степень зависимости от вывоза отражает долю продукции, произведенной в республике и экспортированной в другие союзные республики или за пределы СССР а степень зависимости от ввоза отражает долю потребляемой в республике продукции и сырья, импортированных из-за пределов республики, в том числе извне СССР.

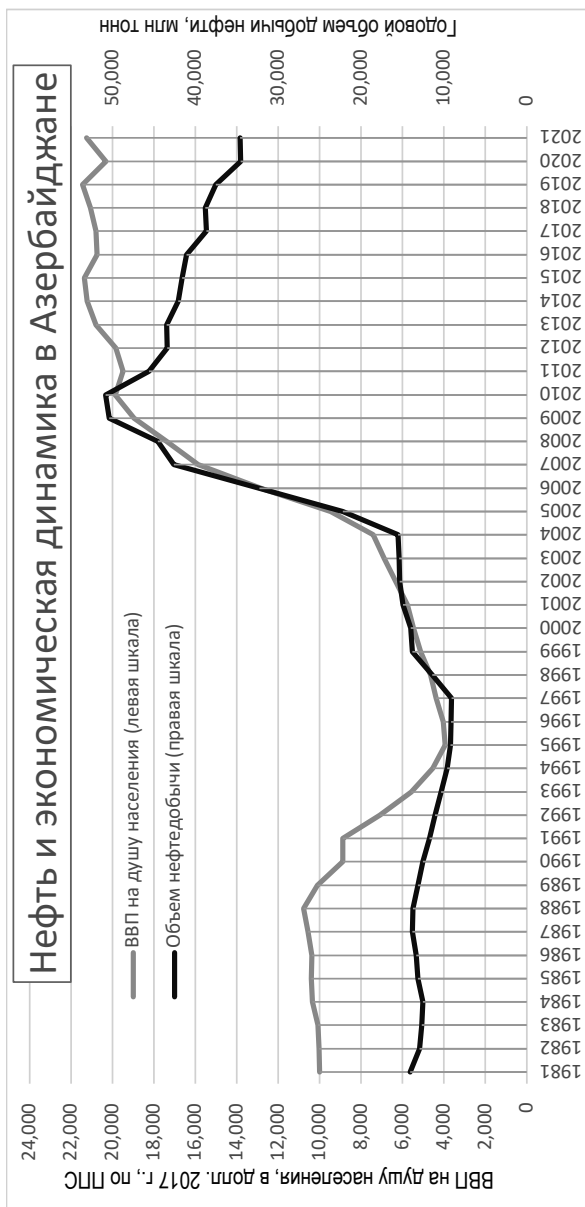
¹⁰ Государственный комитет СССР по статистике, *Сборник статистических материалов 1990* (Москва: Финансы и статистика, 1991).

Неудивительно, что сильно пострадала внешняя торговля товарами и производительный сектор в целом. Вместе с ними упала занятость и размер зарплат. К примеру, за 1992-1994 годы в Армении реальная заработная плата сократилась в 8 раз¹¹; еще в ноябре 1992 года были введены хлебные карточки, норма продажи хлеба по которым постепенно сокращалась. Это необходимо знать для понимания стартовых условий стран Южного Кавказа.

Как мы уже увидели, в период транзита азербайджанская экономика себя чувствовала лучше, чем соседи – и глубина спада была ниже, и скорость восстановления выше, и советские показатели были надежно превзойдены. Хотя у этого есть простое объяснение, и оно заключается не в относительной политической стабильности (по сравнению с Грузией) или более благоприятной логистической позиции (по сравнению с Арменией), а в кратном росте нефтедобычи благодаря контрактам, заключенным еще в начале 1990-х годов и европейскому запросу на диверсификацию поставок энергии. В последние годы Азербайджану удается несколько нарастить газовую добычу и в целом снизить зависимость от нефти, но снижение пока не очень значительное (График 4).

¹¹ National Statistical Service of Armenia, “Labour Market in the Republic of Armenia” (2013): 160-161.

График 4. ВВП на душу населения Азербайджана и динамика добычи нефти, 1981-2021

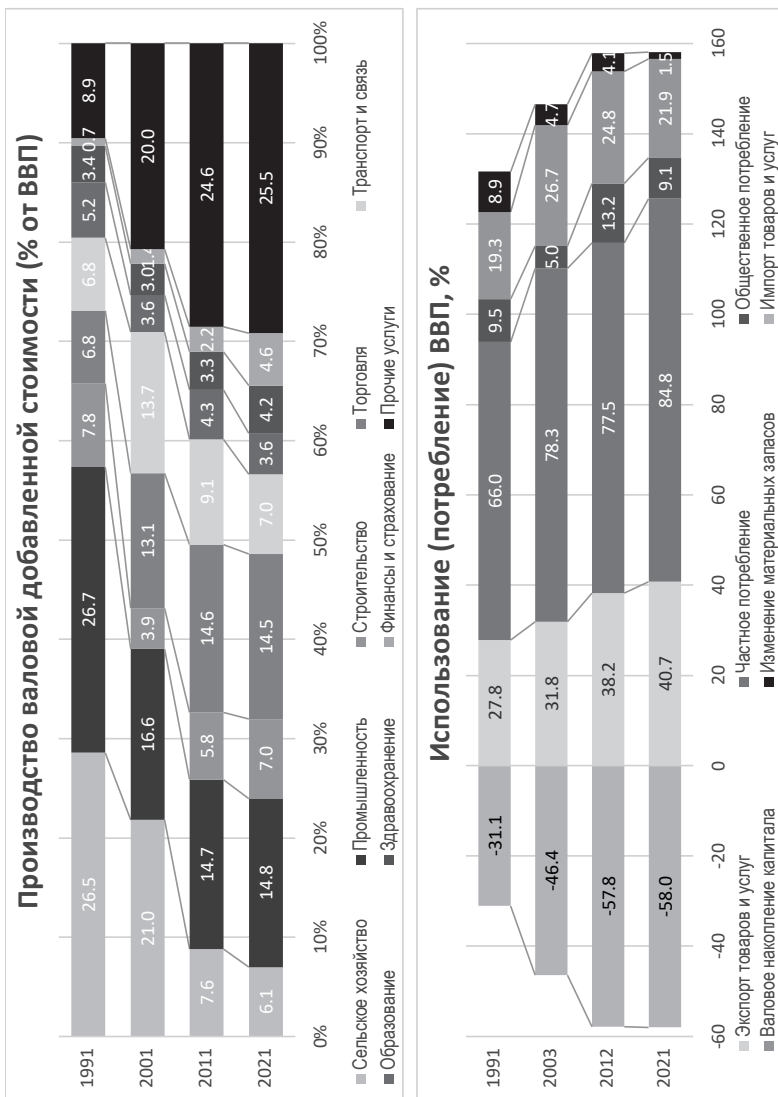

Что касается Армении и Грузии, то к настоящему моменту мы имеем примерно тот же объем экономики, но довольно серьезно изменившуюся структуру. В процессе трансформации резко сократилась доля реального сектора экономики и выросла доля услуг, а также торговли. Именно в Грузии эти изменения проявились наиболее выпукло. Причем основные изменения произошли в два этапа – в начале 1990-х и во второй половине 2000-х годов, в результате реформ периода Саакашвили и проведенной его правительством политики. Грузинский пример поможет проиллюстрировать эти изменения (График 5).¹²

Подробнее к структурным особенностям экономик Южного Кавказа мы еще обратимся отдельно, до тех пор же вернемся к вопросу о транзите. С макроэкономической точки зрения транзит или завершен, или близок к завершению: в последние 10 лет изменения не очень значительные, причем это касается как Грузии, так и Армении с Азербайджаном. Это позволяет говорить о переходе в новое, относительно стабильное состояние и о том, что структурно переход уже завершен. Понятно, что речь в большей степени о качественных изменениях, чем о количественных; для этого очень важно время. С точки зрения квалификации ситуации как завершение транзита важнее то, в какой мере оформилась институциональная база в рамках новой модели.

¹² Источник данных за 1991 год – *Статистический сборник 1994 – Государства бывшего Советского Союза* (Вашингтон: Всемирный Банк, 1994г.ц), 216. За период после 1991 года – Geostat. Стоит учитывать, что данные не полностью сопоставимы. Данные за 1991 год рассчитаны на основании SNA-1968, за 2001/3 и 2011/12 – на основании SNA-1993 и за 2021 – на основании SNA-2008. Данные по потреблению за 2021 год – авторская оценка, поскольку официальные данные за год еще не сведены. По использованию ВВП данные за период до 2003 года не представлены Грузстатом, поэтому годы, по которым представлена динамика использования ВВП, несколько отличаются от периода производства ВВП.

График 5. Изменение структуры экономики Грузии за 30 лет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ: ЗАВЕРШЕНИЕ ТРАНЗИТА?

Как мы уже увидели, к началу XXI века экономики стран Южного Кавказа схлопнулись и потеряли значительную часть реального сектора. Причиной тому были не только вышеупомянутые внешние факторы, но и внутренние. В ранний постсоветский период произошел резкий рост коррупции и сложилась ситуация, когда государство временно не могло ее обуздать; более того, в отдельные периоды не удавалось даже взять под контроль насильственную преступность. В Грузии, например, это было сделано лишь к концу 2000-х годов.

Чаще всего говорилось о необходимости реформ для эффективного перехода к рыночной экономике. Вместе с тем, не стоит забывать и о том, что строительству новых институтов предшествовало разрушение старых. С одной стороны, институты командно-административной экономики в рыночных условиях не способны обеспечить экономический рост, а в перспективе лишь тормозили бы его. С другой, разрушение старых институтов сразу приводит к негативным последствиям, а компенсация этих последствий происходит с большим временным лагом – уже после появления и стабилизации новых институтов. Новые регулирующие структуры появились не ранее чем через 15-20 лет после разрушения старых. И это важный урок с точки зрения экономической трансформации, поскольку многими ее авторами разрушение старых институтов виделось в качестве самостоятельной цели вне зависимости от экономических и социальных последствий. При этом, разрушение советских институтов началось еще во второй половине 1980-х годов, и тогда же начался неконтролируемый рост коррупции. Это можно проиллюстрировать данными из Армении.

Таблица 3. Динамика числа преступлений, связанных с «хищением государственной собственности» в Армении¹³

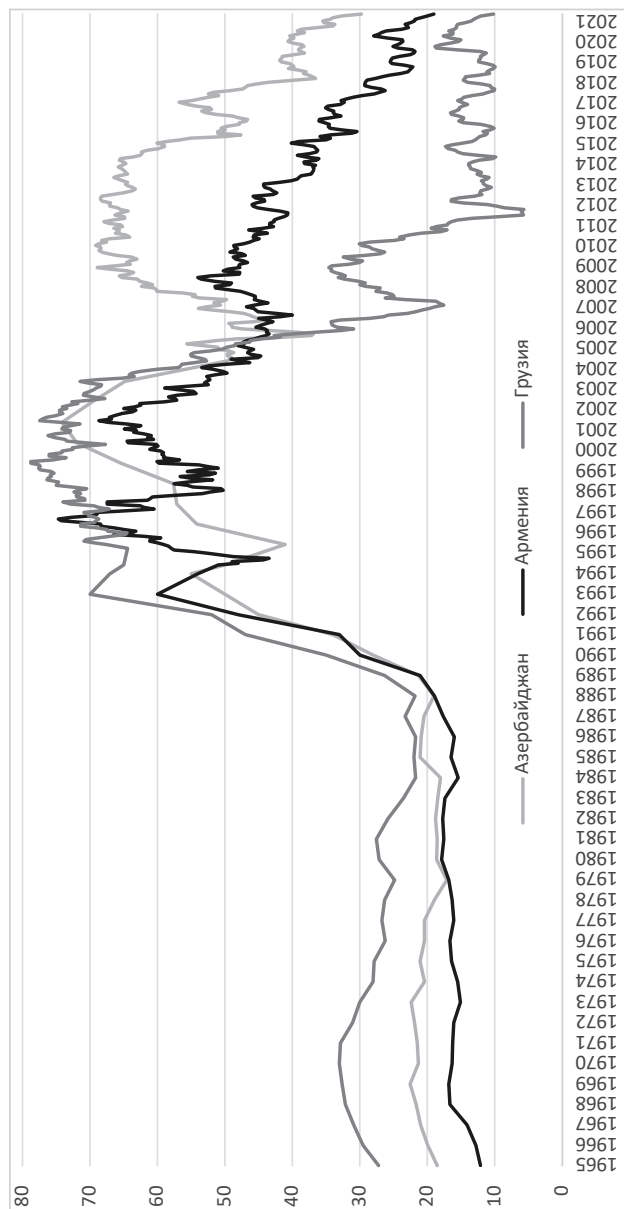
	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Число зарегистрированных преступлений по статье «хищение государственной собственности»	1,253	1,266	1,210	1,559	1,612	3,254
Количество арестованных по статье «хищение государственной собственности»	1,427	1,394	1,127	622	767	545
Количество арестованных в среднем по 1 делу о хищении	1.14	1.10	0.93	0.40	0.48	0.17

Следует учитывать, что к списку институциональных проблем относятся также и кадровая политика, приводившая к принятию неквалифицированных решений, и распространение неформальных практик (включая патрон-клиентские отношения, коррупцию, уклонение от налогов), и формирование экстрактивных институтов¹⁴, благоприятствующих узкогрупповым интересам, и культурные факторы – отсутствие солидарности, коллективных действий гражданского общества, восприятие бизнеса как полуполигальной активности с соответствующим набором практик, моральная допустимость растраты общественного блага в частных интересах – словом то, что пренебрежительно называли «советским менталитетом». В то же время, по меньшей мере часть этих паттернов стоит относить в большей степени к периоду кризиса и распада советской системы, чем к ее зениту.

Хорошим показателем динамики институциональной состоятельности может быть динамика доли теневой экономики в странах Южного Кавказа, тем более что доступные данные позволяют оценить ситуацию за достаточно длительный период (График 6).

¹³ «Государственное управление по статистике, государственному регистру и анализу Республики Армения 1991», *Статистический ежегодник Армении – 1990* (Ереван), 355.

¹⁴ Daron Acemoglu, and James Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Publishers, 2012).

График 6. Динамика теневой экономики в странах Южного Кавказа в 1965-2021 гг.¹⁵

¹⁵ В период с 1965 по 1989 годы – доля теневой экономики в валовом национальном доходе. Вуцунг Yeon Kim, and Yoshisada Shida, "Shortages and the Informal Economy in the Soviet Republics: 1965-1989," RRC Working Paper series #43, March 2014. В период с 1990 по 1994 годы – оценка автора. В период с 1995 года – ежемесячные усредненные данные, расчеты автора, основанные на модифицированном методе Гутманна, оценка доли тени в ВВП на основании статистики денежных агрегатов. Грант Микаелян, *Теневая экономика в Армении* (Ереван: Институт Кавказа, 2016г.).

К началу 2000-х годов в странах Южного Кавказа доля «тени» в экономике достигала в среднем 70%, что означает, что примерно две трети экономики никак не регулировалось государством. Это хорошо иллюстрирует тот институциональный кризис, в котором находились три страны. Уже на протяжении 2000-х годов тренды разошлись. В Грузии с 2004 года заметно радикальное сокращение, продлившееся 4 года, после чего тенденции стали менее выпуклыми. Уже к концу 2007 года был достигнут результат в 20% ВВП, а после определенного отскока доля «тени» в грузинской экономике стабилизировалась на уровне около 13% ВВП, что следует считать очень хорошим показателем, соответствующим уровню развитых стран.

В Армении периода резкого спада не было, но в последние 20 лет можно отметить устойчивый тренд на ограничение «тени», что характеризует стабильную политику реформирования экономики. К концу 2021 года «тень» также составила менее 20% ВВП, что уже сопоставимо с грузинским показателем. Азербайджан стабильно характеризовался более высоким уровнем коррупции, согласно исследованиям¹⁶, но, судя по всему, властей это обстоятельство не очень беспокоило до резкого падения цены на нефть в 2014 году. С тех пор также начинается политика реформ¹⁷, и она тоже уже дает заметные результаты¹⁸, как это видно из графика 6. Даже показатели Азербайджана для развивающихся экономик

¹⁶ К примеру, эти сопоставления можно сделать на основе Global Corruption Barometer и CRRC Caucasus Barometer.

¹⁷ Ильхам Шабан, «Борьба с коррупцией в Азербайджане – анализ», *Caspian Barrel*, 11 июня 2016г. <http://caspianbarrel.org/az/2016/06/borba-s-korrupsiej-v-azerbajdzhane-an/>

¹⁸ К примеру, с 2014-16 годов почти прекратилось такое явление как теневой экспорт нефти, косвенно вычисляемый как разность между экспортом нефти, зарегистрированным таможенной службой, и экспортом нефти, оцененным Статистическим комитетом Азербайджана.

следует считать удовлетворительными, что говорит о росте качества управления экономикой.

Взглянем на это в более широком контексте. Европейский банк реконструкции и развития ежегодно оценивает степень трансформации стран постсоциалистического пространства, а также Средиземноморского бассейна. Согласно ЕБРР, по уровню конкуренции страны Южного Кавказа все еще заметно отстают от стран Центральной и Восточной Европы, а вот по качеству управления разница не столь значительна: в Польше – 6.8 баллов, в Грузии – 6.5, в Армении – 6.2 и в Азербайджане – 5.6. Этот показатель демонстрирует и корреляцию с долей теневой экономики. Рассмотрим все показатели трансформации в выбранных странах¹⁹.

Таблица 4. Показатели трансформации на 2021 год, согласно ЕБРР (из 10 баллов)

	Конку- ренция	Хорошее управле- ние	Зеленая эконо- мика	Инклю- зивность	Устой- чивость	Интегри- рован- ность
Южный Кавказ						
Азербайджан	4.30	5.61	4.83	4.92	4.34	5.70
Армения	4.82	6.22	5.11	5.88	6.56	5.83
Грузия	5.18	6.53	4.90	4.94	6.04	6.47
Другие постсоветские страны						
Россия	5.95	5.73	5.49	6.89	6.33	4.84
Таджикистан	3.48	4.36	4.70	5.01	3.91	3.81
Украина	4.87	4.42	5.36	6.16	5.68	5.11
Страны Центральной и Восточной Европы						
Польша	6.72	6.83	6.79	6.92	7.98	6.95
Словения	6.95	7.26	7.26	7.39	8.02	7.29
Чехия	7.07	7.13	6.95	7.17	7.86	8.08

¹⁹ ATQ scores (assessment of transition qualities) характеризуют степень экономического транзита, согласно экспертам ЕБРР. EBRD, *Transition Report. System Upgrade: Delivering the Digital Dividend* (2021), 125. <https://www.ebrd.com/documents/oc/e/transition-report-202122-pdf.pdf>

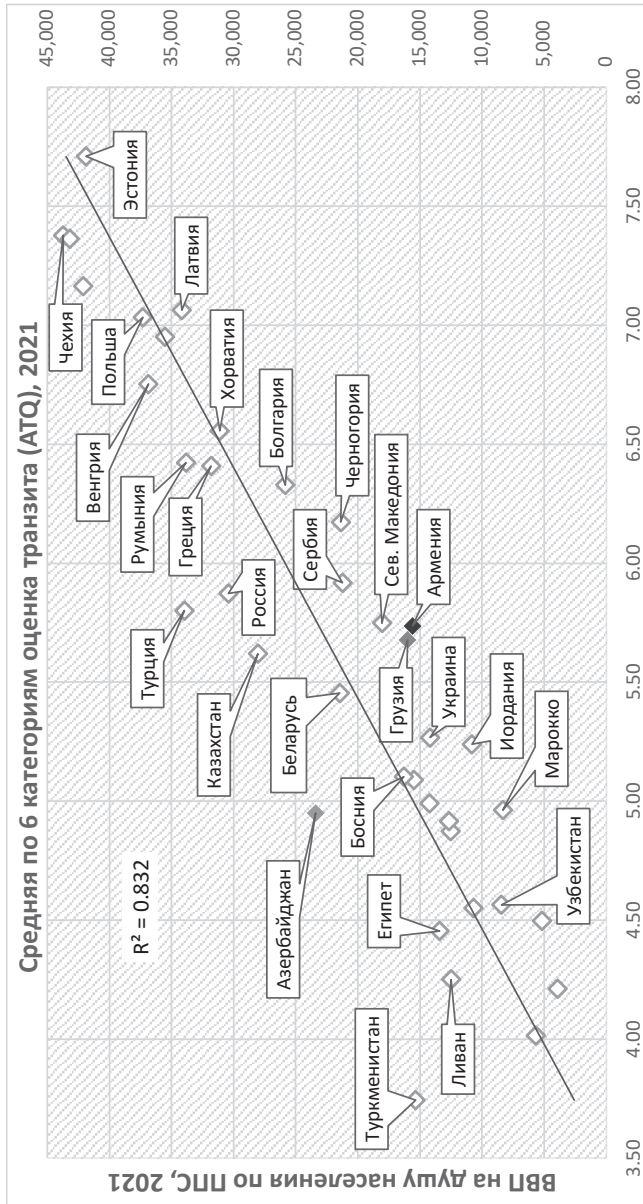
Как мы видим, уровень трансформации имеет определенную связь и с уровнем экономического развития: чем выше качество управления, степень конкуренции и пр. показатели, тем выше уровень экономического развития, что можно довольно убедительно продемонстрировать на выборке из 38 стран (График 7).

Согласно ЕБРР, у большинства добывающих экономик ВВП выше ожидаемого на основании оценки транзита. Это касается и Азербайджана, предсказанный моделью уровень подушевого ВВП которого примерно на 39% ниже реального, что довольно близко к доле нефтегазового сектора в экономике Азербайджана. Что касается Армении и Грузии, то у них ситуация обратная: их предсказанный моделью подушевой ВВП заметно выше реального. Это также означает, что Армению и Грузию можно считать в большей мере трансформировавшимися экономиками, тогда как об Азербайджане пока еще нельзя сказать этого. Армения и Грузия имеют достаточно большой потенциал экономического роста, в отличие от Азербайджана, что и подтверждается очень незначительными темпами экономического роста Азербайджана при сравнительно более высоких – Армении и Грузии. Речь идет о значительном нереализованном экономическом потенциале: на 32.6% (Армения) и 29.0% (Грузия). Объяснение этого разрыва будет предложено в следующих разделах.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В самом начале XXI века вопрос внешнеполитической ориентации не стоял так остро, как сегодня. Интеграция в международные структуры рассматривалась в первую очередь как средство достижения экономического развития и лишь после – как политический акт. Общий подход состоял в том, что будет происходить глобализация мира по западной модели, и весь вопрос был в

График 7. Взаимосвязь степени трансформации и уровня экономического развития страны в регионе ЕБРР

том, в какой форме это произойдет. Все три южнокавказские республики состояли в СНГ и ряде других постсоветских объединений, и реалистичными альтернативами выглядели интеграция напрямую (Грузия уже стремилась к этому) и коллективная интеграция вместе с Россией, которая тогда тоже демонстрировала желание интегрироваться в западные институты.

На протяжении последующего периода модели прямой и опосредованной интеграции стали приходить во все большее противоречие, поскольку пророссийская интеграция уже стала конкурировать, а затем конфликтовать с прозападной. Это проявилось уже на фоне конкуренции проектов «Восточного партнерства» и «Таможенного союза ЕАЭС» в 2012-2014 годах. Эта конкуренция стала все больше нагружаться политикой безопасности и даже геополитикой, хотя «призом» в обоих случаях выглядели чисто экономические *соглашения Ассоциации и DCFTA с Евросоюзом* с одной стороны, и *Таможенного союза и ЗСТ в Евразии* – с другой²⁰.

К началу 2010-х годов стало очевидно, что международная экономическая интеграция на Южном Кавказе проникает все глубже, предполагает реформу политических институтов, аппроксимацию с партнерами и начинает все сильнее ограничивать суверенитет игроков, вовлеченных в нее. Вместе с тем, проявился и кризис западной интеграционной модели для Южного Кавказа: после достижения некой планки, она неизбежно буксовала, поскольку не могла предложить больше – членства в ЕС и НАТО. Тому было несколько причин: с одной стороны, серьезное экономическое отставание Кавказа от континентальной Европы, с другой – взаимная обусловленность интеграции в ЕС и НАТО, что в свою очередь вызывало противодействие России, демонстрировавшей готовность силовым путем препятствовать распространению западных институтов у

²⁰ DCFTA – Зона глубокой и всесторонней свободной торговли с Европейским союзом. ЗСТ – Зона свободной торговли, созданная в рамках СНГ для стран, имеющих намерение интегрироваться в рамках Евразийского пространства.

ее границ, особенно после саммита НАТО, прошедшего в апреле 2008 года в Бухаресте. Еще одной тенденцией стало то, что, при отсутствии реалистичной евроатлантической перспективы, страны Южного Кавказа начали все больше погружаться в зависимость от Турции, локального члена НАТО и ЗСТ Евросоюза, что вызывало вопросы в Грузии и неприятие в Армении.

К 2013 году внешняя интеграция рассматривалась уже исключительно в парадигме внешнеполитического, а то и «цивилизационного» выбора, а такое рассмотрение проблемы уже предполагает игру с нулевой суммой²¹. Помимо вышесказанного, сами интеграционные модели были не равновесными. Россия приглашала страны бывшего СССР в Евразийский союз на условиях формально равноправных партнеров, а соглашение об Ассоциации с ЕС предполагало более низкую степень интеграции, отсутствие обязательств со стороны ЕС и де-факто отсутствие права голоса во взаимоотношениях. В перспективе членство в ЕС могло предлагать серьезные экономические дивиденды, но на практике эта опция все еще является очень далекой. А вот вступление в Евразийский союз, хотя формально выглядит достаточно хорошо, но на практике было похоже на покупку «кота в мешке», поскольку ЕАЭС на тот момент – совершенно новое образование, а его эффективность все еще под вопросом, особенно учитывая негативный опыт Советского Союза и торможение российской экономики в 2010-х годах²².

В рамках этой интеграционной дилеммы подходы стран Южного Кавказа распались по признаку внешнеполитических интересов. В условиях необходимости глубокой интеграции, но необходимости

²¹ Samuel Charap, and Mikhail Troitskiy, “Russia, the West and the Integration Dilemma,” *Survival: Global Politics and Strategy* Vol. 55, no. 6 (December 2013–January 2014): 49-62.

²² Alexander Libman, “Eurasian Economic Union: Between Perception and Reality,” *New Eastern Europe* (January 2018). <http://neweasterneurope.eu/2018/01/09/8767/>

выбора интеграционной модели, каждая из трех стран выбрала свой путь. Азербайджан стал развивать политику неприсоединения (и стал активным членом соответствующего движения), вел эгоистическую политику и отказался уступать свой суверенитет, в то же время развивая партнерские отношения с другими странами по конкретным проблемам, опираясь на энергоресурсы и геополитический фактор. При этом, на двусторонней основе проводится политика интеграции с Турцией, красноречиво названная «Один народ – два государства» еще в начале 1990-х годов. Армения стремилась совместить обе интеграционные модели, что удавалось до тех пор, пока противоречия между Россией и Западом не стали неразрешимыми. В итоге, Армения выбрала евразийскую интеграцию, во многом исходя из фактора безопасности. Грузия продолжила развивать свой евроатлантический вектор и достигла уже определенного прогресса, в том числе и в сравнении с Украиной и Молдовой, имеющих более благоприятные географические условия.

Столь разные направления интеграции, совмещенные в похожих и географически близких экономиках, дают хороший материал для сравнения результативности самих моделей интеграции (хотя стоит учитывать и множество субъективных факторов, действующих в каждом отдельном случае). Однако для их полноценного анализа необходимы отдельные исследования.

Предварительные исследования и изучение данных показывают следующую картину. Грузии удалось привлечь большой объем прямых иностранных инвестиций, и в определенной мере рост их притока был вызван именно ассоциацией с ЕС. Также, Грузия получает регулярную финансовую помощь от ЕС, которая была особенно значительной в период коронавирусной пандемии: в частности, в 2020 году это удержало Грузию от глубокого падения, а в 2021 году позволило вырасти быстрее других стран. Ассоциация с ЕС позволяет Грузии расширять туристический поток из европейских стран, модернизировать инфраструктуру и поддерживать транзитную

модель. Но в то же время, открытый рынок с ЕС (а также с Турцией) не позволяет Грузии развивать собственное производство в реальном секторе (промышленность и сельское хозяйство), и импортная ориентация грузинской экономики сохраняется.

Армения после вступления в Евразийский союз не смогла привлечь серьезных иностранных инвестиций ни до, ни после смены власти в 2018 году. В то же время, Армения получает финансирование как от ЕАЭС, так и от ЕС (благодаря соглашению СЕРА, подписанному в 2017 году), что также смягчает бюджетный дефицит и позволяет обеспечивать выполнение социальных обязательств государства. Благодаря членству в ЕАЭС, армянская экономика стала заметно больше экспортировать, в первую очередь, на союзный рынок и, как следствие, больше производить, в первую очередь, промышленную продукцию – в частности, развивается легкая и пищевая промышленность. Транзитная роль Армении пока еще не востребована, что вызвано рисками безопасности после агрессии Азербайджана 2020 года и закрытостью границ с Турцией, но их открытие в перспективе может создать транзитные возможности для Армении, хотя и создать риски подрыва реального сектора и занятости.

Что касается Азербайджана, то подход избегать любых обязательств и универсалистских интеграционных моделей основан в первую очередь на авторитарном правлении и наличии огромных сырьевых ресурсов, предоставляющих большие финансовые возможности для правительства и не требующих дополнительных вливаний извне, хотя определенными льготами со стороны и России, и Евросоюза Азербайджан все-таки пользуется. Азербайджан активно развивает инфраструктурные проекты и делает это с минимальной поддержкой извне, в то же время развивая свой собственный реальный сектор. Однако стоит учитывать, что отсутствие льготного доступа на крупные внешние рынки, обусловленное отказом от внешней интеграции, в долгосрочной перспективе приводит к снижению конкурентоспособности экономики, в том числе как

сектора услуг, так и реального сектора, возможно, за исключением сельского хозяйства. Как следствие, весь экспорт Азербайджана, за исключением нефтегазового сектора, меньше, чем экспорт Грузии или Армении, несмотря на большую численность населения, объем экономики и др. Упрощая, в краткосрочной перспективе азербайджанский подход дает больше дивидендов, а в долгосрочной перспективе эта политика создает все больше проблем и приводит к торможению экономического роста, и приведет к долгосрочному отставанию Азербайджана. Большой сырьевой сектор маскирует то, что Азербайджан крайне зависим от импорта.

Таблица 5. Внешняя торговля стран Южного Кавказа в 2021 году, млн долларов²³

	Экспорт товаров	Импорт товаров	Товарооборот	Сальдо внешней торговли	Соотношение экспорта к импорту	Значимость импорта
А	В	С	В+С	В-С	В/С	С/(В+С)%
Вся внешняя торговля						
Азербайджан	23,850.6	11,705.8	35,556	12,145	2.04	32.9
Армения	3,022.4	5,356.8	8,379	-2,334	0.56	63.9
Грузия	4,242.3	10,103.8	14,346	-5,862	0.42	70.4
Внешняя торговля с исключением нефти и газа						
Азербайджан	2,713.4	~11,300	14,013	-8,587	0.24	80.6
Армения	3,022.1	4,467.4	7,490	-1,445	0.68	59.6
Грузия	4,223.0	8,938.1	13,161	-4,715	0.47	67.9

²³ По данным статистических комитетов/служб стран Южного Кавказа. Данные по товарной структуре азербайджанского импорта за 2021 год еще недоступны, поэтому представлена оценка объема нефтегазового импорта Азербайджана. Доля импорта во внешней торговле (последний столбец) не означает напрямую зависимости от импорта, а скорее является прокси для ее оценки.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ВНЕДРЕНИЯ

Как мы уже увидели, говоря об экономической трансформации применительно к Южному Кавказу, можно считать, что основные качественные изменения уже произведены, но политика реформ «вглубь» должна еще продолжаться для того, чтобы по уровню управления рыночной экономикой сравняться с более развитыми странами. Однако уже сейчас отставание в реформировании экономики и госуправлении от более развитых стран Центральной и Восточной Европы не столь значительное. Имея средние по 38 странам показатели экономической трансформации, Армения и Грузия заметно отстают от среднего значения по подушевому ВВП.

Сравнительно низкие макроэкономические результаты должны иметь объяснение, и одно из них заключается в глубоком спаде начала 2000-х годов, а также в логистической ситуации в регионе. Хотя для Грузии логистическая ситуация куда более благоприятная, чем для Армении и Азербайджана, она не смогла реализовать это преимущество. Закрытые границы между Арменией и Азербайджаном также не дают ответа на вопрос, поскольку обе страны давно обходят проблему закрытых границ посредством торговли с другими партнерами, а большая часть транзакционных издержек приходится не на внешние, а на внутренние факторы.

Таблица 6. Стоимость экспорта и импорта в пересчете на один контейнер по странам Южного Кавказа, долларов²⁴

	Армения		Азербайджан		Грузия	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
2006	2,341	2,608	7,302	6,816	2,597	2,597
2010	2,721	3,137	3,962	4,031	1,491	1,467
2012	2,577	2,974	4,201	4,277	1,496	1,893
2015	1,885	2,175	3,460	3,450	1,355	1,595

Основная проблема заключается в экономической политике, реализуемой в странах Южного Кавказа. Эта политика имеет как общие для всех трех экономик, так и специфические характеристики, относящиеся к каждой из них по отдельности. Но изучение общих закономерностей позволяет выделить две модели, существующие на Южном Кавказе: модель, примененную в Азербайджане, и модель Армении и Грузии, имеющие очень много общего и незначительные различия. Более того, в 1992-1995 годах все три страны адаптировали практически одинаковые политики, расхождения начали нарастать после этого, а говорить об отдельном азербайджанском подходе можно лишь в последние 10 лет.

Сразу после обретения независимости постсоветским странам была настоятельно предложена модель реформирования, основанная на неолиберальных политиках в рамках Вашингтонского консенсуса. Эта политика была опробована в Чили и оформлена в 10 рекомендациях Всемирного банка и МВФ. На первый взгляд эти рекомендации выглядят разумно и направлены на повышение финансовой устойчивости и свободной торговли. Но на практике они не одинаково хороши для всех стран. В последние десятилетия в качестве альтернативы Вашингтонскому консенсусу развивается направление экономики развития, в рамках которой изучаются

²⁴ Doing Business (методология 2006-15 годов). <https://bit.ly/3dx591R>

успешные практики, которые могут применяться развивающимися экономиками на разных стадиях развития²⁵.

Отмена субсидирования предприятий автоматически означала закрытие многих из них. Если в Китае это было произведено постепенно и был период, в течение которого предприятия могли адаптироваться к рынку, то на постсоветском пространстве такой возможности не было. Свободный обменный курс (в том числе, отказ от его занижения) лишал государства некоторых рычагов влияния и в том числе поощрения местного производства. Свободная торговля и отказ от импортных пошлин теоретически открывали возможности для всех игроков, а на практике развитые экономики получили возможность конкурировать с развивающимися на их же рынках и почти без усилий побеждали в этой борьбе. Частные предприятия во многих (хотя и не во всех) случаях эффективнее государственных, но это не означает, что приватизация в качестве самоцели является не экономической, а политической мерой, и в таком случае ведет не к росту эффективности, а нередко – к ликвидации предприятий. Вместе с тем, подходы, заложенные в Вашингтонский консенсус, косвенно ведут к росту неравенства внутри страны²⁶, а на международном уровне закрепляют разделение труда, где фиксируется неравенство между богатыми и бедными странами (отношения «центр-периферия»²⁷), закрепляя трудоинтенсивную работу в секторах с низкой добавленной стоимостью за бедными странами²⁸.

²⁵ Sebastian Dullien, Hansjörg Herr, and Christian Kellermann, *Decent Capitalism. A Blueprint for Reforming our Economies* (London: Pluto Press, 2011).

²⁶ Paul Krugman, "Inequality and Redistribution," in eds. Narcís Serra, and Joseph E. Stiglitz, *The Washington Consensus Reconsidered. Towards a New Global Governance* (The Oxford University Press: 2008).

²⁷ Edvige Bilotti, "From Keynesian Consensus to Washington Non-Consensus: A World-Systems Interpretation of the Development Debate," *Review (Fernand Braudel Center)* Vol. 38, No. 3 (2015): 205-218.

²⁸ Erik S. Reinert, *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor* (Constable: 2008).

Как это проявилось на Южном Кавказе?

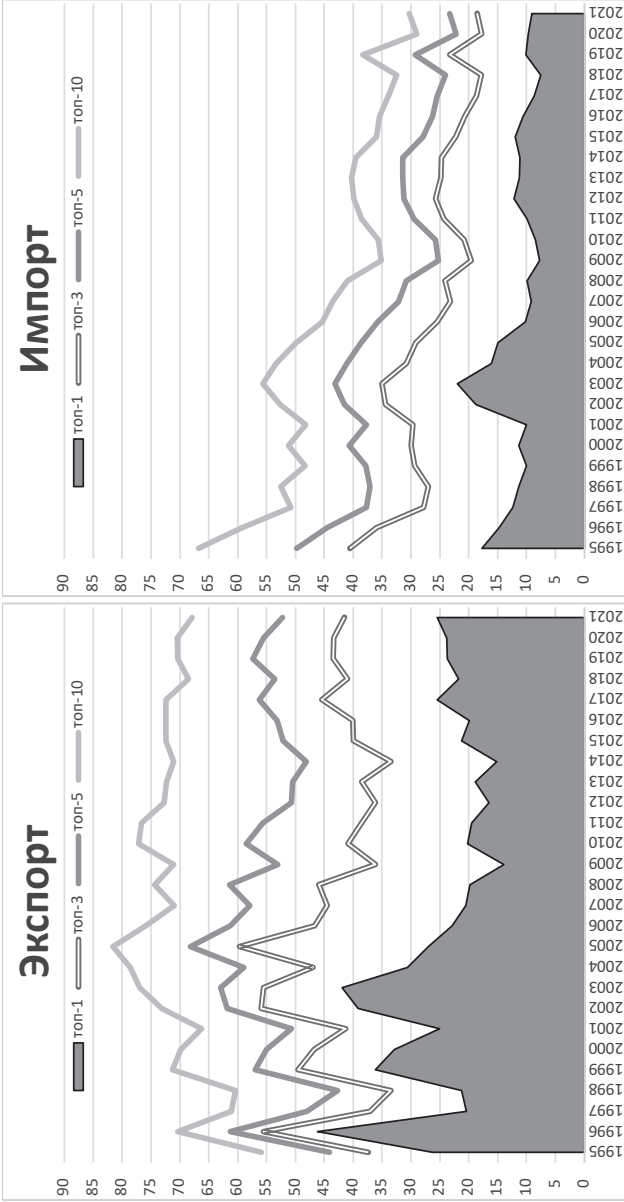
Основным следствием стало то, что сформировалась устойчивая импортная ориентация всех трех экономик Южного Кавказа. В таблице 5 мы видим, что и Армения, и Грузия импортируют гораздо больше, чем экспортируют, а в случае Азербайджана это маскируется большим нефтегазовым экспортом. С исключением этого сектора, Азербайджан импортирует в 4 раза больше, чем экспортирует. Более того, в случае Армении и Грузии тоже ситуация неоднозначная, поскольку имеется экспорт металлов (в Армении), реэкспорт (в Грузии), а большая часть потребляемых товаров импортируется. Поэтому, импорт более диверсифицирован по сравнению с экспортом. На основании базы данных внешней торговли Армении товарами по 4-значной классификации²⁹ можно рассчитать уровень концентрации – долю основных товаров в экспорте и импорте (долю главного товара, суммарную долю первой тройки, первой пятерки и первой десятки). На протяжении всего постсоветского периода разнообразие импорта росло, а экспорта – нет. Экспорт рос количественно, но не качественно; этому способствовал рост экспорта металлических руд, электроэнергии, ювелирной отрасли, коньяка и сигарет (График 8).

Рост импорта приводил к росту потребления, а отсутствие заградительных пошлин приводило к воспроизводству модели. На примере Грузии (график 5) мы видим, что в советский период она производила больше, а потребляла меньше, чем сейчас. Дисбаланс между экспортом и импортом вырос с 3.3% до 17.3%, причем в торговле услугами этот баланс положительный за счет туризма, а в торговле товарами составляет -20.1% ВВП.

Импортная ориентация экономик является устойчивой тенденцией, складывающейся из нескольких составляющих. Грузия и

²⁹ База данных внешней торговли по видам товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности на 4-х значном уровне <https://www.armstat.am/ru/?nid=148>

График 8. Уровень концентрации внешней торговли: динамика доли основных товаров, которыми торгует Армения, в ее экспорте и импорте за каждый год, 1995-2021 (%)

Армения довольно давно вступила в ВТО: в 2000 и 2003 годы соответственно³⁰, причем вступление было самоцелью и, в условиях слабой переговорной позиции, страны установили низкие импортные пошлины. В 2020 году большая часть импорта в Грузию производилась либо в режиме максимального благоприятствования, либо без взимания пошлин, а средневзвешенная пошлина составила 1.7%³¹. Армения вступала на похожих условиях, но после вступления в Евразийский союз тарифы были повышены (для стран, не входящих в ЕАЭС), и сейчас средневзвешенный импортный тариф составляет 5.7%³². Это изменение позволило Армении в последние годы значительно увеличить свой экспорт: за период с 2014 по 2021 год экспорт Грузии вырос на 46%, а Армении – на 104%.

Избыточная открытость вредит экономике: к примеру, зона свободной торговли между Грузией и Турцией привела к отрицательным последствиям для Грузии³³. Однако закрытость экономики – не выход: за тот же период весь экспорт Азербайджана сократился на 0.5%, а нефтегазовый экспорт вырос на 55%. В конце концов, закрытые рынки ограничивают движение товаров в обе стороны. Таким образом, оптимальным решением является постепенное двустороннее открытие рынков со странами, с которыми местные производители способны конкурировать. Необходимо сохранять в этом процессе определенный динамизм с тем, чтобы не создавать исключительных и неконкурентных условий для бизнеса, который в обратном случае будет лишен стимулов для развития.

³⁰ WTO Members and Observers. https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm

³¹ Georgia and the WTO. https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/georgia_e.htm

³² Republic of Armenia and the WTO. https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/armenia_e.htm

³³ «Я так лоханулся в Грузии». Саакашвили против подписания Украиной соглашения о зоне свободной торговли с Турцией», *НВ Бизнес*, 24 апреля 2020. <https://bit.ly/3PhQGnS>

Одной из составляющих импортной ориентации экономики является плавающий курс валюты. В 2000-е годы произошел резкий рост притока трансфертов, и местные валюты начали расти в стоимости по отношению к доллару. Наряду с членством в ВТО, это также повлияло на соотношение экспорта и импорта: если в Азербайджане, начиная с 2006 года, началась стерилизация избыточного притока валюты с тем, чтобы не допустить развития «голландской болезни», то в Армении этого сделано не было, и за период 2003-2008 годов армянский драм подорожал вдвое по отношению к доллару, из-за чего и возник эффект «голландской болезни»³⁴.

Помимо импортной ориентации экономики, следствием политики избыточной открытости становится и высокий уровень безработицы. И Армения, и Грузия характеризуются хронической безработицей: так, по всем опросам безработица называется ключевой проблемой и в Армении, и в Грузии; в Азербайджане уже давно опросы крайне ограничены на политическом уровне³⁵. Что касается статистических данных, то они не сопоставимы между странами, но уровень занятости является низким во всех трех странах. Высокая безработица является побочным следствием дисбаланса между экспортом и импортом. А следствием высокой безработицы является уже, в свою очередь, постоянная эмиграция, характерная для Южного Кавказа на протяжении всего периода независимости.

³⁴ С. А. Айвазян, А. Н. Березняцкий, Б. Е. Бродский, «Голландская болезнь» в экономиках России и Армении», *Прикладная эконометрика*, № 36 (4) (2014г.).

Эдвард Сандоян, Ирина Петросян, «Частные иностранные денежные трансферты как причина "голландской болезни" в экономике Армении», *Известия УрГЭУ*, № 5(37) (2011г.): 87-95

³⁵ Самый удобный инструмент для оценки – Кавказский Барометр CRRC. <https://caucasusbarometer.org>

ВЫВОДЫ

Как уже было отмечено, на Южном Кавказе к настоящему моменту сложилось две модели экономического развития и три модели интеграции. Азербайджанская экономическая модель – это инерционная модель, где переход к рынку проходил (за исключением краткого периода 1992-1995 годов) в контролируемых условиях, и ныне существует крупный сырьевой сектор, замкнутая и неконкурентная внутренняя среда, но, благодаря развитию инфраструктуры и активному субсидированию несырьевых секторов в последние годы, есть попытка сделать переход к диверсифицированной экономике. Это в перспективе может дать шансы на успешную международную интеграцию, хотя на данный момент эти шансы не очень велики, поскольку трансформация из государства-рантье, которым Азербайджан по-прежнему является, в современную диверсифицированную экономику – это сложный политико-экономический переход, удавшийся очень немногим странам.

Экономическая модель, внедренная в Армении и Грузии – это неолиберальная модель, построенная на чилийском примере, где в качестве приза за успешную реализацию предлагались успехи Сингапура. Эта модель подразумевает бюджетную дисциплину, низкие налоги, отказ от расширенной социальной политики, толерантность к имущественному неравенству, рост потребления и низкое внимание к промышленному производству, а сомнительная приватизация на ранней стадии не привела к формированию местного промышленного капитала. На постсоветском пространстве, в особенности в Армении и Грузии, переход к постиндустриальной экономике произошел не путем длительного опережающего развития сектора услуг, а стал следствием деиндустриализации, поскольку, в отличие от развитых стран, не сложилось гражданского общества, балансов политических и экономических интересов. Грузия

дальше всех пошла в реализации этой модели, тогда как Армения, сохраняя претензию на «социальное государство», ее несколько ограничивала, в особенности после вступления в ЕАЭС.

Эта модель была предложена республикам извне, и в этом процессе нельзя исключать влияние иностранных интересантов, но наряду с этим важно и то, что и местными элитами эта модель рассматривалась как выгодная для них же. На фоне импортной ориентации экономики формировалось импортное лобби, а сохранение неравенства воспроизводит социальную структуру и доминирование существующих элит.

Проблема не в том, что неолиберализм плох как экономическая модель. Как и любая другая теоретическая концепция, он адаптирован под конкретные условия, в которых может приносить существенные результаты. Но, к примеру, дерегуляция хороша для избыточно зарегулированной экономики и помогает ей вернуть динамизм. Но в экономике без регуляций будет распространено нарушение трудовых прав, контрабанда и другие негативные общественные явления.

Основной вопрос в данном случае заключается в том, насколько эта модель была подходящей для стран Южного Кавказа. Ее имплементация создала определенный потенциал для экономического роста. Но столь последовательная имплементация не позволяет его реализовать (см. график 7). На сегодня существует острая необходимость промышленной политики, политики занятости, поощрения сельского хозяйства и продовольственной безопасности, и др. Пространство решений, необходимых для развивающихся стран, в принципе не описывается в отдельности той или иной моделью, включая неолиберальные, кейнсианские или социалистические, но может комбинировать методы, применяемые в них.

Наконец, не следует забывать фундаментальные факторы, влияющие на экономический рост. Часто из виду упускается демографический фактор. В 2000-е Южный Кавказ воспользовался

«демографическим дивидендом», периодом, когда рождаемость уже упала, а общество еще не постарело, в результате чего максимальна доля трудоспособного населения. Этот фактор содействовал экономическому росту, но по мере старения населения он будет играть противоположную роль. Еще одним фактором является география. Ее нельзя изменить, но надо максимально адаптировать собственную экономическую политику к существующим географическим условиям, а это невозможно при принятии общих для всех рекомендаций безо всяких дополнений и изъятий. Кроме того, если, со всемирной точки зрения, свободная торговля является безусловным благом, то в определенные периоды для каждой страны она может становиться, напротив, угрозой. Необходимо адаптировать политику под конкретные нужды, а не исходить из общих закономерностей.

Наконец, следует помнить, что далеко не всегда экономический рост является следствием проводимой в стране политики или достижением ее экономических и финансовых властей. Мировая экономика продолжает расти, продолжается технический прогресс, что само по себе повышает базовую линию – и в качестве сколько-либо значимого результата следует воспринимать рост, превышающий средние мировые темпы. Тем более, что имеющийся рост до сих пор достигается с активным использованием уже изрядно изношенных советских инфраструктур, инвестиции в которые были сделаны еще 50 лет назад. И это – еще один контур, на котором Южный Кавказ должен будет наверстывать свое отставание.

ОБ АВТОРАХ

Мустафа Айдын

профессор международных отношений Университета Кадир Хас, Стамбул

Лоренс Броерс

директор кавказской программы Conciliation Resources, соучредитель и редактор журнала Caucasus Survey, Лондон

Александр Искандарян

директор Института Кавказа, Ереван

Сергей Маркедонов

ведущий научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России, Москва

Грант Микаелян

научный сотрудник Института Кавказа, Ереван

Марина Мусхелишвили

директор Центра общественных исследований, Тбилиси

Леонид Нерсисян

директор Армянского научно-исследовательского института (ARDI), Ереван/Москва

Николай Силаев

ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, Москва

Ариф Юнусов

руководитель Департамента конфликтологии и миграции Института мира и демократии, Баку/ Нидерланды

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КАВКАЗА¹

КНИГИ

Prospects for Peace in Nagorno-Karabakh: International and Domestic Perspectives.

– Ed. Alexander Iskandaryan. – Yerevan: Caucasus Institute, 2018. – 156p.

Authors: Sona Balasanyan, Laurence Broers, Nina Caspersen, Thomas de Waal, Mark Grigoryan, Alexander Iskandaryan, S. Neil Macfarlane, Hrant Mikaelian, Tevan Poghosyan, Sophia Pugsley

Грант Микаэлян. Теневая экономика в Армении. – Ред. А.Искандарян. – Ер.:

Институт Кавказа, 2016. – 188 с.

ISBN 978-9939-1-0497-3

Alexander Iskandaryan, Hrant Mikaelian, Sergey Minasyan. War, Business &

Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. – Yerevan, Caucasus Institute, 2016. – 144 p.

ISBN 978-9939-1-0464-5 на английском яз.

Сергей Минасян. Сдерживание в карабахском конфликте. – Ред. А.Искандарян. –

Ер.: Институт Кавказа, 2016. – 276 с.

ISBN 978-9939-1-0354-9

The Unrecognised Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space. – Laurence

Broers, Alexander Iskandaryan and Sergey Minasyan (Eds.) – Yerevan: Caucasus Institute and International Association for the Study of the Caucasus, 2015. – 240 p.

ISBN 978-99941-2-915-7 на английском яз.

The Economic Dimension of Cooperation between Armenia and Georgia: Facing New Challenges and Opportunities / Eds. N.Kalandarishvili, A.Iskandaryan. –

Yerevan, Collage, 2015. – 65 p

ISBN 978-9939-855-17-2 на английском яз.

Armenia's Foreign and Domestic Politics: Development Trends. – Mikko Palonkorpi

and Alexander Iskandaryan (Eds.) – Yerevan: Caucasus Institute and Aleksanteri Institute, 2013. – 92 p.

ISBN 978-99941-2-915-7 на английском яз.

¹ До 2008 года институт назывался КИСМИ – Кавказский институт СМИ.

Identities, Ideologies and Institutions. A Decade of Insight into the Caucasus. 2001-2011. – Alexander Iskandaryan (Ed.) –Yerevan: Caucasus Institute, 2011. – 232p. ISBN 978-99941-2-589-8 на английском яз.

Վտանգված ժողովրդավարություն / խմբագրությանը՝ Ալֆրեդ Ստեֆանի. – Եր.: Կովկասի ինստիտուտ, 2011. – 272 էջ
ISBN 978-99941-2-468-8 на армянском яз.

Լինց Խուման, Ալֆրեդ Ստեֆան. Ժողովրդավարության անցնել ու ժողովրդավարության կայացման խնդիրները. Նարավային Եվրոպա, Նարավային Ամերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա – Եր.: Կովկասի ինստիտուտ, 2011. – 620 էջ
ISBN 978-99941-2-469-5 на армянском яз.

Aybars Görgülü, Alexander Iskandaryan, and Sergey Minasyan. Turkey-Armenia Dialogue Series: Assessing the Rapprochement Process. TESEV-Caucasus Institute Joint Report. – Istanbul: TESEV, 2010.
ISBN 978-605-5832-38-4 на английском яз.

Aybars Görgülü, Sabiha Senyücel Gündoğar, Alexander Iskandaryan, and Sergey Minasyan. Armenia Dialogue Series: Breaking the Vicious Circle. TESEV-Caucasus Institute Joint Report. – Istanbul: TESEV, 2009. – 20p.
ISBN 978-605-5832-08-7

Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. – Ред. А.Искандарян. –Ер.: Институт Кавказа, 2009. – 207 с.
ISBN 978-99941-2-321-6

Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. – Ред. А.Искандарян. - Ер., Институт Кавказа, 2008. – 171 с.
Авторы: Хикмет Гаджи-заде, Дибя Нигар Гоксел, Айбарс Горгулу, Коста Дзугаев, Паата Закарейшвили, Александр Искандарян, Масис Маилян, Сергей Минасян, Расим Мусабеков, Геворг Тер-Габриелян, Ивлиан Хаиндрава, Виталий Шария
ISBN 978-99941-2-180-9 на русском яз.
ISBN 978-99941-2-220-2 на английском яз.

Sergey Minasyan. From Political Rallies to Conventions: Political and Legal Aspects of Protecting the Rights of the Armenian Ethnic Minority in Georgia as Exemplified by the Samtskhe-Javakheti Region. – Yerevan, CMI and the "Yerkir" NGO Union, 2007. – p. 92.

ISBN - 99941-2-058-1 на английском яз.

Сергей Минасян. Этнические меньшинства Грузии: потенциал интеграции на примере армянского меньшинства страны. – Ер.: КИСМИ и Союз общественных организаций «Еркир», 2006. – 172 с.

ISBN 99941-2-053-0 на русском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на армянском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на английском яз.

ISBN 99941-2-066-6 на французском яз.

ISBN 99941-2-065-9 на грузинском яз.

Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. – Ред. В. Четерян, Н.Искандарян. - Ер.: КИСМИ, 2005. – 192 с.

Авторы: Сергей Бондаренко, Люси Грибал, Ирада Гусейнова, Марьям Дурдыева, Ирина Костриченко, Рубен Мелоян, Марина Мухелишвили, Ремзи Лани, Алексей Сухов, Александр Хамагаев, Альфия Харченко, Викен Четерян, Диана Шмидт
ISBN 99941-2-014-x

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. – Ред.

А.Искандарян, И.Хаиндрава. Ер.: Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. – 214 с.

Авторы: Али Абасов, Сабит Багиров, Рахман Бадалов, Давид Бердзенишвили, Роман Гоциридзе, Давид Дарчишвили, Тогрул Джуварлы, Александр Искандарян, Нина Искандарян, Отар Канделаки, Анна Карагулян, Зейнал Мамедли, Эдуард Мелконян, Рубен Мелоян, Расим Мусабеков, Агаси Татевосян, Давид Усупашвили, Ивлиан Хаиндрава, Арутюн Хачатрян, Лела Хомерики
Издание представляет собой русскую версию сборника статей, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля на немецком языке под заголовком Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien («Диаспора, нефть и розы. О внутривнутриполитическом развитии Армении, Азербайджана и Грузии»). В русское издание внесены небольшие изменения и уточнения.
ISBN 99930-78-74-3

Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2004. – 120 с.

Авторы: Александр Искандарян, Киммо Каарияйнен, Эдуард Мелконян, Тадеуш Светоховский, Дмитрий Фурман, Ивлиан Хаиндрава, Саид-Магомет Хасиев
ISBN 99930-78-42-5

Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2004. - 160 с.

Авторы: Галина Витковская, Евгений Красинец, Дмитрий Полетаев, Елена Тюрюканова
ISBN 99930-78-37-9

Миграции на Кавказе. Материалы конференции. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2003. – 132 с.

Авторы: Людмила Арутюнян, Галина Витковская, Виктор Дятлов, Александр Искандарян, Эдуард Мелконян, Геворк Погосян, Гурам Сванидзе, Давид Сванидзе, Александр Скаков, Лариса Хоперская
ISBN 99930-78-30-1

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. – Ер.: КИСМИ, 2003. - 132 с.
ISBN 99930-78-25-5

Постсоветский Южный Кавказ. Библиография и обзор публикаций по социальным и политическим наукам. Россия, Армения, Азербайджан, Грузия. 1991-2001 гг. – Ред. А.Искандарян. – Москва, 2002. – 138 с.

Авторы-составители: Ариф Юнусов (Азербайджан), Самвел Манукян (Армения), Марина Мусхелишвили (Грузия), Дина Малышева (Россия)
ISBN 5-94398-007-5

ЕЖЕГОДНИКИ

Кавказ-2019. – Ред. А.Искандарян. - Ер.: Институт Кавказа, 2021. – 148 с.

Авторы: Фархад Аликперов, Александр Искандарян, Джонни Меликян, Моррис Торрес-Ким, Николай Силаев, Сергей Маркедонов, Гор Петросян
ISBN 978-9939-1-1325-8

Кавказ-2018. – Ред. А.Искандарян. - Ер.: Институт Кавказа, 2021. – 196 с.
Авторы: Павел Баев, Александр Дубови, Александр Искандарян, Алексей Малашенко, Сергей Маркедонов, Грант Микаэлян, Георгий Мchedlishvili, Давид Петросян, Митат Челикпала, Ахмет Ярлыкапов
ISBN 978-9939-1-1324-1

Кавказ-2017. – Ред. А.Искандарян. - Ер.: Институт Кавказа, 2018. – 144 с.
Авторы: Александр Искандарян, Елена Кузьмина, Сергей Маркедонов, Грант Микаэлян, Марина Мухелишвили, Давид Петросян, Ахмет Ярлыкапов
ISBN 978-9939-1-0788-2

Кавказ-2016. – Ред. А.Искандарян. - Ер.: Институт Кавказа, 2017. – 146 с.
Авторы: Фабрисси Виелмини, Александр Искандарян, Масис Маилян, Гиоргий Масалкин, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян, Александр Скаков
ISBN 978-9939-1-0652-6

Кавказ-2015. – Ред. А.Искандарян. - Ер.: Институт Кавказа, 2017. – 168 с.
Авторы: Чингиз Актар, Лоренс Броерс, Александр Искандарян, Георгий Канашвили, Резо Коява, Александр Крылов, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян, Ахмед Ярлыкапов
ISBN 978-9939-1-0566-6

Кавказ-2014. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2016. – 124 с.
Авторы: Давид Арутюнян, Павел Баев, Георгий Гвимрадзе, Александр Искандарян, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян
ISBN 978-9939-1-0334-1

Кавказ-2013. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2015. – 168 с.
Авторы: Александр Искандарян, Федор Лукьянов, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Гиа Нодиа, Давид Петросян, Моррис Торрес-Ким
ISBN 978-9939-1-0135-4

Кавказ-2012. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2014. – 168 с.
Авторы: Стивен Блокманс, Михаил Вигнанский, Ричард Гирагосян, Азад Исазаде, Александр Искандарян, Алан Касаев, Сергей Минасян, Давид Петросян, Ахмед Ярлыкапов
ISBN 978-99941-2-978-2

Кавказ-2011. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2013. – 180 с.

Авторы: Гела Васадзе, Мурат Гугемухов, Александр Искандарян, Алексей Малашенко, Сергей Минасян, Рауф Миркадыров, Давид Петросян, Питер Семнеби, Озгюр Унлухисарджикли
ISBN 978-9941-2-797-9

Кавказ-2010. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 172 с.

Авторы: Ричард Гирагосян, Айбарс Горгулу, Андрей Епифанцев, Гига Зедания, Александр Искандарян, Федор Лукьянов, Татул Манасерян, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Рауф Миркадыров
ISBN 978-9941-2-667-5

Кавказ-2009. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2011. – 200 с.

Авторы: Октай Абдуллаев, Ричард Гирагосян, Александр Крылов, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Эдуард Нагдалян, Давид Петросян, Ивлиан Хаиндрава, Митат Челикпала, Владимир Школьников
ISBN 978-99941-2-498-5

Кавказ-2008. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 211 с.

Авторы: Бюлент Арас, Сергей Арутюнов, Георгий Гогсадзе, Ричард Гирагосян, Сурен Золян, Александр Искандарян, Сергей Минасян, Гиа Нодиа, Давид Петросян, Георгий Санадзе, Арутюн Хачатрян, Владимир Школьников
ISBN 978-99941-2-364-2

Кавказ-2007. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2009. – 256 с.

Авторы: Мустафа Айдын, Давид Арутюнян, Арчил Гегешидзе, Георгий Гогсадзе, Тигран Джрбашян, Александр Искандарян, Алан Касаев, Дина Мальшева, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян, Рауф Раджабов, Владимир Школьников
ISBN 978-99941-2-219-6

Кавказ-2006. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2008. – 314 с.

Авторы: Сергей Арутюнов, Гагик Арутюнян, Ричард Гирагосян, Ашот Егиазарян, Гиа Жоржолиани, Александр Искандарян, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Марина Мухселишвили, Давид Петросян, Ариф Юнусов
ISBN 978-99941-2-090-2

Кавказ-2005. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2007. – 195 с.

Авторы: Лаша Бакрадзе, Александр Искандарян, Вальтер Кауфман, Александр Крылов, Давид Петросян, Тигран Саркисян, Александр Цинкер, Артур Цуциев, Анатолий Цыганок

ISBN 978-99941-2-064-2

Кавказ-2004. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2006. – 359 с.

Авторы: Гия Арешидзе, Сергей Арутюнов, Людмила Арутюнян, Муса Баснукаев, Сурен Золян, Александр Искандарян, Давид Петросян, Александр Скаков, Игорь Торбаков, Арутюн Хачатрян, Ариф Юнусов

ISBN 99941-2-028-5

Кавказ-2003. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2005. – 231 с.

Авторы: Александр Агаджанян, Сергей Арутюнов, Армен Дарбинян, Коста Дзугаев, Александр Искандарян, Отар Кандаки, Игорь Кузнецов, Давид Ованесян, Давид Петросян, Дмитрий Фурман, Ивлиан Хаиндрава

ISBN 99930-78-73-5

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

Сергей Минасян. Военно-политическое измерение украинского кризиса:

«гибридные» уроки для постсоветского пространства. Аналитические доклады

Института Кавказа, №6, июнь 2015. – Ер.: Институт Кавказа, 2015. – 72 с.

ISBN 978-99939-1-0191-0 *на русском яз.*

Сергей Маркедонов, «Де-факто образования постсоветского пространства:

двадцать лет государственного строительства». Аналитические доклады

Института Кавказа, №5, январь 2012. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.

ISBN 978-99941-2-633-0 *на русском яз.*

An Assessment of Research Capacities in Social Sciences and Humanities in Armenia.

Caucasus Institute Research Papers #4, February 2011. Yerevan: Caucasus Institute, 2011 – 48 p.

ISBN 978-99941-2-511-1 *на английском яз.*

Лариса Дериглазова, Сергей Минасян. Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. Аналитические доклады Института Кавказа, №3, январь 2011. – Ер.: Институт Кавказа, 2011. – 128 с.

ISBN 978-99941-2-499-2 *на русском яз.*

ISBN 978-99941-2-536-4 *на английском яз.*

Сергей Минасян. Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво? Аналитические доклады Института Кавказа, №2, август 2010. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 80 с.

ISBN 978-99941-2-413-8 *на русском яз.*

ISBN 978-99941-2-512-8 *на английском яз.*

Александр Искандарян, Сергей Минасян. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс. Аналитические доклады Института Кавказа, №1, январь 2010. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 59 с.

ISBN 978-99941-2-413-8 *на русском яз.*

ISBN 978-99941-2-512-8 *на английском яз.*

КАВКАЗ В XXI ВЕКЕ

ЕЖЕГОДНИК ИНСТИТУТА КАВКАЗА

Институт Кавказа
Ереван • 2022